

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головин,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипилина

СЕРИЯ

“Гуманитарные и социальные науки”

**Т. 25,
№ 6 / 2025**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Первая мировая война и Российская революция 1917 года на страницах 11-го тома 20-томной «Истории России»: об- суждение.....	5
Галин В.Ю. 11-й том «Истории России»: мнение политэконо- миста.....	5
Голдин В.И. Несостоявшийся бенефис.....	9
Кондрашин В.В. Неучтенные замечания... ..	13
Калашников В.В. Выигранная баталия. Что дальше? К выходу 11-го тома «Истории России»: «Империя, война, революция. 1914–1917 годы».....	17
Суслов А.Ю. Отечественная многопартийность в 1917 году в освещении 11-го тома академической «Истории России»... ..	22
Климов Р.С., Толочко А.В. Создание, применение и эволю- ция испытательных шахтных пусковых установок межкон- тинентальных баллистических ракет на полигоне «Плесецк» (1960–1990-е годы).....	27

ЛИНГВИСТИКА

Рыкова П.А., Чичерова Е.А. Формирование гештальт-образа «мирный атом» в советском и американском информационном поле (на примере английского и русского языков).....	40
Фокина А.Д. Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве.....	51
Зубкова О.С., Никитичев И.Г. Особенности конструирования научно-профессиональных концептов билингвами в ака- демическом дискурсе (на материале социально-гуманитар- ных наук).....	63

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редакторы
Е.А. Лочехина, М.Г. Аверина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 24.12.2025.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 14,60. Уч.-изд. л. 12,10.
Тираж 1 экз. Заказ № 9023.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2025

Димитриева О.А., Денисова Т.В. Антропимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры.....	76
Петрова О.А. Понятийные признаки лингвокультурного типажа «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах.....	87

ФИЛОСОФИЯ

Елхова О.И., Макулина Е.Ю. Умная социальная память как продуктивная сила метаверса.....	100
Уткина Н.В., Войцехович В.Э. Онтологическое переосмысление феномена любви.....	112
Коростелева Л.И. К проблеме этических оснований психологии.....	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов.....	128
Указатель статей, опубликованных в 2025 году.....	132
Наши рецензенты.....	135
К сведению авторов.....	137

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

**OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY**

Registration certificate
El no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief V.I. Goldin

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 25,
No. 6 / 2025

CONTENTS

HISTORY

World War I and the Russian Revolution of 1917 on the Pages of Volume 11 of the 20-Volume History of Russia: A Discussion.....	5
Galin V.Yu. Volume 11 of the <i>History of Russia</i> : A Political Economist's Opinion.....	5
Goldin V.I. A Failed Benefit.....	9
Kondrashin V.V. Comments Ignored... ..	13
Kalashnikov V.V. A Battle Won. What's Next? On the Publication of Volume 11 of the <i>History of Russia: Empire, War, Revolution.</i> <i>1914–1917</i>	17
Suslov A.Yu. Russian Multi-Party System of 1917 in Volume 11 of the <i>History of Russia</i>	22
Klimov R.S., Tolochko A.V. Creation, Use and Evolution of Test Silo Launchers for Intercontinental Ballistic Missiles at Plesetsk Proving Ground (1960s – 1990s).....	27

LINGUISTICS

Rykova P.A., Chicherova E.A. The Formation of the "Atoms for Peace" Gestalt in the Soviet and American Information Field (in English and Russian).....	40
Fokina A.D. Linguistic Pragmatics of the Concept DERECHO/ PRAVO in the Spanish- and Russian-Language Discursive Space.....	51
Zubkova O.S., Nikitichev I.G. Academic Concept Formation in Bilingual Academic Discourse (the Case of Social Sciences and Humanities).....	63
Dimitrieva O.A., Denisova T.V. Anthroponyms in Chuvash and Russian Riddles About Body Parts: Cultural Codes.....	76
Petrova O.A. Conceptual Features of the Linguocultural Type "Translator/Interpreter" in Russian and English Linguocultures....	87

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editors

E.A. Lochekhina, M.G. Averina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060

Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 24.12.2025.

Writing paper. Format 84×108 1/16

Conv. printer's sh. 14.60.

Acad. publ. sh. 12.10.

Circulation 1 copies. Order no. 9023.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after
V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2025

PHILOSOPHY

Elkhova O.I., Makulina E.Yu. Smart Social Memory as a Productive Force of the Metaverse.....	100
Utkina N.V., Voytsekhovich V.E. Ontological Rethinking of the Phenomenon of Love.....	112
Korosteleva L.I. On the Ethical Foundations of Psychology.....	120

ACADEMIC LIFE

Goldin V.I. Northern Eurasia as an Interaction Space: Multifarious Approaches.....	128
Index of the Articles Published in the Journal in 2025.....	132
Our Peer-Reviewers.....	135
Information for Authors.....	137

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 5–26.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 5–26.

Первая мировая война и Российская революция 1917 года на страницах 11-го тома 20-томной «Истории России»: обсуждение

Осенью 2024 года в издательстве «Наука» в Москве под названием «Империя, война, революция. 1914–1917 годы» вышел в свет 11-й том 20-томной академической «Истории России» (в двух книгах) (ответственный редактор – главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук В.П. Булдаков). В начале декабря того же года руководство указанного издательства обратило внимание на широкую критику этого тома и подняло на заседании редколлегии вопрос о целесообразности дальнейшей реализации многотомника.

Критика рассматриваемого издания продолжилась публикацией целого ряда статей и материалов, которые будут упомянуты участниками обсуждения. Сегодня открытым остается вопрос о судьбе этого тома: пытаться ли доработать его или подготовить новое издание с новыми ответственным редактором и авторским коллективом.

Эта проблема актуальна и для высшей школы. С одной стороны, сложная и судьбоносная для нашей страны проблематика Великой войны и Российской революции, рождающая много вопросов, нуждается в компетентных профессиональных ответах. Поэтому новые издания, и особенно специальный том, вышед-

ший в рамках новой многотомной академической «Истории России», не могут не вызывать интереса. С другой, с учетом того, что 11-й том можно найти в свободной продаже в ряде столичных магазинов, а также в некоторых центральных библиотеках страны, – у неосведомленных читателей, особенно у студентов, может возникнуть вопрос, не является ли данное издание неким новым словом в науке, тем более что среди авторов, в составе редакционного совета и редколлегии 20-томника значатся фамилии многих известных ученых. Поэтому обсуждение 11-го тома на страницах нашего научного журнала с участием авторитетных исследователей из разных городов страны (в т. ч. двух членов редколлегии 20-томной «Истории России») представляется значимым и актуальным.

К сожалению, ограниченный объем журнальной публикации не дал возможности высказаться всем желающим, а опубликованные статьи были ограничены по размеру. Однако заинтересованные читатели могут обратиться и к другим материалам, на которые ссылаются участники обсуждения.

Материалы подготовлены к публикации профессором В.И. Голдиным.

Статьи публикуются в алфавитном пофамильном порядке авторов.

Научная статья
УДК 94(47).084.2:930
DOI: 10.37482/2687-1505-V467

11-й том «Истории России»: мнение политэкономиста

Василий Юрьевич Галин

Москва, Россия,

e-mail: info@Galina.biz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3430-4967>

© Галин В.Ю., 2025

Аннотация. В статье дается краткая характеристика 11-го тома 20-томной «Истории России» с точки зрения политэкономиста. Отмечаются основные достоинства этого издания, а также его принципиальные недостатки, связанные с игнорированием как основных принципов научно-философского объяснения истории, так и современных достижений в данной сфере. Автор делает вывод о несоответствии названной работы требованиям фундаментального академического издания.

Ключевые слова: 11-й том «Истории России», академическое издание, историк В.П. Булдаков, законы развития, научно-философское объяснение истории, политэкономика

Для цитирования: Галин, В. Ю. 11-й том «Истории России»: мнение политэкономиста / В. Ю. Галин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 5-8. – DOI 10.37482/2687-1505-V467.

Original article

Volume 11 of the *History of Russia*: A Political Economist's Opinion

Vasily Yu. Galin

Moscow, Russia,

e-mail: info@Galin.biz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3430-4967>

Abstract. The article provides a brief description of volume 11 of the 20-volume *History of Russia* from the perspective of a political economist. The review highlights the main advantages of this publication and its severe disadvantages related to ignoring both the basic principles of scientific and philosophical explanation of history and modern achievements in this field. It is concluded that this volume does not meet the requirements of a fundamental academic publication.

Keywords: volume 11 of the *History of Russia*, academic publication, historian V.P. Buldakov, laws of development, scientific and philosophical explanation of history, political economy

For citation: Galin V.Yu. Volume 11 of the *History of Russia*: A Political Economist's Opinion. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 5–8. DOI: 10.37482/2687-1505-V467

Рассматриваемый том новой 20-томной «Истории России» непосредственно соприкасается с исследованиями автора этих строк, посвященными Первой мировой войне и Революции 1917 года, которые входят в авторскую серию монографий «Политэкономия истории» [1]. Это позволяет ему высказать свое мнение относительно данной академической работы. Конечно, мнение автора несет отпечаток специфики его деятельности как политэкономиста, но, вместе с

тем, дает возможность взглянуть на этот фундаментальный труд с иного ракурса.

Профессиональный разбор 11-го тома уже сделан [2], и нет необходимости проводить еще большую его детализацию, поэтому следует ограничиться лишь теми замечаниями, в наибольшей мере отражающими точку зрения политэкономиста, которая основывается на том, что без рассмотрения сил, приводящих историю в движение, данная дисциплина является

не наукой, а только описательным источником знаний. Эти силы в реальной жизни проявляются только как тенденции, действующие на протяжении длительного периода времени. Любое историческое событие – это следствие действия двух или более тенденций, которое происходит только при особых условиях и обстоятельствах. Частичное рассмотрение указанных составляющих, несмотря на всю достоверность подтверждающих их фактов, в результате неизбежно приводит к ложным выводам.

Особенность фундаментальных академических исторических трудов, к которым относится 20-томная «История России», заключается в том, что они должны совмещать оба направления исторической науки: *описательное*, отражающее фактические основы всех ключевых аспектов существовавшей исторической картины, и *объяснительное*, дающее научно-философское осмысление истории. Без последнего вся эта работа просто теряет смысл, поскольку ничего не дает для понимания закономерностей исторического процесса [3].

Описательная часть. В анализируемом издании основной упор сделан именно на описательную часть. В ней приведено много исторического материала, в т. ч. и нового, что, несомненно, является достоинством 11-го тома и будет, вероятно, востребовано профессиональными историками. Однако подбор информации носит слишком односторонний характер (упор делается на политическую и психологическую составляющие), в то время как факты, демонстрирующие ключевые, объективные закономерности исторического процесса, приведшие в итоге к краху Российской империи, поражению в войне и революции, отражены крайне недостаточно. Примером таких ключевых закономерностей, которым практически не уделено внимание в данном томе, является факт полного финансово-экономического банкротства сначала царского, а затем и Временного правительства, которое во многом предопределило ход всех дальнейших исторических событий в России.

Собранные в рассматриваемом томе факты сконцентрированы главным образом на

описании отдельных сторон происходивших исторических событий, а не на исследовании протекавших процессов, что не дает общего представления об их закономерностях. Вместе с тем эта тема достаточно хорошо проработана в современной исторической науке.

В техническом плане, при большом количестве приводимых фактов, работа по их систематизации и обобщению сделана поверхностно, что приводит к размыванию общей исторической картины. При этом в авторском тексте часто встречаются просторечные выражения и неоправданные заимствования из иностранных языков, а также псевдонаучные, политически ангажированные суждения, что не соответствует уровню и требованиям академического исследования.

Философское объяснение. Ответственный редактор тома и автор/соавтор всех 13 его глав, а также введения и заключения, доктор исторических наук В.П. Булдаков отрицает все прежние философские объяснения рассматриваемого периода истории. Он пишет: «Очевидно, что тотальный пересмотр сложившихся представлений о революции России... неизбежен» [4, кн. 1, с. 17]. Свои выводы Булдаков подтверждает тем, что «многие авторы словно не замечают, что все былые попытки конструирования “объективных” предпосылок революции... повисают в воздухе. Увы, люди слишком часто повинуются замшелым “истинам”, даже не веря в них» [4, кн. 1, с. 14]; «процесс разложения сложноорганизованной системы словно провоцирует поток простейших одномерных объяснений, которые могут показаться “убедительными” в силу формально-логистической ограниченности мыслительного аппарата человека» [4, кн. 2, с. 63]; «подавляющее большинство историков... скользило по внешней поверхности событий, опасаясь заглянуть в глубины коллективного человеческого грехопадения» [4, кн. 1, с. 7] и т. п.

Свой подход к объяснению истории Булдаков строит на теории культурно-исторической антропологии: «В настоящее время наиболее перспективным представляется изучение ре-

волюции изнутри, с позиций культурно-исторической антропологии...» [4, кн. 2, с. 23]. Поясняя свою мысль, он ссылается на «иррациональности жизни» [4, кн. 2, с. 15]: «Понять прошлое невозможно без проникновения в глубины людской психики» [4, кн. 1, с. 7], «чтобы понять прошлое, мало скользить по поверхности высокой культуры, важно проникнуть в глубинный слой прежних верований и скрытых страстей» [4, кн. 1, с. 14].

Отрицание рациональности исторического процесса выводит существующую редакцию 11-го тома «Истории России» за рамки научно-

го знания, поскольку каждая наука, как указывал еще И. Кант, основана на фундаментальной истине – «нет в мире пустоты и нет перерывов, нет необусловленного и случайного» [5, с. 65]. Причинно-следственные связи и объективные закономерности, приведшие к краху Российской империи и ее поражению в войне, а также к революции, оказались в 11-м томе скрыты за массой приводимых фактов и размыты общими рассуждениями. Как следствие, анализируемый том не только не дает понимания реальных, происходивших в то время исторических процессов, но и искажает его.

Список литературы

1. Галин В. Политэкономика истории: в 7 т. Т. 2. Первая мировая война. М.: Алисторус, 2022. 704 с.
2. Галин В. Политэкономика истории: в 7 т. Т. 3. Русская революция. М.: Алисторус, 2022. 784 с.
3. Ключевые проблемы русской революции в историографии сегодняшнего дня. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 312 с.
4. История России: в 20 т. Т. 11. Империя, война, революция. 1914–1917 годы: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Булдаков. М.: Наука, 2024. Кн. 1. От войны к краху империи. 959 с.; Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне. 783 с.
5. Барт П. Основные вопросы исторической науки // Науч. обозрение. 1902. № 10. С. 62–88.

References

1. Galin V. *Politekonomiya istorii*. T. 2. *Pervaya mirovaya voyna* [The Political Economy of History. Vol. 2. World War I]. Moscow, 2022. 704 p.
2. Galin V. *Politekonomiya istorii*. T. 3. *Russkaya revolyutsiya* [The Political Economy of History. Vol. 3. The Russian Revolution]. Moscow, 2022. 784 p.
3. *Klyuchevye problemy russkoy revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya* [Key Problems of the Russian Revolution in Today's Historiography]. St. Petersburg, 2024. 312 p.
4. Buldakov V.P. (ed.). *History of Russia. Vol. 11. Empire, War, Revolution. 1914–1917*. Moscow, 2024. Book 1. From the War to the Collapse of the Empire. 959 p. Book 2. From the Collapse of the Empire to the Civil War. 783 p. (in Russ.).
5. Barthes P. Osnovnye voprosy istoricheskoy nauki [Basic Questions of Historical Science]. *Nauchnoe obozrenie*, 1902, no. 10, pp. 62–88.

Информация об авторе

В.Ю. Галин – кандидат экономических наук, независимый исследователь, автор 7-томника «Политэкономика истории» (Москва, <https://galin.biz/>).

Information about the author

Vasily Yu. Galin, Cand. Sci. (Econ.), Independent Researcher, Author of the 7-volume “Political Economy of History” (Moscow, <https://galin.biz/>).

Научная статья
УДК 94(47).084.2:930
DOI: 10.37482/2687-1505-V468

Несостоявшийся бенефис

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Статья посвящена обсуждению рукописи 11-го тома на заседаниях редколлегии 20-томной академической «Истории России» и содержит ссылки на высказывания о ней. Характеризуются авторский коллектив, ключевые положения и основные недостатки названного тома. Дается общая оценка этого издания, и отмечены негативные последствия его появления для реализации многотомного проекта.

Ключевые слова: 11-й том «Истории России», академическое издание, многотомный проект, рукопись, Первая мировая война, Российская революция 1917 года

Для цитирования: Голдин, В. И. Несостоявшийся бенефис / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 9-12. – DOI 10.37482/2687-1505-V468.

Original article

A Failed Benefit

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article dwells on the discussion of the manuscript of volume 11 at the meetings of the editorial board of the 20-volume *History of Russia* and gives references to the author's opinion about it. The authors, key ideas and main disadvantages of this volume are characterized. The article provides an overall assessment of this work and points out the negative consequences of its publication for the multi-volume project.

Keywords: volume 11 of the *History of Russia*, academic publication, multi-volume project, manuscript, World War I, Russian Revolution of 1917

For citation: Goldin V.I. A Failed Benefit. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 9–12. DOI: 10.37482/2687-1505-V468

© Голдин В.И., 2025

Мне довелось ознакомиться с первым вариантом рукописи 11-м тома и принять участие в его обсуждении на заседаниях редколлегии 20-томного издания в 2021 году как соредактору смежного 12-го тома. В подробном отзыве были перечислены ее многочисленные недостатки и высказано мнение о необходимости кардинальной переделки¹. Год спустя при новом обсуждении стало очевидно, что существенных изменений в рукопись внесено не было. В результате в письменном заключении мною было указано, что в таком виде 11-й том не может быть рекомендован к изданию, а основные его недостатки были охарактеризованы в работе [1].

Пытаясь дать общую оценку и кратко суммировать недостатки этого издания, начну с того, что авторский коллектив в составе 6 чел. оказался неспособен реализовать проект, требующий привлечения широкого круга ведущих специалистов по военной, политической, социальной, культурной, национальной и внешнеполитической проблематике, а также истории макрорегионов этой эпохи. Подсчет количественного вклада авторов по оглавлению показывает, что примерно 85 % текста было написано ответственным редактором данного издания В.П. Булдаковым (лично или в соавторстве) и лишь малая часть – другими авторами (в т. ч. и его женой Т.Г. Леонтьевой, которая также является членом редколлегии). Как следствие, читатели вместо академического издания, созданного большим коллективом ведущих исследователей и характеризующего современные представления исторической науки, получили текст, отражающий преимущественно личные суждения названного автора. Вероятно, нежелание и неспособность В.П. Булдакова создать полноценный авторский коллектив предопределили качество тома.

Лицо любого научного издания – его историография, она отражает способность авторов объективно анализировать ранее изданную научную литературу. К сожалению, авторы тома

оказались неспособны раскрыть историографию российского революционного процесса 1917 года (хотя на эту тему изданы десятки тысяч, если не более, работ только книжного формата), продемонстрировав пренебрежительное отношение к другим исследователям, занимавшимся этой тематикой, и стремясь подчеркнуть тем самым свой якобы особый вклад в ее разработку.

Очевидно, что авторский коллектив не знаком с такой междисциплинарной отраслью знаний, как «революциология», или «революциеведение». Данная дисциплина существует уже не одно столетие, особое место в ней отводилось и отводится изучению Российской революции 1917 года как особого феномена не только политической, но и социальной революции, признанной одной из величайших в истории человечества, во многом определившей ход мировой истории в XX веке.

Удивляет, что в библиографических списках тома отсутствуют многие фундаментальные работы по истории Первой мировой войны и Российской революции, в т. ч. историографические издания последних десятилетий (не говоря уже о более раннем периоде). Это имело бы особую ценность как для исследователей, так и для преподавателей, студентов и аспирантов вузов, учителей и всех интересующихся этой проблематикой. Однако в библиографические списки включен весь перечень книг В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой и даже несколько статей Булдакова.

Методология тома сводится преимущественно к культурно-исторической антропологии, с помощью которой нельзя раскрыть его многоотраслевую проблематику, что возможно было бы сделать, лишь заложив в основу исследования мультидисциплинарный подход и междисциплинарный синтез.

История Российской революции объясняется в данном томе главным образом в контексте участия России в мировой войне и ее последствий для жизни страны. Авторы не сумели

¹Отзыв В.И. Голдина о рукописи XI тома 20-томной академической «Истории России». URL: <https://disk.yandex.ru/i/Ov8OoEM8Iia6vA> (дата обращения: 05.12.2025).

глубоко раскрыть истоки и причины этой войны в большом историческом времени новой мировой эпохи, а революционную тематику – сквозь призму многолетней истории освободительного и революционного движения, уроков Первой российской революции, противоречий российского модернизационного процесса и многого другого.

Сущностью авторского понимания революционного процесса в России стало примитивное толкование его как бунта, оклократии, хаоса, смуты, «взбунтовавшейся архаики», «буйства коллективного бессознательного» и т. п. Не удивительно, что в данном томе крайне редко использовалось понятие «Великая российская революция». Отсутствие в составе авторского коллектива специалистов по экономической и культурной истории, дипломатии и внешней политике обусловило поверхностное раскрытие этих проблем на страницах издания.

В основу рассматриваемого тома положен неприемлемый с точки зрения современной науки стоилицецентричный подход, что обусловило непонимание и неспособность авторов раскрыть своеобразие процессов, протекавших в регионах на огромном пространстве страны. Это, естественно, вызывает негативную реакцию со стороны специалистов [2]. Современные процессы, касающиеся Украины, делают актуальным и значимым анализ сложных и противоречивых процессов, происходивших в 1917 году на этой территории, концепта «Украинская революция» и его трактовок. Авторы тома в силу указанных выше причин смогли лишь фрагментарно осветить данную тему.

Содержание 11-го тома не смогло в полной мере стать основой для понимания истоков и причин Гражданской войны в России. Поэтому в 12-м томе нам пришлось отдельно рассматривать эту проблему, раскрывать ее взаимосвязь с мировой войной, революционным процессом 1917 года, анализировать генезис данного события в большом историческом времени. Как следствие, анализируемый том не может служить базой для осмысления истоков, начала и

всей дальнейшей истории советской эпохи в последующих томах «Истории России».

Не может не вызывать удивления язык, которым написан 11-й том. Он засорен вестернизмами и тем самым демонстрирует глубокое неуважение, которое авторы питают к русскому языку. Как следствие, обычный читатель вынужден знакомиться с данным изданием, держа в руках словарь иностранных слов.

Замечу в заключение, что более развернутая характеристика 11-го тома 20-томной «Истории России» представлена мною в статье, опубликованной в 2025 году в 6-м выпуске «Альманаха исследователей Гражданской войны в России» [3].

Подводя итоги анализа 11-го тома, следует подчеркнуть, что вместо объективного академического издания со статусом президентского проекта, глубоко и полноценно раскрывающего всю сложную проблематику рассматриваемой эпохи, на свет за государственные деньги появилось не что иное, как расширенная версия «Красной смуты». Несмотря на большой объем тома (более 1600 страниц), насыщенного фактическим материалом, его содержание вряд ли сможет удовлетворить компетентных специалистов, взыскательных, да и просто интересующихся этой темой читателей, а также государство. К сожалению, с выходом в свет данного тома оказался во многом скомпрометирован сам проект новой 20-томной академической «Истории России».

Указанный том был опубликован вслед за 80-летием В.П. Булдакова и, вероятно, рассматривался им как некий бенефис, но стал на деле, скорее, провалом и точкой раздора. Для руководителей проекта 20-томной «Истории России» и издательства «Наука» ныне актуальным остается вопрос о том, что делать с данным изданием. По мнению многих исследователей, уже опубликовавших свои суждения по этому поводу [4, с. 162–213; 5, с. 48–100], необходимость подготовки совершенно нового издания с новыми ответственным редактором и авторским коллективом очевидна.

Список литературы

1. Россия в эпоху Революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография / под ред. В.В. Калашникова. СПб.: ЛЭТИ, 2023. 324 с.
2. Федоров В.П. Еще раз о «локальном патриотизме» и региональном подходе в изучении истории России // Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 206–213.
3. Голдин В.И. Неполноценная история Великой войны и Российской революции 1917 года // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6. Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. Архангельск: САФУ, 2025. С. 53–64.
4. Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 312 с.
5. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6. Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. Архангельск: САФУ, 2025. 184 с.

References

1. Kalashnikov V.V. (ed.). *Rossiia v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya* [Russia in the Era of Revolution and Civil War: Soviet and Post-Soviet Historiography]. St. Petersburg, 2023. 324 p.
2. Fedorov V.P. Eshe raz o “lokal’nom patriotizme” i regional’nom podkhode v izuchenii istorii Rossii [Once More on “Local Patriotism” and Regional Approach in the Study of Russian History]. *Klyuchevye problemy Russkoy revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya* [Key Problems of the Russian Revolution in Today’s Historiography]. St. Petersburg, 2024, pp. 206–213.
3. Goldin V.I. Nepochnennaya istoriya Velikoy voyny i Rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Incomplete History of the Great War and the Russian Revolution of 1917]. *Al’manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii. Vyp. 6. Stoletie Grazhdanskoy voyny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat’* [Literary Miscellany of the Association of the Civil War in Russia Scholars. Iss. 6. Centenary of the Civil War in Russia, Its Historical Lessons and Historical Memory]. Arkhangelsk, 2025, pp. 53–64.
4. *Klyuchevye problemy Russkoy revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya* [Key Problems of the Russian Revolution in Today’s Historiography]. St. Petersburg, 2024. 312 p.
5. *Al’manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii. Vyp. 6. Stoletie Grazhdanskoy voyny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat’* [Literary Miscellany of the Association of the Civil War in Russia Scholars. Iss. 6. Centenary of the Civil War in Russia, Its Historical Lessons and Historical Memory]. Arkhangelsk, 2025. 184 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Научная статья
УДК 94(47).084.2:930
DOI: 10.37482/2687-1505-V469

Неучтенные замечания...

Виктор Викторович Кондрашин

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия,
e-mail: vikont37@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

Аннотация. В статье воспроизводятся в сокращенном варианте неучтенные замечания автора статьи, которые были озвучены в рамках обсуждения 11-го тома академической «Истории России», посвященного истории страны в период Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 года и опубликованного издательством «Наука». При ознакомлении с текстом данного тома было выявлено, что его ответственный редактор, доктор исторических наук В.П. Булдаков проигнорировал абсолютное большинство замечаний, в частности те, что относились к экономическому блоку названного труда. Это огромный минус вышедшего тома, не позволяющий считать его академическим, соответствующим требованиям, предъявляемым к подобного рода изданиям в российской и зарубежной историографии.

Ключевые слова: *Институт российской истории РАН, 11-й том «Истории России», историк В.П. Булдаков, Первая мировая война, Российская революция 1917 года, неучтенные критические замечания*

Для цитирования: Кондрашин, В. В. Неучтенные замечания... / В. В. Кондрашин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 13-17. – DOI 10.37482/2687-1505-V469.

Original article

Comments Ignored...

Viktor V. Kondrashin

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: vikont37@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

Abstract. The article reproduces, in an abridged form, the author's ignored comments that were made during the discussion of volume 11 of the *History of Russia* (Nauka Publ.), which focuses on the history of Russia during World War I and the revolutionary upheavals of 1917. The volume's editor in chief, Dr. V.P. Buldakov, has ignored the vast majority of the comments, particularly those related to the work's economic section. This is a major disadvantage of the volume, which does not allow it to be considered academic and in line with the requirements for such publications in Russian and foreign historiography.

Keywords: *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, volume 11 of the History of Russia, historian V.P. Buldakov, World War I, Russian Revolution of 1917, ignored critical comments*

For citation: Kondrashin V.V. Comments Ignored... *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 13–17. DOI: 10.37482/2687-1505-V469

Отзыв на рукопись 11-го тома «Истории России» был подготовлен мною в феврале 2021 года, а 25-го числа того же месяца его основные положения изложены на заседании редакционной коллегии многотомника в Институте российской истории Российской академии наук, посвященном обсуждению авторских текстов этого тома. Высказанные замечания были доведены до ответственного редактора В.П. Булдакова. Ознакомление с текстом изданного тома [1] вызвало у меня удивление и чувство досады, поскольку основные замечания были проигнорированы. Эти замечания перечислю в настоящей статье в том порядке, который был представлен в развернутом отзыве, опубликованном в «Альманахе Ассоциации исследователей Гражданской войны в России» [2, с. 76–97].

Предложенная авторами 11-го тома форма характеристики историографии проблемы отличается от общепринятой нормы – давать историографию по периодам с делением на отечественную и зарубежную, с акцентом в каждом периоде на исследования по наиболее важным аспектам. В тексте анализируемого тома сведения о российской и зарубежной историографии даются вместе, без должной систематизации по хронологии и проблемам. Это затрудняет восприятие материала.

Вызывает недоумение отсутствие в историографических главах ссылок на ряд очень важных, на мой взгляд, концепций и авторов по рассматриваемой проблеме. Например, заслуживает большего внимания концепция В.П. Данилова и Т. Шанина «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», где события 1917 года – это кульминация крестьянской революции, а не

1905 года, как ошибочно указано в 11-м томе. Особенно неприемлемо, на мой взгляд, отсутствие в историографическом разделе анализа монографии И.И. Минца «История Великого Октября» и монографии А.М. Анфимова о российской деревне в годы Первой мировой войны².

Весьма поверхностно в историографическом разделе дана характеристика региональной историографии проблемы. В 11-м томе авторы постоянно цитируют и ссылаются на философов, поэтов, журналистов, писателей как наиболее авторитетных знатоков изучаемых событий, нередко в противовес историкам и политикам, видных представителей которых замалчивают (Каутского, Бернштейна, Ленина и др.). В томе делаются необоснованные экскурсы в другие темы, что перегружает текст.

Избранный стиль изложения материала нередко ярко публицистический, избыточно насыщенный специальной терминологией, что нетрадиционно для академических изданий по исторической тематике. Вот лишь некоторые примеры, иллюстрирующие сказанное: «Люди словно отторгали “сложности” буржуазного индивидуализма ради захватывающей квазирелигиозной “стадности”»; «Можно сказать, что мир сошел с ума» и т. п.

В 11-м томе лишь единожды используется понятие «Великая российская революция», и то в тексте 2-й книги как лозунг большевиков [1, кн. 2, с. 662]. В то же время в 12-м томе, посвященном истории Гражданской войны в России, оно присутствует как важнейший индикатор концептуального подхода авторского коллектива, а также как осознанная позиция в

²В 1-й книге тома по тексту имеются ссылки на эти работы.

поддержку данной терминологии при характеристике событий 1917 года.

В тексте 11-го тома очень много важных сюжетов, которые даются без ссылок на источники, что вызывает сомнение в верности и аргументированности их авторской интерпретации. Вот лишь несколько таких примеров суждений авторов тома, не подкрепленных ссылками на источники (в самом тексте во второй части отзыва такие случаи мною отмечены): «Лишь в постсоветское время историки перестали разделять общинников на “беднейших”, “середняков” и “кулаков”, отказались от дискуссий по поводу “первой” (антипомещичьей) и “второй” (антибуржуазной) социальных войн, которые ему полагалось вести согласно марксистской теории, и предпочитая изучение причин, характера и последствий аграрной революции в России» [1, кн. 1, с. 24]; «В экстремальной ситуации всякая патерналистская система становится внутренне агрессивной, склонность к взаимному сотрудничеству падает, а ослабление власти доводит этот процесс до логического конца» [1, кн. 1, с. 542]; «Закупками хлеба для экспорта в России издавна занимались иностранные предприниматели, а потому поставки на внешний рынок производились как бы изолированно от внутреннего хлебного рынка» [1, кн. 1, с. 316].

Авторы тома заняли резко критическую позицию по поводу статистики, характеризующей состояние экономики России в рассматриваемый период [1, кн. 1, с. 83]. При этом они не привели никаких фактов и аргументов, обосновывающих данную позицию, хотя бы в форме дискуссии. В результате в «экономическом блоке» 11-го тома нет принятых в таких случаях сводных таблиц с данными о валовых показателях промышленного производства (в т. ч. военного), посевных площадей, урожайности, о заготовках продовольствия, сырья для нужд армии в годы Первой мировой войны (включая региональный аспект). В этом же ряду – отсутствие сведений о динамике народонаселения в указанный период.

В разделах, посвященных экономической ситуации, имеются недостаточно аргументиро-

ванные суждения, не подкрепленные фактами и источниками [1, кн. 1, с. 541, 878–880]. При этом во многих случаях делаются ненужные экскурсы в историю более раннего периода.

В параграфе «Состояние экономики и финансов в конце 1916 – начале 1917 г.» автор утверждает о «деградации реальной экономики» России в годы Первой мировой войны [1, кн. 1, с. 800], но не объясняет, в чем конкретно проявилась эта «деградация» и что такое «реальная экономика». Данный вывод противоречит материалам 12-го тома, в котором о «деградации» экономики говорится в связи с политикой «военного коммунизма» советской власти. До этого момента сложности наблюдались в работе транспорта, заготовках продовольствия.

Авторы 11-го тома сделали концептуальное заключение: «В условиях войны производительные силы деревни категорически оскудели: инстинкт выживания заставлял консолидироваться “феминизированную” крестьянскую общину, в рамках которой шло неуклонное снижение посевных площадей и, соответственно, падение производства товарного зерна... Реквизиционная политика государства лишала и без того скудеющее крестьянское производство хозяйственных стимулов» [1, кн. 1, с. 876]. Это заключение не очень убедительно, т. к. не подкреплено статистикой сельскохозяйственного производства, анализом состояния земледелия, животноводства, заготовок продовольствия, скота и сырья в годы Первой мировой войны. При освещении экспорта из России хлеба следует снять как неверное утверждение авторов о том, что «крестьяне попросту не знали различия сортов ни пшеницы, ни ржи» [1, кн. 1, с. 316]. Вопрос о состоянии экономики России к началу революционных потрясений 1917 года нуждается в более аргументированном раскрытии.

Неправомерно в параграфе, посвященном крестьянским разгромам имений в 1917 году, акцентировать внимание на национальной принадлежности крестьян и утверждать, что «русский человек в порыве отчаяния вкладывал в погромные действия те же качества – прежде

всего упорство и непреклонность, – которые он еще совсем недавно демонстрировал на фронте» [1, кн. 2, с. 565]. Точно так же, как и русские крестьяне, вели себя в 1917 году крестьяне Украины, Белоруссии и других регионов страны.

В 5-й главе «1916 год. Война, ее реалии и образы», в параграфе «Усталость от войны», следует обратить внимание на такие сюжеты, относящиеся к жизни деревни и не получившие освещения на страницах тома, как пьянство и самогоноварение, увлечение азартными играми, рост числа свадеб, которые становились для призывников гарантией заботы со стороны жены в случае получения увечья на фронте, практика устройства на местных приходских кладбищах «могил» не вернувшихся с фронта мужей, братьев и сыновей, ухудшение медико-санитарного состояния губерний (эпидемии тифа).

В 9-й главе «Война, экономика, народ», в параграфе «Крестьяне и проблема продовольственного снабжения», следует исключить рассуждения авторов о том, кто такие крестьяне, поскольку в 11-м томе нет аналогичных экскурсов в теорию, когда речь идет о рабочих, интеллигенции и т. д.

При упоминании I Всероссийского крестьянского съезда следует охарактеризовать его решения, т. к. они имели большое значение для поведения крестьян в 1917 году, как и решения других крестьянских съездов.

В 10-й главе «Политика и общественность: консолидационные и деструктивные процессы», в параграфе «Земство и общинное самоуправление», никакими фактами и ссылками на источники не подкреплено заключение авторов: «Острые общинной революции направились против хуторян и отрубников, нарушивших вековые традиции землепользования» [1, кн. 2, с. 353]. В действительности главным объектом крестьянского движения в 1917 году было помещичье землевладение. Не совсем точным является и утверждение авторов параграфа, что на местах «аграрные и продовольственные захваты инициировались не

столько полевевшими крестьянскими, продовольственными или земельными комитетами, сколько сельскими сходами, становящимися все более нетерпеливыми» [1, кн. 2, с. 555]. Это верно лишь по форме. Но на самом деле эти захваты в большинстве случаев оправдывались на сельских сходах именно решениями крестьянских съездов. Самый яркий пример – это распоряжение № 3 исполнительного комитета Тамбовского крестьянского съезда от 13 сентября 1917 года о взятии под контроль крестьянских комитетов помещичьих земель. О нем обязательно нужно было упомянуть в параграфе.

Перечислю некоторые пожелания, высказанные по другим аспектам истории России в годы Первой мировой войны и в 1917 году.

Главу «Война и возможности империи» следовало дополнить сюжетами о Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет), Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам, Всероссийском обществе Красного Креста, Всероссийском обществе памяти воинов Русской армии, павших в текущую войну с Германией, Австрией и Турцией (по надлежащему обустройству могил павших воинов), Георгиевском комитете Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича, Комитете помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, церковно-приходских попечительных советах, «дамских комитетах» и т. д.

В параграфе «Культура, вера, образовательный процесс» следует осветить помощь монастырей Российской православной церкви раненым и солдаткам.

Таким образом, абсолютное большинство представленных замечаний на рукопись 11-го тома не были учтены ответственным редактором В.П. Булдаковым.

Список литературы

1. История России: в 20 т. Т. 11. Империя, война, революция. 1914–1917 годы: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Булдаков. М.: Наука, 2024. Кн. 1. От войны к краху империи. 959 с.; Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне. 783 с.
2. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6. Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. Архангельск: САФУ, 2025. 184 с.

References

1. Buldakov V.P. (ed.). *History of Russia. Vol. 11. Empire, War, Revolution. 1914–1917*. Moscow, 2024. Book 1. From the War to the Collapse of the Empire. 959 p. Book. 2. From the Collapse of the Empire to the Civil War. 783 p. (in Russ).
2. *Al'manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii. Vyp. 6. Stoletie Grazhdanskoy voyny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat'* [Literary Miscellany of the Association of the Civil War in Russia Scholars. Iss. 6. Centenary of the Civil War in Russia, Its Historical Lessons and Historical Memory]. Arkhangelsk, 2025. 184 p.

Информация об авторе

В.В. Кондрашин – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук (адрес: 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19).

Information about the author

Viktor V. Kondrashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (address: ul. Dmitriya Ul'yanova 19, Moscow, 117292, Russia).

Научная статья

УДК 94(47).084.2:930

DOI: 10.37482/2687-1505-V470

Выигранная баталия. Что дальше? К выходу 11-го тома «Истории России»: «Империя, война, революция. 1914–1917 годы»

Владимир Валерьянович Калашников

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: vvk2@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0753-2273>

Аннотация. В статье рассматриваются итоги историографической полемики, возникшей в связи с выходом 11-го тома 20-томной «Истории России». Показано, что этот том основан на концепции «красной смуты» и «бунта охлоса», которая разрабатывается историком В.П. Булдаковым и в доказательство ключевых положений которой не приведены убедительные аргументы. Автор считает необходимым переиздание 11-го тома с новым ответственным редактором и расширенным авторским составом.

Ключевые слова: 11-й том «Истории России», историк В.П. Булдаков, Первая мировая война, Российская революция 1917 года, концепция «красной смуты» и «бунта охлоса»

Для цитирования: Калашников, В. В. Выигранная баталия. Что дальше? К выходу 11-го тома «Истории России»: «Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы / В. В. Калашников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 17–22. – DOI 10.37482/2687-1505-V470.

Original article

A Battle Won. What's Next? On the Publication of Volume 11 of the *History of Russia: Empire, War, Revolution. 1914–1917*

Vladimir V. Kalashnikov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St. Petersburg, Russia,

e-mail: vvk2@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0753-2273>

Abstract. The paper covers the results of the discussion around the publication of volume 11 of the 20-volume *History of Russia*. The author demonstrates that this volume is based on the concept of the “Red Troubles” and “ochlocratical riot” developed by the historian V.P. Buldakov, which the latter fails to provide convincing arguments for. The author considers it necessary to produce a new edition of this volume with another editor in chief and a greater number of specialists on the subject.

Keywords: volume 11 of the *History of Russia*, historian V.P. Buldakov, World War I, Russian Revolution of 1917, concept of the “Red Troubles” and “ochlocratical riot”

For citation: Kalashnikov V.V. A Battle Won. What's Next? On the Publication of Volume 11 of the *History of Russia: Empire, War, Revolution. 1914–1917*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 17–22. DOI: 10.37482/2687-1505-V470

Название статьи фиксирует ту ситуацию, которая, по нашему мнению, сложилась на данный момент по итогам историографической полемики, возникшей в связи с выходом осенью 2024 года 11-го тома 20-томной академической «Истории России». Том, изданный в двух книгах, посвящен истории Первой мировой войны и революции в России [1]. Кратко эти итоги можно представить так: в течение периода с ноября 2024 по ноябрь 2025 года целая груп-

па известных специалистов критиковала все основные положения, выдвинутые авторами 11-го тома. Критика шла в докладах на научных конференциях разного уровня⁴ и в печати [2, с. 48–101; 3, с. 162–206], и она, насколько известно, осталась без ответа. Авторы тома не предприняли ни одной публичной попытки защитить свои позиции. Их единомышленники и симпатизанты также хранили молчание. Отказ от полемики при таких обстоятельствах озна-

⁴См., например: Калашников В.В. Новейшая историография Февральской революции: два тренда. URL: https://etu.ru/assets/files/vvk_konf-gercena_2024.pdf (дата обращения: 03.09.2025).

часть только одно: возразить своим критикам авторы не в состоянии. А это значит, что критики тома выиграли эту историографическую баталию.

Однако эта победа не снимает вопроса о судьбе 11-го тома. Этот вопрос нельзя назвать простым, поскольку сложилась уникальная ситуация: под грифом Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) вышел один из ключевых томов важнейшего академического проекта, который тут же был отвергнут активной частью научного сообщества по весьма принципиальным соображениям.

Столкнувшись с такой ситуацией, руководители проекта отреагировали достаточно оперативно: 6 февраля 2025 года на площадке Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) прошло обсуждение, в ходе которого ряд членов редакционного совета и редколлегии 20-томника в дипломатичной форме признал недостатки 11-го тома и необходимость их исправить⁵. Дипломатичность позиции руководителей проекта понятна: формально 11-й том вышел в свет с их согласия, и вопрос о том, как это могло произойти, как говорится, «висит в воздухе». Этот вопрос стоит особенно остро, поскольку уже с 2021 года многие видные специалисты высказали свою озабоченность тем, что 11-й том был отдан «на откуп» одному историку – В.П. Булдакову, чья концепция Русской революции как «красной смуты» *никогда* не разделялась ведущими отечественными и зарубежными специалистами. Особо следует отметить позицию таких видных историков, как главный научный сотрудник ИРИ РАН В.В. Кондрашин и ведущий историограф Гражданской войны, архангельский историк В.И. Голдин – оба члены редколлегии «Истории России» и ответственные редакторы следующего, 12-го тома, посвященного Гражданской войне. Именно они упорно и компетентно критиковали макет 11-го тома задолго

до его выхода, требуя внесения изменений. Их не услышали, но, по сути, позиция В.В. Кондрашина и В.И. Голдина в определенной мере спасла научную честь редакционной коллегии академического проекта «История России».

На февральской встрече в РГГУ директор ИРИ РАН Ю.А. Петров дал такую трактовку событий: «Положенная им (В.П. Булдаковым. – В.К.) в основу концепция революции как “красной смуты” имеет право на жизнь, это его позиция. На мой взгляд, в увлечении литературными образами и эпитетами автором *порой* была перейдена грань, отличающая академическое издание от публицистического, были допущены и *некоторые шероховатости, и прямые неточности*, связанные с поиском эпатажного стиля изложения. Мы об этом знаем и прорабатываем вопрос, *как сделать этот том лучше*».

Президент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Президиума Совета Российского исторического общества С.П. Карпов в своем выступлении, говоря о причинах мировой войны, отметил: «Обсуждая том, необходимо выявлять *концептуальное несовершенство*. Например, многое сделано для изучения психологических аспектов состояния общества, но очевидна недооценка экономической роли разных стран в подготовке и развитии войны. Считаю важным избегать погрешностей и неточностей в тексте, чтобы подготовить *следующие издания*».

Более конкретным и откровенным было выступление научного руководителя Российского государственного архива социально-политической истории А.К. Сорокина, который не входил в состав редколлегии проекта и поэтому формально был свободен в своих суждениях, но также следовал дипломатическому тону своих коллег: «Анализ тома показал, что отразить консенсус ученых по этому неоднозначному периоду истории в томе *удалось не до конца*».

⁵В РГГУ обсудили многотомник «История России. В 20 томах» // Рос. ист. о-во: [офиц. сайт]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rggu-obsudili-mnogotomnik-istoriya-rossii-v-20-tomakh.html> (дата обращения: 03.09.2025).

Новый понятийный аппарат, который не нашел всеобщего одобрения в отечественной историографии, – такие понятия, как «охлократия», «хамодержавие», «бунт», «красная смута» – это все *слишком инновационно и не может быть использовано* в коллективных трудах ученых. Эти оценочные суждения встречаются *во всей книге* и носят *безапелляционный* характер, не оставляя возможности читателям сделать выбор между той или иной концепцией».

Простим Андрею Константиновичу фразу о том, что авторам тома *«удалось не до конца»* «отразить консенсус ученых по этому неоднозначному периоду истории». Для любого читателя очевидно, что единоличный редактор тома В.П. Булдаков в принципе не ставил себе задачи отразить какой-либо консенсус и даже просто представить объективно иные точки зрения на причины и характер Русской революции, поскольку открыто оценивал их как заведомо примитивные и неверные. Простим Андрею Константиновичу и слова о том, что понятия «охлократия», «хамодержавие», «бунт», «красная смута» – «это все *слишком инновационно*». На самом деле он прекрасно знает, что эти старые понятия характерны для публицистического словаря той части интеллигентов, которая в 1917 году потеряла прежнюю сытую жизнь и была просто неспособна объективно оценить события революции. Назвать эти понятия «инновационными» весьма трудно. Они были давно отвергнуты ведущими отечественными и зарубежными специалистами.

Куда более справедливо звучат слова А.К. Сорокина о том, что предлагаемые Булдаковым термины *не могут быть использованы* в коллективных трудах ученых. Справедлив и вывод о том, что «во всей книге» присутствуют «оценочные суждения», которые «носят безапелляционный характер». Итоговое предложение, высказанное А.К. Сорокиным, гласит: «было бы правильным *доработать* 11-й том “Истории России”, учтя в *дополненной версии* позиции всех ведущих научных школ и представив читателям более выверенную и объективную версию событий Первой мировой войны и

Революции 1917 года». По сути, это предложение совпадает с суждениями Ю.А. Петрова и С.П. Карпова. Однако оно носит весьма неопределенный характер и порождает вопросы: что значит «*доработать*» 11-й том и создать «*дополненную версию*»? Кто это будет делать? Прежний ответственный редактор? На прежней концептуальной основе?

На наш взгляд, февральскую позицию руководителей проекта можно принять лишь как первую реакцию в условиях, когда они еще не могли в полной мере оценить масштабы допущенной ошибки и еще не успели наметить пути ее исправления. Со времени февральского обсуждения прошло уже более полугода, и теперь историческая общественность ожидает от руководителей проекта более четкой позиции. Если обобщить все критические статьи, вышедшие в адрес 11-го тома, то трудно избежать вывода о том, что попытка «доработать» и создать «дополненную версию» в научном плане обречена на провал. Необходим принципиально новый труд с другими ответственными редакторами и более широким авторским коллективом, а главное – на иной концептуальной основе.

Такая необходимость обусловлена принципиальной *неприемлемостью* той основной и единственной концепции, которая была положена историком В.П. Булдаковым в основу вышедшего тома, – концепции революции как «красной смуты», как иррационального бунта «охлоса». Естественно, он имеет право на свою точку зрения. Однако заслуживает ли она того, чтобы в академическом издании выступать в качестве доминирующей или даже в качестве одной из весомых позиций, принятых в отечественной историографии? Ответ на этот главный вопрос может быть только один: не заслуживает. И основная причина проста: эта концепция опирается не на убедительные и достоверные аргументы, а на «оценочные суждения», как отмечал А.К. Сорокин. В ряде публикаций и на недавно состоявшемся «круглом столе» [2, с. 65–75] историков-членов Ассоциации по изучению истории Гражданской войны мы показали невозможность трактовать ос-

новные события Февральской и Октябрьской революций как бунт «охлоса». Хорошо известные акты анархии и насилия сопровождали, но не определяли ход событий в революции. Эту точку зрения разделяют все ведущие специалисты. В связи с этим можно опереться на зарубежный авторитет, исходя из того что зарубежным историкам в ряде случаев легче занять объективную позицию, чем отечественным.

Обратимся к рецензии, которую написал известный американский историк У. Розенберг на книгу В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию». Данное издание – принципиальный 700-страничный труд, в котором авторы дали наиболее развернутое обоснование своей трактовки причин Первой мировой войны и Русской революции на основе иррациональной парадигмы [4]. У. Розенберг, отметив, что «как и в других монографиях Булдакова, смута и хаос выступают в книге основными факторами русской революции», написал: «Охлократия, безусловно, проявила себя в 1917 году так, как это обычно и происходит во времена великих социальных и политических потрясений. Однако *исход событий определялся не насилием толп, а провалом попыток демократически удовлетворять повседневные насущные потребности*» (имеется в виду неспособность царского и Временного правительств решить текущие и коренные задачи революции. – В.К.)⁶.

Розенберг так оценил концепцию русского коллеги: «Столь дерзкая, удивляющая своими масштабами концепция практически *не имеет аналогов* в литературе»⁷. Следует отметить

два момента в этой оценке: концепция названа «дерзкой» и не имеющей аналогов в литературе. Иными словами, в мировой историографии Русской революции никто из авторитетных специалистов никогда не трактовал эту революцию как бунт «охлоса».

Далее У. Розенберг фактически признает ненаучный характер концепции Булдакова, интеллигентно маскируя свой упрек размышлениями об истории как науке: «Читая книгу Булдакова и Леонтьевой, нельзя не задуматься о том, *можно ли научно обосновать* влияние коллективных эмоциональных и психологических установок на ход событий? В контексте позитивистских традиций русской и советской историографии, согласно которым *история воспринимается как наука*, а не искусство, такая постановка вопроса звучит вызывающе»⁸. Итак, позиция Булдакова – дерзкая, не имеющая аналогов трактовка, основанная на методах, выходящих за рамки исторической науки в той традиции, которая сложилась в отечественной историографии.

Рассматриваемый том уже вышел и стал историографическим фактом. Его появление не было предопределено, но и не было случайным. Концепция В.П. Булдакова возникла в «лихие 90-е». Страна пережила это тяжелое десятилетие и постепенно преодолевает его последствия во всех сферах общественной жизни. Пора и историкам преодолеть наследие той деструктивной эпохи. И те, кто вовремя не предотвратил появление 11-го тома в его первой версии, должны сделать все для того, чтобы новая версия была достойной частью солидного академического издания.

Список литературы

1. История России: в 20 т. Т. 11. Империя, война, революция. 1914–1917 годы: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Булдаков. М.: Наука, 2024. Кн. 1. От войны к краху империи. 959 с.; Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне. 783 с.

⁶Розенберг У. Трагедия конкурирующих невозможностей // Рос. история. 2017. № 5. С. 15.

⁷Там же. С. 12.

⁸Там же. С. 13.

2. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6. Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. Архангельск: САФУ, 2025. 184 с.
3. Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. СПб.: ЛЭТИ, 2024. 312 с.
4. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.

References

1. Buldakov V.P. (ed.). *History of Russia. Vol. 11. Empire, War, Revolution. 1914–1917*. Moscow, 2024. Book 1. From the War to the Collapse of the Empire. 959 p. Book. 2. From the Collapse of the Empire to the Civil War. 783 p. (in Russ).
2. *Al'manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii. Vyp. 6. Stoletie Grazhdanskoy voyny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat'* [Literary Miscellany of the Association of the Civil War in Russia Scholars. Iss. 6. Centenary of the Civil War in Russia, Its Historical Lessons and Historical Memory]. Arkhangelsk, 2025. 184 p.
3. *Klyuchevye problemy russkoy revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya* [Key Problems of the Russian Revolution in Today's Historiography]. St. Petersburg, 2024. 312 p.
4. Buldakov V.P., Leont'eva T.G. *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914–1917* [The War That Gave Rise to a Revolution. Russia, 1914–1917]. Moscow, 2015. 720 p.

Информация об авторе

В.В. Калашиников – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (адрес: 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5).

Information about the author

Vladimir V. Kalashnikov, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of History of Culture, State and Law, Saint Petersburg Electrotechnical University (address: ul. Professora Popova 5, St. Petersburg, 197022, Russia).

Научная статья

УДК 94(47).084.2:930

DOI: 10.37482/2687-1505-V471

Отечественная многопартийность в 1917 году в освещении 11-го тома академической «Истории России»

Алексей Юрьевич Суслов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,

e-mail: fsgtkstu@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

Аннотация. В статье подвергнуто анализу рассмотрение истории российских политических партий в 1917 году на страницах 11-го тома академической «Истории России». Раскрывается значение этого издания для развития отечественной исторической науки и образования. Особое внимание уделено представленным в названном томе обзору историографии и исследованию истории партий конституционных

© Суслов А.Ю., 2025

демократов, социал-демократов-меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов, левых эсеров и максималистов. Отмечается роль партийных лидеров в революционном процессе. Делается вывод о дискуссионности утверждений авторов 11-го тома о роли и значении партий в 1917 году, методологии их исследования; о недостаточности научного анализа истории российской многопартийности; об отсутствии полноценного понимания роли партий в развитии революционного процесса.

Ключевые слова: 11-й том «Истории России», историография, Российская революция 1917 года, революционный процесс, политические партии в 1917 году, история российской многопартийности

Для цитирования: Суслов, А. Ю. Отечественная многопартийность в 1917 году в освещении 11-го тома академической «Истории России» / А. Ю. Суслов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 22-26. – DOI: 10.37482/2687-1505-V471.

Original article

Russian Multi-Party System of 1917 in Volume 11 of the *History of Russia*

Aleksei Yu. Suslov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,

e-mail: fsgtkstu@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

Abstract. This article analyses the study of the history of Russian political parties in volume 11 of the *History of Russia*. The importance of this publication for the development of Russian historical science and education is considered. Special attention is given to the review of historiography as well as the history of Constitutional Democrats, Social Democrats (Mensheviks), Socialist Revolutionaries, anarchists, Left Socialist-Revolutionaries and Maximalists as presented in the volume. The role of party leaders in the revolutionary process is pointed out. A conclusion is drawn on the controversial nature of the claims made by the volume's authors about the role and significance of parties in 1917 and on their methodology as well as insufficient scientific analysis of the history of the Russian multi-party system and incomplete picture of the role of parties in the development of the revolutionary process.

Keywords: volume 11 of the *History of Russia*, historiography, Russian Revolution of 1917, revolutionary process, political parties in 1917, history of the Russian multi-party system

For citation: Suslov A.Yu. Russian Multi-Party System of 1917 in Volume 11 of the *History of Russia*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 22–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V471

Институт российской истории Российской академии наук с 2013 года по поручению президента Российской Федерации В.В. Путина приступил к подготовке 20-томной «Истории России». Авторский коллектив многотомника включает более 400 ученых из различных научных организаций: высших учебных заведений, музеев, архивов из десятков регионов России.

В настоящее время вышло в свет несколько томов этого издания.

Анализируемый том «Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы» (в 2 книгах) [1, 2] посвящен военно-революционным событиям 1914–1917 годов в истории России и Европы. Первая его часть охватывает время от начала Первой мировой войны до падения

самодержавия. Вторая – посвящена попыткам утверждения нового строя, обернувшегося победой большевиков и началом Гражданской войны в России. Ответственным редактором и основным автором тома является доктор исторических наук В.П. Булдаков. Отдельные главы написаны В.Б. Аксеновым, С.М. Исаковым, Д.Ю. Козловым, Т.Г. Леонтьевой, С.Г. Нелиповичем.

В этой статье мы рассмотрим лишь один, но довольно важный аспект из всего многообразия тем, затронутых во 2-й книге 11-го тома, которая называется «От развала империи к Гражданской войне»: историю российской многопартийности в 1917 году. Именно в этот период политические партии в России переживали свой расцвет: резко выросла их численность, они выпускали массу печатной продукции и активно участвовали в выборах различного уровня – от муниципальных до общенациональных (в Учредительное собрание).

Во введении «Война, власть, народ в 1917 году: эволюция представлений историков» (авторы – В.Б. Аксенов, В.П. Булдаков) сразу задается вектор оценок историографии – современное обществоведение «склонно скользить по поверхности» внешних событий вместо проникновения в суть одного из «главных тектонических сдвигов» российской истории. «Политическое» представление о революции, «прогрессистское мировосприятие», по их мнению, поставило российскую революцию в «ложный компаративистский ряд». В итоге, как утверждают указанные авторы, «...качественно новое понятие “Великая российская революция” усваивается с трудом. Многие авторы, включая западных, все еще видят события 1917 г. в партийно-политическом свете» [2, с. 6–7]. Фактически во введении анализ историографии часто заменяется изложением собственных взглядов авторов на революционный процесс 1917 года. Они объясняют, *как* надо изучать историю крестьянства, солдат, рабочего класса, народов России и др., вместо того чтобы озвучить достижения исторической науки, обозначить проблемы, которые уже поставлены и решены, и те, что еще нуждаются в дальнейшей разработке.

Особенно не повезло в этом плане истории политических партий. Во введении лаконично отмечается, что в 1920-е годы «историографический большевизм нуждался в различного рода “врагах”, поэтому в советской историографии публиковались документы контрреволюционеров. В 1960-е годы эта тенденция возродилась, указывается там же, под видом демонстрации “агонии”, “обреченности” и “краха” буржуазных, мелкобуржуазных и националистических партий» [2, с. 8]. Наконец, в постсоветскую эпоху произошло «переключение с описательности революционного процесса в рамках “однопартийности” на его многопартийную состязательность» [2, с. 12]. Авторы ограничиваются упоминанием всего трех работ, но никак не отмечены во введении иные многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых. В поле зрения В.П. Булдакова и В.Б. Аксенова не попали масштабные документальные публикации по истории российской многопартийности. Из введения трудно понять современный уровень изучения российской многопартийности в 1917 году, если только не разделять очевидный тезис авторов, что заниматься этой тематикой не нужно.

Роли российских политических партий в 1917 году в 11-м томе посвящен параграф «Партии и возможности единения “живых сил” страны» 2-й главы «Война и российская демократия» (автор – В.П. Булдаков). Здесь более подробно перечислен ряд работ современных российских авторов по истории правых партий, кадетов и социалистов. Однако вместо хотя бы краткого анализа достижений и постановки задач автор ограничивается сухой констатацией факта и утверждением: «Внимание исследователей в связи с поисками политических альтернатив большевизму по-прежнему привлекают либеральные и социалистические партии (а также беспартийные анархисты)» [2, с. 183]. Весь дальнейший текст посвящен иллюстрации уже описанных ранее идей В.П. Булдакова о том, что сформировавшаяся при царизме партийно-политическая система не соответствовала политической культуре народа [2, с. 181], массы не принимали существующие политиче-

ские партии всерьез [2, с. 191], все левые партии демонстрировали ту или иную степень идейной сумятицы и политического бессилия [2, с. 191], все партии привыкли лишь реагировать на действия самодержавной власти, а не самостоятельно выстраивать политическое будущее страны [2, с. 194]. К сожалению, не озвучены программные положения партий в 1917 году и их эволюция, не дана характеристика численности, социального состава, межпартийных отношений.

Заключительный программный вывод автора, неоднократно озвученный на многих страницах 11-го тома, формулируется следующим образом: «Российская многопартийность делалась бессмысленной на фоне политической безграмотности и гражданской неразвитости подавляющей массы населения России. Народу не нужны были ни доктрины, ни партийные программы, ни тем более возникающие в связи с этим альтернативы пути развития. Требовалась власть, способная создать хотя бы иллюзию выхода из тупика» [2, с. 198]. В этом положении, безусловно, есть рациональные моменты. Своеобразный процесс формирования российской многопартийности конца XIX – начала XX века привел к общему системному кризису политических партий, к снижению доверия общества к ним в 1917 году и позднее. Однако кризис российской многопартийности, на наш взгляд, вовсе не означает, что нужно отказаться от попыток научного анализа данного периода истории политических партий. Без этого история Российской революции не может счи-

таться полноценной. В коллективной научной монографии, претендующей на академический статус, хотелось бы видеть четкую картину деятельности политических партий с опорой на документальные источники (нисколько не умаляя методов и подходов психоментальной истории).

Вновь к проблеме многопартийности В.П. Булдаков обращается в параграфе «Политические лидеры: взгляд со стороны» 4-й главы под названием «Политика и общественность: консолидационные и деструктивные процессы». Здесь снова звучат те же тезисы, иногда повторяемые дословно: «политическая культура и образ мысли в принципе не соответствовали архаично радикализирующимся устремлениям народа» [2, с. 418], «опоздавшие» октябристы, «неуверенные» кадеты [2, с. 418–419]. По сути, весь параграф состоит из подборки негативных цитат об А.И. Гучкове, П.Н. Милюкове, В.М. Чернове, А.Ф. Керенском. Даже когда о том или ином политическом деятеле приводится благоприятная характеристика, она тут же нивелируется критическим высказыванием.

В.П. Булдаков, размышляя в 2010 году о первом издании своей работы «Красная смута» (1997), признавал, что «...книга оказалась менее всего востребованной теми, кому адресовалась в первую очередь – историками» [3, с. 5]. Разделы 11-го тома «Истории России», посвященные истории российской многопартийности в 1917 году, также вряд ли будут востребованы историками, педагогами и всеми, кто интересуется полноценной научной историей России XX века.

Список литературы

1. История России: в 20 т. Т. 11. Империя, война, революция. 1914–1917 годы: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Булдаков. Кн. 1. От войны к краху империи. М.: Наука, 2024. 959 с.
2. История России: в 20 т. Т. 11. Империя, война, революция. 1914–1917 годы: в 2 кн. / отв. ред. В.П. Булдаков. Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне. М.: Наука, 2024. 783 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.

References

1. Buldakov V.P. (ed.). *Istoriya Rossii. T. 11. Imperiya, voyna, revolyutsiya. Rossiya, 1914–1917 gody. Kn. 1. Ot voyny k krakhu imperii* [History of Russia. Vol. 11. Empire, War, Revolution. 1914–1917. Book 1. From the War to the Collapse of the Empire]. Moscow, 2024. 959 p.
2. Buldakov V.P. (ed.). *Istoriya Rossii. T. 11. Imperiya, voyna, revolyutsiya. 1914–1917 gody. Kn. 2. Ot razvala imperii k Grazhdanskoj voyne* [History of Russia. Vol. 11. Empire, War, Revolution. 1914–1917. Book 2. From the Collapse of the Empire to the Civil War]. Moscow, 2024. 783 p.
3. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, 2010. 967 p.

Информация об авторе

А.Ю. Суслов – доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета (адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18).

Information about the author

Aleksei Yu. Suslov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Department of Regional Studies and Digital Humanities, Kazan (Volga Region) Federal University (address: ul. Kremlevskaya 18, Kazan, 420008, Russia).

Поступила в редакцию 02.10.2025
Одобрена после рецензирования 05.11.2025
Принята к публикации 10.11.2025

Submitted 2 October 2025
Approved after reviewing 5 November 2025
Accepted for publication 10 November 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 27–39.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 27–39.

Научная статья
УДК 94(47).084.9:629.762
DOI: 10.37482/2687-1505-V472

Создание, применение и эволюция испытательных шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет на полигоне «Плесецк» (1960–1990-е годы)

Роман Станиславович Климов¹

Александр Валентинович Толочко^{2✉}

¹Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: vagsh@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2891-0951>

²Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: zvezdny68@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9292-0598>

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструкции процесса формирования испытательной базы для пуска межконтинентальных баллистических ракет на 53-м Научно-исследовательском испытательном полигоне Министерства обороны СССР в 1960–1990-е годы. Цель настоящей работы – раскрыть, привлекая историко-системный и проблемно-хронологический методы, создание, применение и эволюцию шахтных пусковых установок для второго–четвертого поколений межконтинентальных баллистических ракет на полигоне «Плесецк». Материалом исследования послужили архивные данные, документы испытательных воинских частей и конструкторских бюро «Арсенал» и «Южное», а также воспоминания участников событий, в т. ч. вводимые в научный оборот впервые. Основой экспериментальной испытательной базы для межконтинентальных баллистических ракет стационарного базирования выступают шахтные пусковые установки. В работе приведены уточненные организационно-технологические данные. Шахтные пусковые установки должны создаваться заблаговременно, а их количество должно обеспечивать выполнение программ испытаний. При этом наиболее оптимальным представляется частичное использование уже имеющихся шахтных пусковых установок для испытаний межконтинентальных баллистических ракет последующих поколений. Итогом работ, проведенных на 53-м Научно-исследовательском испытательном полигоне Министерства обороны СССР, стало принятие на вооружение нескольких боевых ракетных комплексов, причем отдельные шахтные пусковые установки последовательно принимали участие в испытаниях каждого из них. Результаты исследования могут быть использованы при написании детальной истории Ракетных войск стратегического назначения, составлении военной летописи Архангельской области, а также при планировании испытаний перспективных образцов военной техники.

Ключевые слова: боевой ракетный комплекс, экспериментальная испытательная база, межконтинентальная баллистическая ракета, ракетное вооружение, твердое топливо, история ракетостроения

Для цитирования: Климов, Р. С. Создание, применение и эволюция испытательных шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет на полигоне «Плесецк» (1960–1990-е годы) / Р. С. Климов, А. В. Толочко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 27-39. – DOI 10.37482/2687-1505-V472.

Original article

Creation, Use and Evolution of Test Silo Launchers for Intercontinental Ballistic Missiles at Plesetsk Proving Ground (1960s – 1990s)

Roman S. Klimov¹

Aleksandr V. Tolochko²✉

¹Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation, Moscow, Russia,
e-mail: vagsh@mil.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2891-0951>

²Mozhaisky Military Space Academy, St. Petersburg, Russia,
e-mail: zvezdny68@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9292-0598>

Abstract. The article attempts to reconstruct the process of formation of the experimental test facility for intercontinental ballistic missiles (ICBMs) at the 53rd Research Proving Ground of the USSR Ministry of Defence in the 1960s – 1990s. The historical-systematic and problem-chronological methods were applied to examine the creation, use and evolution of silo launchers for the second- to fourth-generation ICBMs at Plesetsk Proving Ground. The authors turned to archival sources and documents from military test units as well as Arsenal and Yuzhnoye Design Bureaus. In addition, reminiscences of the participants in the events were studied, including those that had not been published before. The basis of the experimental test facility for stationary ICBMs is silo launchers. The article provides updated information on their creation, improvement and use. Silo launchers should be built in advance and their number must ensure the implementation of test programmes. At the same time, partial use of the existing launch facilities for testing ICBMs of subsequent generations seems to be the most optimal way. As a result of the works carried out at Plesetsk Proving Ground, several combat missile systems were approved for service use, with individual silo launchers consistently taking part in the testing of each system. The findings can be applied in writing a detailed history of the Strategic Missile Forces and a military chronicle of the Arkhangelsk Region as well as in the planning of tests of promising military equipment.

Keywords: *combat missile system, experimental test base, intercontinental ballistic missile, missile weapons, solid fuel, history of missile engineering*

For citation: Klimov R.S., Tolochko A.V. Creation, Use and Evolution of Test Silo Launchers for Intercontinental Ballistic Missiles at Plesetsk Proving Ground (1960s – 1990s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 27–39. DOI: 10.37482/2687-1505-V472

Современная геополитическая обстановка требует от Российской Федерации (РФ) обладания перспективным вооружением, в т. ч. межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР). Процесс принятия на вооружение МБР затрагивает интересы многих министерств и организаций, в т. ч. и негосударственных. Поэтому проблема координации их совместной деятельности является весьма актуальной, причем для оптимального решения ряда вопросов необходимо обращаться к опыту прошлого, чему и будет посвящено это исследование.

Теоретическая значимость данной работы обусловлена тем, что в ней показаны пути решения организационных и технических проблем, сопровождающих создание испытательной базы МБР, а практическая – в том, что решаемые в настоящее время задачи во многом схожи с теми, которые уже стояли перед военно-промышленным комплексом и испытателями в 1960–1990-е годы и были успешно ими решены.

Принятию на вооружение МБР в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) предшествовали государственные летные испытания, проводимые полигонами Министерства обороны (МО). С середины 1960-х годов такие испытания стали выполняться на 53-м Научно-исследовательском испытательном полигоне (НИИП) МО СССР. С него можно было осуществлять стрельбы по мишенному полю «Кура» (на п-ове Камчатка), также там имелась возможность создать элементы испытываемых ракетных комплексов (РК) [1, кн. 1, с. 437] и отвести малонаселенные территории под районы падений отделяющихся частей ракет. В составе 53-го НИИП находились воинские части с МБР первого поколения Р-7, Р-16(У) и Р-9А [2, с. 45], которые имели опыт эксплуатации ракетного вооружения.

Испытания проводились с целью «проверки агрегатов и РК совместно с ракетами на соответствие всем тактико-техническим требованиям Министерства обороны СССР» [3, с. 178]. Их итогом были решение о принятии

РК на вооружение, выявление замечаний и подготовка предложений по их устранению [1, кн. 1, с. 349].

При подготовке полигонных испытаний для каждого РК нужно было создать экспериментальные испытательные базы (ЭИБ): стартовые позиции с шахтными пусковыми установками (ШПУ), командные пункты, технические позиции и т. п., основными из которых, в силу предназначения, технической сложности и стоимости, являлись ШПУ. Далее, говоря о ЭИБ для МБР стационарного базирования, мы будем иметь в виду именно ШПУ, и целью данной работы станет описание создания, применения и эволюции ШПУ на 53-м НИИП. Указанные моменты будут рассмотрены как единый процесс в хронологической последовательности, посредством применения историко-системного и проблемно-хронологического методов исторических исследований.

Отдельных работ, посвященных заявленной теме, мы не обнаружили. Вопросы, связанные со строительством ЭИБ, в т. ч. ШПУ, раскрыты в трудах представителей военно-строительных организаций [4–7]. Общие сведения об испытаниях различных РК на 53-м НИИП приведены в справочных изданиях [8, 9], публикациях по отдельным видам ракетного вооружения [10], ведомственных работах конструкторских бюро (КБ) «Арсенал» [11] и «Южное» [12]. Информация об испытаниях также содержится в воспоминаниях представителей военно-промышленного комплекса [13], должностных лиц Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) [1, 14–16]. Отдельные аспекты, связанные с испытаниями РК и эксплуатацией ШПУ, раскрываются в ведомственных изданиях, посвященных юбилеям полигона и испытательных частей, входящих в его состав [17–21], однако большая их часть малодоступна. Для заполнения образовавшихся в ходе исследования лакун использовались документы испытательных частей 53-го НИИП, а также ранее не публиковавшиеся свидетельства участников этих событий.

Первым прошел испытания на полигоне РК 15П098 с ракетой второго поколения РТ-2¹. В его штатный состав входило 6 ШПУ 15П798. Ракета РТ-2 – первая отечественная твердотопливная МБР с термоядерной головной частью (ГЧ), предназначавшаяся для поражения площадных стратегических объектов противника [11, с. 48].

Постановлениями Совета Министров СССР и Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) в июле–сентябре 1963 года был определен перечень объектов, необходимых для испытаний МБР РТ-2 и РК 15П098 [11, с. 48], при этом испытания должны были начаться в III квартале 1964 года [22, с. 421].

Проектирование объектов РК 15П098 выполнялось Ленинградским филиалом 20-го Центрального проектного института МО и 31-м Центральным проектным институтом МО [4, с. 373]. Для повышения живучести и боеготовности нового РК требовалось создание принципиально новых ШПУ. Их разработка и строительство осуществлялись Конструкторским бюро средств механизации (КБСМ)². Размеры ШПУ для МБР РТ-2 были гораздо меньше объектов РК первого поколения, их строительство упростилось [4, с. 373], но при этом возросла защищенность от воздействия поражающих факторов ядерного взрыва, трудоемкость и, соответственно, стоимость [5, с. 69]. На стартовой позиции № 161 «Заря»³ для проведения испытаний ракеты РТ-2 нужно было построить две ШПУ⁴, на стартовой позиции № 165-1 «Ясное – 1» – одну ШПУ⁵.

ШПУ состояла из бетонного ствола и оголовка над ним. В стволе размещался пусковой стакан с системой амортизации, а в оголовке – системы поддержания температурно-влажностного режима и технологическое оборудование для проведения пуска⁶ (рис. 1). В состав ШПУ входили оборудование специального сооружения, защитное устройство, устройство амортизации гиросtabilизатора и система прицеливания. Для обеспечения сохранности ракеты от поражающих факторов ядерного взрыва в ШПУ была впервые применена маятниковая амортизация с пружинами и гидравлическими демпферами. На системе амортизации «висел» пусковой стакан с глухим днищем (длиной 22,4 м и диаметром 2,2 м), в который загружалась ракета. На дне пускового стакана находились 2 м³ воды с ингибитором коррозии. При старте ракеты двигатель первой ступени запускался в пусковом стакане; раскаленная газовая струя превращала воду в пар, и парогазовая смесь выталкивала ракету из него, не допуская возгорания. Для этого внутренний диаметр пускового стакана должен был быть выдержан с точностью до 2,5 мм, поэтому он изготавливался из стеклопластика методом намотки. Для ШПУ создано новое защитное устройство, рассчитанное для защиты от ударной волны 2 кг/см² с пороховым двигателем; при этом электрическая энергия использовалась только для задействования пиростергов, а пороховой заряд (7 кг) открывал крышу защитного устройства (сдвигал по рельсам железобетонную плиту) массой 40 т всего за 0,3 с. В ШПУ была впервые применена автоматическая система прицеливания с гироскопиче-

¹Индекс Главного ракетно-артиллерийского управления (ГРАУ) – 8К98; по Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года (СНВ-1) – РС-12; по классификации Североатлантического альянса (НАТО) – SS-13 mod.2 Savage («Дикий»).

²С 1989 года – Конструкторское бюро специального машиностроения.

³Далее в работе при первом упоминании о стартовых и технических позициях будет указываться их строительный номер и личное название, а при последующих – только строительный номер.

⁴Строительный паспорт площадки № 161. Мирный, 1966. Л. 33.

⁵Строительный паспорт площадки № 165-1. Мирный, 1966. Л. 29.

⁶Military Russia. RT-2/PT-2П 8K98-SS-13 SAVAGE. URL: <http://militarurussia.ru/blog/topic-867.html> (дата обращения: 12.09.2023).

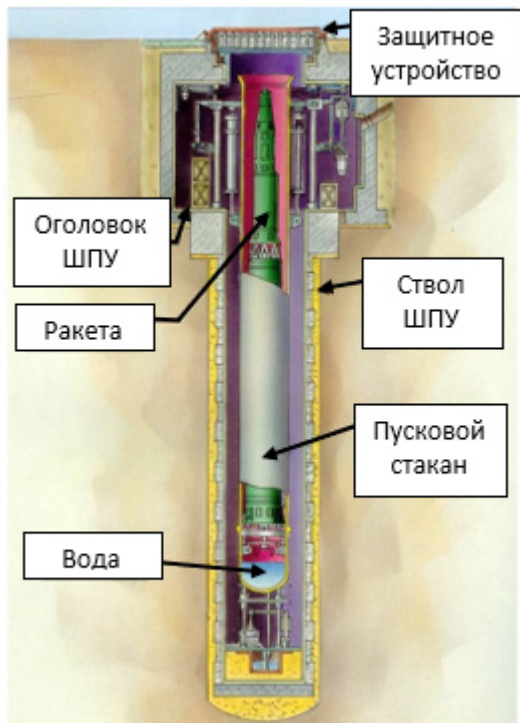

Рис. 1. ШПУ МБР РТ-2 (РТ-2П)

Fig. 1. Silo launcher for a RT-2 (RT-2P) intercontinental ballistic missile

ским хранителем направления, а также обеспечена энергетическая автономность – на размещенных в оголовке аккумуляторах она могла функционировать до 72 ч [16, с. 3].

На стартовую позицию ракета доставлялась по частям: отдельно первая ступень и отдельно блок второй и третьей ступеней. Сборка осуществлялась в пусковом стакане, после чего он герметизировался для поддержания температурно-влажностного режима [9, с. 169].

Работа по созданию ЭИБ для ракет РТ-2 началась в 1964 году. Изначально комиссия под председательством начальника 53-го НИИП генерал-майора Г.Е. Алпаидзе в январе 1964 года определила места «посадки» стартовых позиций [23, с. 531–532]. В январе 1964 года

Управление начальника работ (УНР) полковника Ю.Г. Гасана, механизированный военно-строительный отряд (ВСО) подполковника П.Б. Осадчего и автомобильный ВСО подполковника Г.П. Бочкина приступили к прокладке бетонной дороги от площадки № 121 «Лесное» к стартовой позиции № 161 [5, с. 69]. Две реки, многочисленные ручьи, болота и непроходимая тайга – все это затрудняло строительство. Как следствие, в 1964 году из запланированных 37 км было проложено только 20 км [23, с. 533]. Строительство ШПУ началось 1 марта 1965 года. Сначала единой проходкой выбирался грунт ствола и оголовка, затем ствол бетонировался, а оголовок отделялся от него металлическими конструкциями (барбетом)⁷. Близость грунтовых вод делала проходку вертикальной выработки ШПУ наиболее трудоемким и сложным этапом строительства, при котором использовались технологии метростроя [6, с. 396]. Поэтому на строительные работы ушло 5 мес. [23, с. 533]. При этом объем строительных работ составил 1196 м³ для каждой ШПУ⁸. Горнопроходческие работы выполнялись 347-м Управлением инженерных работ полковника А.Е. Навасардова; строительные – УНР полковника Б.П. Ильинского и ВСО подполковника В.В. Далекоря; монтажные – организациями «Минмонтажспецстрой» и «Каскад», а также УНР полковника А.Ф. Свечихина и подполковника Н.К. Белявского [5, с. 69]. К осени 1966 года строительство минимально необходимой ЭИБ для РТ-2 было закончено [15, с. 95–96].

Испытания ракет РТ-2 проводились с 4 ноября 1966 по 3 октября 1968 года, для этого использовались ШПУ на стартовых позициях № 161 и 165-1. Одновременно с испытаниями ракет РТ-2 в строй вводились остальные ШПУ РК 15П098 на стартовых позициях № 162 «Озерки», № 163 «Серебрянка», № 164 «Лосиное», № 166 «Высокое», № 167 «Песчаное», № 169 «Лазурная» и № 170 «Горки» [20, с. 14].

⁷Личный архив автора. Воспоминания А.В. Баля.

⁸Строительный паспорт площадки № 161. Мирный, 1966. Л. 12.

Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 18 декабря 1968 года № 1004-363 РК 15П098 с ракетой РТ-2 был принят на вооружение. Данным постановлением также ставилась задача создания модифицированной ракеты РТ-2П, которая по тактико-техническим характеристикам должна была сравняться с американской МБР «Минитмен-2».

Разработка ракеты РТ-2П началась в том же 1968 году в КБ «Арсенал», а испытания ее и нового РК 15П098П могли проводиться только на 53-м НИИП, где уже имелась необходимая ЭИБ. Для испытаний ракет РТ-2П была выбрана стартовая позиция № 161. С сентября по декабрь 1969 года ее ШПУ были переоборудованы под ракету РТ-2П. Ракеты РТ-2 и РТ-2П имели одинаковые линейные размеры, и поэтому переоборудование было проведено быстро. Испытания ракеты РТ-2П осуществлялись с 16 января 1970 по 14 января 1972 года, и 28 декабря 1972 года ее приняли на вооружение [19, с. 65].

С января 1973 по октябрь 1975 года ШПУ стартовых позиций № 162, 164, 165-1, 166, 167, 169 и 170 были переоборудованы под ракету РТ-2П⁹. В СССР не было подтвержденных практикой сведений об изменениях со временем характеристик твердого ракетного топлива. Поэтому 53-й НИИП приступил к выполнению рассчитанной на 10 лет программы «длительного хранения» РК 15П098П. В ходе «длительного хранения» проводились регламентные работы с ракетами, оборудованием ШПУ, а также пуски ракет [20, с. 14].

В начале 2010-х годов здания и сооружения стартовых позиций № 161, 162, 164, 165-1, 166, 167, 169 и 170 были уничтожены методом взрыва (рис. 2), а площадки рекультивированы. Этой участи избежала только стартовая позиция № 163. Впоследствии она неоднократно модернизировалась, перестраивалась и даже переименовывалась [19, с. 246–247].

Рис. 2. ШПУ МБР РТ-2 после уничтожения методом взрыва

Fig. 2. Silo launcher for a RT-2 intercontinental ballistic missile destroyed by explosion

В 1966 году 53-й НИИП приступил к подготовке к испытаниям МБР РТ-20П¹⁰ в составе мобильного 15П699 и стационарного 15П099 РК. Ракета второго поколения РТ-20П была сконструирована в начале 1960-х годов КБ «Южное», при этом была впервые предпринята попытка создания единой ракеты для РК мобильного и стационарного базирования. Первая ступень этой ракеты оснащалась твердотопливным двигателем, вторая – жидкостным; конструкция же включила в себя такие передовые достижения боевого ракетостроения, как транспортно-пусковой контейнер (ТПК) и минометный старт [24, с. 395–397].

Ракете РТ-20П мобильного базирования, в т. ч. ее испытаниям на 53-м НИИП, посвящен ряд работ (например, [10]); испытания ракеты стационарного базирования так и не начались, но необходимая для них ЭИБ была частично создана.

Испытания РК 15П099 планировалось проводить на площадке № 159¹¹, находившейся в 80 км

⁹Приказ командира войсковой части 01349 от 11 августа 1975 года № 98 «О переоборудовании пусковых установок 15П798 площадок 166, 167, 169 объекта 9865 под изделие 8К98П» // Фил. Центр. арх. МО РФ. Ф. 480. Оп. 13829. Д. 10. Л. 233.

¹⁰Индекс ГРАУ – 8К99; по классификации НАТО – SS-X-15 Scrooge («Скряга»).

от г. Мирного. Работы на данной площадке начались в апреле 1966 года – необходимо было построить две ШПУ. Размеры ШПУ, технология их строительства были такими же, как и у ШПУ 15П798, однако конструктивные отличия РТ-20П от РТ-2 (наличие ТПК и необходимость заправки второй ступени ракеты компонентами ракетного топлива) предполагали различия в их оборудовании. К началу 1967 года ШПУ довели до монтажной готовности, однако оборудование в них установлено не было. Причина – неудачные испытания РК 15П699. В начале 2010-х годов ШПУ на площадке № 159 были уничтожены методом взрыва, а сама площадка – рекультивирована [19, с. 245].

Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 23 июля 1976 года № 484-166 дало старт разработке КБ «Южным» РК стационарного базирования с МБР четвертого поколения РТ-23¹². Также предписывалось создать для его испытания на 53-м НИИП ЭИБ, в состав которой входило 10 ШПУ 15П744 [12, с. 268].

РТ-23 была трехступенчатой, твердотопливной ракетой с последовательным расположением ступеней и разделяющейся ГЧ. На стартовую позицию она доставлялась по частям и собиралась в ШПУ высокой защищенности с силовым металлическим стаканом и аппаратурным отсеком. В ШПУ находилась система амортизации, в аппаратурном отсеке – системы, обеспечивающие пуск и поддержание температурно-влажностного режима. Сверху шахта закрывалась защитным устройством – поворотной крышей с пороховым приводом открывания (рис. 3). При пуске ракеты пороховым аккумулятором давления выбрасывалась из ШПУ, после чего запускался двигатель первой ступени. После отработки трех ступеней ГЧ по баллистической траекто-

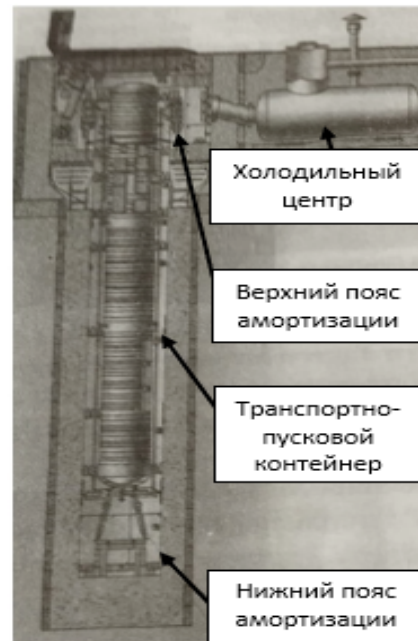

Рис. 3. ШПУ МБР РТ-23

Fig. 3. Silo launcher for a RT-23 intercontinental ballistic missile

рии летела в район целей; в конце пассивного участка траектории каждый боевой блок направлялся к своей цели.

Рекогносцировочные работы по выбору мест размещения объектов ЭИБ проводились в мае–июне 1977 года¹³. Создание ЭИБ для испытаний ракеты РТ-23 началось в 1979 году. В ходе согласований и оптимизации проекта количество ШПУ было сокращено вначале до 8 [5, с. 69], а затем до 4: за счет переоборудования двух ШПУ 15П798 (на стартовых позициях № 163 и № 165-1) и строительства двух новых ШПУ на площадке № 163/2,3 «Лощина». Технология создания ШПУ была изменена: горнопроходческие работы совмещались с монтажом и сваркой стальных блоков силовой обделки шахтного ствола [6, с. 397], при этом общий строительный объ-

¹¹Собственного имени эта площадка не получила.

¹²Индекс ГРАУ – 15Ж44; по Договору между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений от 18 июня 1979 года (ОСВ-2) – РС-22; по классификации НАТО – SS-24 Scalpel («Скальпель»).

¹³Акт выбора мест посадок под строительство комплекса объекта 500/723. Мирный, 1977.

ем остался прежним¹⁴. Строительство ШПУ велось УНР полковников А.М. Паршина и П.П. Журавлева [5, с. 69].

Первая ШПУ на стартовой позиции № 163/2,3 была принята в эксплуатацию 26 мая 1982 года, когда работы с ракетой РТ-23 там уже велись [14, с. 206–207]. Несколько позже полигоном была принята вторая ШПУ на стартовой позиции № 163/2,3. В том же году были переоборудованы две ШПУ 15П798 под «новое изделие», однако испытания ракет РТ-23 там не проводились.

Первый пуск ракеты РТ-23, выполненный 26 октября 1982 года, стал частично успешным. Третий и четвертый пуски были аварийными, а пятый закончился катастрофой. 6 сентября 1983 года пороховой аккумулятор давления выбросил ракету из ШПУ. Однако двигатель первой ступени не запустился, и ракета стала опускаться в шахту, а ее первая ступень сдетонировала. Взрывом ШПУ № 2 стартовой позиции № 163/2,3 была уничтожена [13, с. 95]. Всего в ходе испытаний было проведено 8 пусков ракет, из которых 5 были аварийными.

Неудачные испытания и необходимость создания МБР с тактико-техническими характеристиками, сопоставимыми с американской МБР «МХ», стали причинами прекращения работ с ракетой РТ-23. 10 февраля 1982 года Совет обороны СССР принял решение: ракету РТ-23 на вооружение не принимать, продолжить работы с ее усовершенствованной версией – РТ-23 УТТХ¹⁵. В начале 2010-х годов оставшаяся ШПУ стартовой позиции № 163/2,3 была уничтожена методом взрыва, а площадка рекультивирована [19, с. 247].

Разработка нового РК с ракетой РТ-23 УТТХ началась в 1983 году. Основными отличиями ракеты РТ-23 УТТХ от своей предшественницы стали: повышенная точность, наличие средств

преодоления противоракетной обороны, стойкость к воздействию поражающих факторов ядерного взрыва; общий показатель надежности был увеличен, а время пуска – сокращено.

В августе 1983 года началась подготовка к созданию ЭИБ для испытаний нового РК. В позиционном районе 53-го НИИП необходимо было построить 6 ШПУ 15П760. Официально строительство началось в январе 1984 года, фактически же работы по объективным причинам были развернуты позже. Для доставки на строящиеся стартовые позиции тяжелого оборудования необходимо было построить около 40 км технологической дороги. Из-за слабосущего грунта и множества водяных линз строить дорогу летом было нельзя. Только в январе 1986 года ВСО приступили к прокладке дорог до строящихся стартовых позиций. Строительство ШПУ также проводилось в сложных погодных и геологических условиях при постоянном подтоплении грунтовыми водами [5, с. 70]. Тем не менее работа шла быстро и уже в июне 1986 года в эксплуатацию была принята стартовая позиция «Южная», а в декабре 1987 года – стартовая позиция № 172 «Светлая», с двумя ШПУ на каждой. Пусковая установка № 1 стартовой позиции № 172 имела базовое направление, смещенное на 180°. При пуске из нее подтверждалась возможность доворота ракеты после выхода из ШПУ¹⁶.

Испытания ракеты РТ-23 УТТХ начались в 1986 году. Всего было проведено 16 пусков, последний из которых – 1 ноября 1989 года. Пуски выполнялись из установок № 1 и 2 стартовой позиции «Южная» и № 2 стартовой позиции № 172. Пусковая установка № 1 стартовой позиции № 172 использовалась для отработки отдельных элементов РК по специальным программам. По результатам испытаний 28 ноября 1989 года РК с ракетой РТ-23 УТТХ был принят на вооружение.

¹⁴Строительный паспорт площадки №163/2,3. Мирный, 1982. Л. 11.

¹⁵Индекс ГРАУ – 15Ж60; по договору СНВ-1 – РС-22Б; по классификации НАТО – SS-24 Mod.1 Scalpel («Скальпель»).

¹⁶Личный архив автора. Воспоминания И.В. Банникова. Л. 1.

Стартовая позиция № 163 использовалась не только для проведения испытаний новых ракет, но и для сохранения группировки ШПУ тяжелых МБР Р-36М УТТХ и Р-36М2 РВСН [25, с. 3–4]. Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений от 3 января 1993 года (СНВ-2) предусматривал ликвидацию ШПУ тяжелых ракет (в 1996 году их было 180) либо их переоборудование под легкие ракеты, диаметр которых не превышал 3 м.

Для сохранения ШПУ тяжелых ракет КБСМ в 1992 году разработало технологию по их переоборудованию под российскую МБР 15Ж65М¹⁷. По длине и диаметру она была меньше тяжелых ракет, а потому могла свободно разместиться в их ШПУ. Технология предусматривала использование шахтного ствола, защитного устройства (крыши), металлоконструкций верхней части ШПУ (барбета и барабана, в котором размещается оборудование), а также системы амортизации ТПК.

Для отработки технологии переоборудования на стартовой позиции № 163 была создана установка с шахтой для тяжелой МБР. Более глубокий ствол шахты пришлось возводить на месте ШПУ для ракеты РТ-2. Барбет и барабан, блоки силовой обделки шахтного ствола были демонтированы с двух ШПУ 62-й ракетной дивизии (г. Ужур). Барбет и барабан разрезаны на части и по железной дороге доставлены на 53-й НИИП¹⁸. На стартовой позиции № 163 они были сварены, было установлено новое защитное устройство, а блоки силовой обделки смонтированы на шахтном стволе. Таким образом был создан аналог ШПУ тяжелой ракеты. Затем эта ШПУ была переоборудована под ракету 15Ж65М: нижняя часть ствола (5 м) залита бетоном, а на горловину установлено ограничительное кольцо диаметром 2,9 м.

В 2000 году из переоборудованной ШПУ было проведено два успешных пуска МБР 15Ж65М, которые подтвердили правильность

технических решений, принятых КБСМ, и сохранили для РВСН группировку ШПУ тяжелых МБР [19, с. 90].

Нужно также остановиться на особенности взаимодействия строительных организаций, предприятий промышленности и представителей заказчика – войсковых частей 53-го НИИП в 1960–1980-е годы. У полигона и многочисленных строительных и промышленных организаций была одна цель – проведение испытаний РК и МБР. Поэтому ввод в эксплуатацию объектов ЭИБ осуществлялся совместными усилиями. Полигон помогал строителям электроэнергией, транспортом, назначал нештатные команды для проведения неквалифицированных работ. Строительные организации не оставались в долгу и, зачастую «неофициально», помогали 53-му НИИП техникой, материалами и т. п. Тогда это было нормой ведения единого хозяйства страны... На каждом строящемся объекте постоянно находился офицер – представитель эксплуатирующей воинской части полигона, который на месте решал текущие вопросы¹⁹.

При этом командование РВСН требовало принимать построенные объекты в строгом соответствии с утвержденными проектами. Так, в июле 1964 года Военный совет РВСН приказал «повысить требовательность к строительно-монтажным организациям по повышению качества выполняемых ими работ и при приеме объектов в эксплуатацию не допускать прием объектов при наличии недоделок и недоработок» [26, с. 123]. Для этого еженедельно начальники 53-го НИИП и УИР проводили совместные совещания, в т. ч. на строящихся объектах, где решали вопросы организации и взаимодействия, а также контроля за ходом строительства и приема в эксплуатацию построенных объектов. Контроль за ходом строительных работ осуществлялся отделом капитального строительства 53-го НИИП, а строительно-монтажных – офицерами эксплуатирующих воинских частей.

¹⁷Индекс ГРАУ – 15Ж65; по договору СНВ-1 – РС-12М2; по классификации НАТО – SS-27 Sickle B («Серп Б»).

¹⁸Личный архив автора. Воспоминания А.В. Герасимова.

¹⁹Личный архив автора. Воспоминания А.В. Баля.

Однако иногда «поджимающие» сроки вынуждали командование полигона принимать объекты с недостатками или же недостроенными [27, с. 386–388]. Фактически объекты начинали эксплуатироваться раньше их официальной сдачи. Зачастую строители еще работали, а в ШПУ уже грузили ракету. Позже военно-строительные и строительно-монтажные организации не только устраняли недостатки на объектах, но и ликвидировали отдельные проектные недочеты.

В завершение исследования необходимо упомянуть, что председателем Государственной комиссии, руководившей испытаниями РК 15П098, был генерал-полковник инженерно-технической службы П.В. Родимов, а испытаниями РК 15П744 и 15П760 руководил генерал-полковник Г.Н. Малиновский. Командирами инженерно-испытательной части²⁰, в которой проводились испытания и в последующем эксплуатировались ШПУ, были: подполковник-инженер Ю.А. Яшин (1965–1966), подполковник Л.В. Климентов (1966–1967), полковники В.И. Шабаров (1967–1970), М.М. Гладков (1970–1972), В.Н. Артеменко (1972–1976), А.С. Игуменов (1976–1980), М.С. Фомченков (1980–1986), А.А. Кузмич (1986–1992), К.А. Макаров (1992–1994), Н.М. Крети́нин (1994–1996), С.В. Левченко (1996–1999),

С.Д. Суслов (1999–2003), И.Б. Скоков (2003–2009), Б.Б. Берсагуров (2009–2010) и Р.С. Климов (2010–2012) [20, с. 40–41].

В ходе исследования было показано, как в 1960–1990-е годы решались задачи создания ШПУ для испытаний МБР второго–четвертого поколений:

1) в отдаленных таежных районах Архангельской области в сложных инженерно-геологических и климатических условиях, в кратчайшие сроки была создана база для испытаний ракетной техники, главной составной частью которой были ШПУ;

2) в условиях социалистической системы хозяйствования создание ЭИБ ракетной техники было общей задачей для организаций военно-промышленного комплекса и МО СССР;

3) при строительстве ЭИБ для испытаний очередного РК использовались ШПУ ракет предыдущих модификаций и поколений;

4) количество построенных ШПУ для испытаний очередного РК могло быть меньше запланированного;

5) для испытаний очередного РК количество ШПУ строилось с явным запасом. Это обеспечивало проведение испытаний даже в случае выхода из строя части ШПУ.

Список литературы

1. *Ряжских А.А.* Оглянись назад и посмотри вперед. Записки военного инженера: в 2 кн. М.: Герои Отечества, 2006. Кн. 1. 596 с.; Кн. 2. 622 с.
2. От ракетного соединения – к Космодрому // Северный космодром России: в 2 т. / под общ. ред. А.А. Башлакова. Мирный: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. С. 16–153.
3. № 773. Справка ГУРВО от 29 декабря 1964 г. о видах испытаний, которым подвергаются агрегаты и системы наземного оборудования и БРК в целом // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док.: в 3 кн. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. М.: Ист. лит., 2019. Кн. 3. 1964 г. С. 176–180.
4. *Воинов С.А.* Проектирование полигона Плесецк // Победа на крутых виражах ракетно-ядерной гонки: о строительстве полигонов для испытания межконтинентальных баллистических ракет и ядерного оружия, стартовых позиций и объектов инфраструктуры позиционных районов Ракетных войск стратегического назначения СССР и Российской Федерации в 1955–1999 гг.: воен.-ист. тр. / авт. концепции, рук. проекта и гл. ред. Г.М. Пяталев. М.: Голден-Би, 2010. С. 370–374.

²⁰Условное наименование – войсковая часть 01349.

5. Плиско В., Питалев Г., Воинов В. Строительство полигона (космодрома) Плесецк // Победа на крутых виражах ракетно-ядерной гонки: о строительстве полигонов для испытания межконтинентальных баллистических ракет и ядерного оружия, стартовых позиций и объектов инфраструктуры позиционных районов Ракетных войск стратегического назначения СССР и Российской Федерации в 1955–1999 гг.: воен.-ист. тр. / авт. концепции, рук. проекта и гл. ред. Г.М. Питалев. М.: Голден-Би, 2010. С. 57–78.
6. Способы проходки вертикальных выработок для шахтных стволов // Победа на крутых виражах ракетно-ядерной гонки: о строительстве полигонов для испытания межконтинентальных баллистических ракет и ядерного оружия, стартовых позиций и объектов инфраструктуры позиционных районов Ракетных войск стратегического назначения СССР и Российской Федерации в 1955–1999 гг.: воен.-ист. тр. / авт. концепции, рук. проекта и гл. ред. Г.М. Питалев. М.: Голден-Би, 2010. С. 396–401.
7. Взгляд за горизонт. 50 лет Главному ордену Трудового Красного Знамени управлению специального строительства Министерства обороны Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Гребенюка. М., 2001. 512 с.
8. Оружие России = Russia's Arms: кат.: в 7 т. / гл. ред. Н. Спасский. Т. 4. Вооружение и военная техника Ракетных войск стратегического назначения. М., 1997. 465 с.
9. Стратегическое ядерное вооружение России / под ред. П.Л. Подвига. М.: ИздАТ, 1998. 478 с.
10. Пашинов М., Ярцев С., Черепень М. Ракетная система РТ-20П. М.: Альтернатива, 2014. 232 с.
11. Исторический обзор создания ракетно-космической техники на Санкт-Петербургском «Арсенале». СПб.: КБ «Арсенал», 2016. 298 с.
12. Белый А.Ф., Васильев В.Г., Дегтярев А.В. Призваны временем. От противостояния к международному сотрудничеству / под общ. ред. ген. конструктора, акад. НАН Украины С.Н. Конюхова. 2-е изд., перераб. и доп. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2009. 832 с.
13. Михайлов В.С. Стратегический «Молодец». История железнодорожных ракетных комплексов. Пушкино: Центр стратег. конъюнктуры, 2015. 215 с.
14. Малиновский Г.Н. Записки ракетчика. М.: ЦИПК РВСН, 1999. 268 с.
15. Долинов Л.И. Записки испытателя // Космодром «Плесецк» в воспоминаниях его ветеранов / сост. В.А. Воробьев. Калуга: Гриф, 2003. С. 92–101.
16. Долинов Л. Испытатели. На пути к созданию твердотопливных стратегических // Ветеран-Ракетчик. 2009. Сент.-окт. С. 3.
17. Полигон особой важности: кн.-альбом / подгот. А.В. Баль и др.; под общ. рук. Ю.М. Журавлева. М.: Со-гласие, 1997. 112 с.
18. Космодром «Плесецк» и РВСН. 60 лет вместе. Космодром «Плесецк», 2019. 36 с.
19. Тасный гарнизон. СПб.: Свое изд-во, 2024. 280 с.
20. Войсковая часть 01349, 1965–2025: 60 лет на страже Родины / под ред. Д.А. Золотарева. Архангельск: Лотия, 2025. 140 с.
21. Испытания на прочность и не только... Северодвинск: Северодв. тип., 2023. 128 с.
22. Приказ председателя ГКОТ СССР о работах по твердотопливным ракетам № 455сс/ов от 30 июля 1963 года // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док.: в 3 кн. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. М.: Ист. лит., 2019. Кн. 2. 1962–1963 гг. С. 421–422.
23. Яшин Ю.А. Из воспоминаний // Северный космодром России: в 2 т. / под общ. ред. А.А. Башлакова. Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. С. 530–535.
24. Андреев Л., Конюхов С. Янгель: уроки и наследие. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2001. 521 с.
25. Кудрявцев С. Конструктор боевых стартовых комплексов тяжелых межконтинентальных ракет и технологического оборудования атомной энергетики В.Д. Гуськов // За инженер. кадры. 2014. № 5(22588) С. 3–4.
26. Постановление Военного совета Ракетных войск от 27 июля 1964 г. «О состоянии и мерах по улучшению качества разработок и строительства стартовых позиций Ракетных войск» // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док.: в 3 кн. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. Кн. 3. 1964 г. М.: Ист. лит., 2019. С. 121–125.
27. Климентов Л.В. Жернова. М.: Вече, 2011. 424 с.

References

1. Ryazhskikh A.A. *Oglyanis' nazad i posmotri vpered. Zapiski voennogo inzhenera* [Look Back and Look Ahead. Notes of a Military Engineer]. Moscow, 2006. Book 1. 596 p.; Book 2. 622 p.
2. Ot raketnogo soedineniya – k Kosmodromu [From Missile Formation to Cosmodrome]. Bashlakov A.A. (ed.). *Severnyy kosmodrom Rossii* [Russia's Northern Cosmodrome]. Plesetsk, 2007. Vol. 1, pp. 16–153.
3. № 773. Spravka GURVO ot 29 dekabrya 1964 g. o vidakh ispytaniy, kotorym podvergayutsya agregaty i sistemy nazemnogo oborudovaniya i BRK v tselom [No. 773. Summary from the Main Missile Directorate Dated 29 December 1964 of the Types of Tests Performed on Units and Systems of the Ground Equipment and Operational Missile System as a Whole]. Ivkin V.I., Sukhina G.A., Ul' M. (comps.). *Stanovlenie raketnoy moshchi strany: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.)* [Development of Russia's Missile Power: On the History of Creating Nuclear Missiles and Strategic Missile Forces (1960–1964)]. Book 3. 1964. Moscow, 2019, pp. 176–180.
4. Voinov S.A. Proektirovaniye poligona Plesetsk [Designing Plesetsk Proving Ground]. Pitalev G.M. (ed.). *Pobeda na krutyykh virazhakh raketno-yadernoy gonki: o stroitel'stve poligonov dlya ispytaniya mezhkontinental'nykh ballisticheskikh raket i yadernogo oruzhiya, startovykh pozitsiy i ob'ektov infrastruktury pozitsionnykh rayonov Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1955–1999 gg.* [Victory on the Sharp Veers of the Nuclear Arms Race: The Construction of Proving Grounds for Intercontinental Ballistic Missiles and Nuclear Weapons, Launch Sites and Infrastructure Facilities in the Positioning Areas of the Strategic Missile Forces of the USSR and the Russian Federation in 1955–1999]. Moscow, 2010, pp. 370–374.
5. Plisko V., Pitalev G., Voinov V. Stroitel'stvo poligona (kosmodroma) Plesetsk [Construction of Plesetsk Proving Ground (Cosmodrome)]. Pitalev G.M. (ed.). *Pobeda na krutyykh virazhakh raketno-yadernoy gonki: o stroitel'stve poligonov dlya ispytaniya mezhkontinental'nykh ballisticheskikh raket i yadernogo oruzhiya, startovykh pozitsiy i ob'ektov infrastruktury pozitsionnykh rayonov Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1955–1999 gg.* [Victory on the Sharp Veers of the Nuclear Arms Race: The Construction of Proving Grounds for Intercontinental Ballistic Missiles and Nuclear Weapons, Launch Sites and Infrastructure Facilities in the Positioning Areas of the Strategic Missile Forces of the USSR and the Russian Federation in 1955–1999]. Moscow, 2010, pp. 57–78.
6. Sposoby prokhodki vertikal'nykh vyrabotok dlya shakhtnykh stvolov [Sinking Methods for Shafting]. Pitalev G.M. (ed.). *Pobeda na krutyykh virazhakh raketno-yadernoy gonki: o stroitel'stve poligonov dlya ispytaniya mezhkontinental'nykh ballisticheskikh raket i yadernogo oruzhiya, startovykh pozitsiy i ob'ektov infrastruktury pozitsionnykh rayonov Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1955–1999 gg.* [Victory on the Sharp Veers of the Nuclear Arms Race: The Construction of Proving Grounds for Intercontinental Ballistic Missiles and Nuclear Weapons, Launch Sites and Infrastructure Facilities in the Positioning Areas of the Strategic Missile Forces of the USSR and the Russian Federation in 1955–1999]. Moscow, 2010, pp. 396–401.
7. Grebenyuk A.V. (ed.). *Vzglyad za gorizont. 50 let Glavnomu ordena Trudovogo Krasnogo Znameni upravleniyu spetsial'nogo stroitel'stva Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii* [Looking Beyond the Horizon. 50 Years of the Main Directorate for Special Construction of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Awarded the Order of the Red Banner of Labour]. Moscow, 2001. 512 p.
8. Spassky N. (ed.). *Russia's Arms: Catalog. Vol. 4. Strategic Missile Forces*. Moscow, 1997. 465 p.
9. Podvig P.L. (ed.). *Strategicheskoe yadernoe vooruzhenie Rossii* [Russia's Strategic Nuclear Weapons]. Moscow, 1998. 478 p.
10. Pashnev M., Yartsev S., Cherepenya M. *Raketnaya sistema RT-20P* [RT-20P Missile]. Moscow, 2014. 232 p.
11. *Istoricheskiy obzor sozdaniya raketno-kosmicheskoy tekhniki na Sankt-Peterburgskom "Arsenale"* [Historical Overview of the Development of Rocket and Space Technology at Arsenal Design Bureau in St. Petersburg]. St. Petersburg, 2016. 298 p.
12. Belyy A.F., Vasil'ev V.G., Degtyarev A.V. *Prizvany vremenem. Ot protivostoyaniya k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu* [Called in by the Time. From Confrontation to International Cooperation]. Dnepropetrovsk, 2009. 832 p.
13. Mikhaylov V.S. *Strategicheskiy "Molodets"*. *Istoriya zheleznodorozhnykh raketnykh kompleksov* [The Strategic Molodets. The History of Railcar-Launched ICBMs]. Pushkino, 2015. 215 p.
14. Malinovskiy G.N. *Zapiski raketchika* [Notes of a Missileer]. Moscow, 1999. 268 p.

15. Dolinov L.I. Zapiski ispytatelya [Notes of a Test Pilot]. Vorob'ev V.A. (comp.). *Kosmodrom "Plesetsk" v vospominaniyakh ego veteranov* [Plesetsk Cosmodrome as Remembered by Its Veterans]. Kaluga, 2003, pp. 92–101.
16. Dolinov L. Ispytateli. Na puti k sozdaniyu tverdotoplivnykh strategicheskikh [Testers. Towards the Creation of Solid-Propellant Strategic Missiles]. *Veteran-Raketchik*, September–October 2009, p. 3.
17. Bal' A.V. et al. *Poligon osoboy vazhnosti* [A Proving Ground of Special Importance]. Moscow, 1997. 112 p.
18. *Kosmodrom "Plesetsk" i RVSN. 60 let vmeste* [Plesetsk Cosmodrome and the Strategic Missile Forces. 60 Years Together]. Plesetsk Cosmodrome, 2019. 36 p.
19. *Taezhnyy garnizon* [Taiga Garrison]. St. Petersburg, 2024. 280 p.
20. Zolotarev D.A. (ed.). *Voyskovaya chast' 01349, 1965–2025: 60 let na strazhe Rodiny* [Military Unit 01349, 1965–2025: 60 Years Guarding the Motherland]. Arkhangelsk, 2025. 140 p.
21. *Ispytaniya na prochnost' i ne tol'ko...* [Strength Tests and More...]. Severodvinsk, 2023. 128 p.
22. Prikaz predsedatelya GKOT SSSR o rabotakh po tverdotoplivnym raketam № 455ss/ov ot 30 iyulya 1963 goda [Order of the Chairman of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR on Defence Technology Concerning Work on Solid-Propellant Missiles No. 455 ss/ov Dated 30 July 1963]. Ivkin V.I., Sukhina G.A., Ul' M. (comps.). *Stanovlenie raketnoy moshchi strany: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.)* [Development of Russia's Missile Power: On the History of Creating Nuclear Missiles and Strategic Missile Forces (1960–1964)]. Book 2 (1962–1963). Moscow, 2019, pp. 421–422.
23. Yashin Yu.A. Iz vospominaniy [Reminiscences]. Bashlakov A.A. (ed.). *Severnyy kosmodrom Rossii* [Russia's Northern Cosmodrome]. Plesetsk Cosmodrome, 2007. Vol. 1, pp. 530–535.
24. Andreev L., Konyukhov S. *Yangel': uroki i nasledie* [Yangel: Lessons and Heritage]. Dnepropetrovsk, 2001. 521 p.
25. Kudryavtsev S. Konstruktor boevykh startovykh kompleksov tyazhelykh mezhkontinental'nykh raket i tekhnologicheskogo oborudovaniya atomnoy energetiki V.D. Gus'kov [V.D. Guskov, Designer of Launch Complexes for Heavy Intercontinental Missiles and Technological Equipment for Nuclear Power Engineering]. *Za inzhenernye kadry*, 2014, no. 5, pp. 3–4.
26. Postanovlenie Voennoy soveta Raketnykh voysk ot 27 iyulya 1964 g. "O sostoyanii i merakh po uluchsheniyu kachestva razrabotok i stroitel'stva startovykh pozitsiy Raketnykh voysk" [Resolution of the Military Council of the Missile Forces Dated 27 July 1964 "On the State and Measures to Improve the Quality of Development and Construction of Launch Sites for the Missile Forces"]. Ivkin V.I., Sukhina G.A., Ul' M. (comps.). *Stanovlenie raketnoy moshchi strany: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.)* [Development of Russia's Missile Power: On the History of Creating Nuclear Missiles and Strategic Missile Forces (1960–1964)]. Book 3. 1964. Moscow, 2019, pp. 121–125.
27. Klimentov L.V. *Zhernova* [A Grinder]. Moscow, 2011. 424 p.

Информация об авторах

Р.С. Климов – кандидат технических наук, генерал-майор, доцент, заместитель начальника кафедры государственного управления и национальной безопасности Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 100).

А.В. Толочко – кандидат исторических наук, полковник запаса, преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (адрес: 197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13).

Information about the authors

Roman S. Klimov, Cand. Sci. (Tech.), Major General, Assoc. Prof., Deputy Head of the Department of Public Administration and National Security, Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation (address: prosp. Vernadskogo 100, Moscow, 119571, Russia).

Aleksandr V. Tolochko, Cand. Sci. (Hist.), Retired Colonel, Lecturer at the Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Space Academy (address: ul. Zhdanovskaya 13, St. Petersburg, 197198, Russia).

Поступила в редакцию 05.05.2025
Одобрена после рецензирования 22.09.2025
Принята к публикации 26.09.2025

Submitted 5 May 2025
Approved after reviewing 22 September 2025
Accepted for publication 26 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 40–50
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 40–50.

Научная статья
УДК 81'42:[811.111+811.161.1]
DOI: 10.37482/2687-1505-V474

Формирование гештальт-образа «мирный атом» в советском и американском информационном поле (на примере английского и русского языков)

Пелагея Андреевна Рыкова¹✉

Елена Александровна Чичерова²

^{1,2}Военный университет имени князя Александра Невского, Москва, Россия

¹e-mail: Rykova.pa@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4903-3343>

²e-mail: chicherova89@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3606-6787>

Аннотация. Данная работа позволяет обозначить начало информационного воздействия гештальт-образа «мирный атом» в советском и американском информационном поле на примерах выступлений Д. Эйзенхауэра и И.В. Курчатова. Актуальность настоящей статьи обусловлена стремлением авторов проследить динамику формирования общественного мнения в информационном поле в отношении ядерного потенциала страны, а также заложить основы для будущих исследований, связанных с текущими событиями в международно-политическом информационном пространстве. В последнее время наблюдается особый интерес ученых к аксиологической форме знака, что позволяет более подробно рассмотреть способы языкового влияния на восприятие человека. В работе раскрыты понятия, связанные с процессом концептуализации и когнитивной структурой гештальта, фреймовой основой и достижением целей по формированию концепта «мирный атом» с учетом явлений социотехнических воображаемых. Гештальт-образ должен иметь прочную основу в восприятии индивида, что достигается объединением не только рациональных признаков знака, но и его эмоциональной составляющей. Риторика общественно-политического стиля содержит особые языковые средства, направленные на явное разделение концептов «ядерные вооружения» и «мирный атом», однако, несмотря на то что Д. Эйзенхауэр и И.В. Курчатов преследовали единые цели, их достижение с помощью языковых коннотативно нагруженных языковых средств отличалось. Применение когнитивно-матричного и сравнительно-сопоставительного анализа позволило авторам проследить организацию медиапространства в 1950-е годы в США и СССР как следствие персуазивного потенциала выступлений двух авторитетных представителей обеих стран. Подобного рода работы актуальны в связи с пристальным вниманием общественности и исследователей разных направлений к международной ядерной риторике как элементу информационного противостояния стран, с одной стороны, и сотрудничества между ними – с другой.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, когнитивно-дискурсивный анализ, персуазивные средства, гештальт-образ, мирный атом, Д. Эйзенхауэр, И.В. Курчатов, 1950-е годы

Для цитирования: Рыкова, П. А. Формирование гештальт-образа «мирный атом» в советском и американском информационном поле (на примере английского и русского языков) / П. А. Рыкова, Е. А. Чичерова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 40-50. – DOI 10.37482/2687-1505-V474.

Original article

The Formation of the “Atoms for Peace” Gestalt in the Soviet and American Information Field (in English and Russian)

Pelageya A. Rykova¹✉

Elena A. Chicherova²

^{1,2}Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

¹e-mail: Rykova.pa@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4903-3343>

²e-mail: chicherova89@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3606-6787>

Abstract. This article allows us to trace the origin of the information impact of the “atoms for peace” gestalt in the Soviet and American information field taking the speeches by D. Eisenhower and I.V. Kurchatov as an example. The paper attempts to study the public opinion dynamics in the information field regarding the countries’ nuclear potential, as well as to lay the foundation for future research in view of the current events in the international political arena. Recently, scholars have been paying special attention to the axiological form of the symbol, which allows us to consider in more detail the means of linguistic influence on human perception. Taking into account the phenomena of sociotechnical imaginaries, the authors expand on the concepts associated with the process of conceptualization, cognitive structure of the gestalt, frame basis and achievement of the goal of forming the “atoms for peace” concept. A gestalt must have a solid foundation in the perception of the individual, which is achieved by combining not only the rational features of the symbol but also its emotional component. The rhetoric of the socio-political style contains special linguistic means aimed at clearly separating the concepts of nuclear weapons and “atoms for peace”. However, even though Eisenhower and Kurchatov pursued common goals, they used different connotative linguistic means to achieve them. Having performed the cognitive matrix and comparative analyses, the authors were able to trace the organization of the media space in the 1950s in the USA and the USSR as a consequence of the persuasive potential of Eisenhower’s and Kurchatov’s speeches. This kind of research is relevant due to the close attention paid by the public and researchers from various fields to the international nuclear rhetoric as an element of both information confrontation and cooperation between the countries.

Keywords: socio-political discourse, cognitive discursive analysis, persuasive means, gestalt, atoms for peace, D. Eisenhower, I.V. Kurchatov, 1950s

For citation: Rykova P.A., Chicherova E.A. The Formation of the “Atoms for Peace” Gestalt in the Soviet and American Information Field (in English and Russian). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 40–50. DOI: 10.37482/2687-1505-V474

Введение. Разработки Р. Оппенгеймера в области атомной бомбы, ее дальнейшие испытания в 1945 году и применение в ходе атомных бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки, испытание атомной бомбы СССР в 1949 году, над которой работали И.В. Курчатов и Ю.Б. Харитон, привели к формированию биполярного мира и таким гибридным войнам, как корейская, к Берлинскому и Карибскому кризисам и, как следствие, взаимному ядерному сдерживанию между США и СССР.

Подобное развитие истории обусловило формирование у целого ряда лингвокультурных сообществ соответствующих ассоциативных коннотаций, связанных с концептами «атом» и «ядерные технологии». Вместе с тем в 1950–1960-е годы в информационном поле и СССР, и США начали проследиваться попытки по изменению сознания населения в направлении концепции «мирного атома». Примером тому может служить сенсационный доклад И.В. Курчатова на международной конференции об энергетике будущего и мирном использовании атомной энергии, прошедшей в 1956 году в Великобритании: «Нам, ученым, работающим в области атомной энергии, больше, чем кому бы то ни было, видно, что применение атомного и водородного оружия ведет человечество к неисчислимым бедствиям»¹.

В информационном пространстве США также стали проявляться новые черты в подходе к атому и ядерным технологиям, и здесь примером может служить выступление президента США Д. Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее ООН в 1953 году². В его речи «Atoms for Peace» прослеживается особый культ атома, представленный в романе Г. Уэллса «Освобожденный мир» (1913) [1].

В этом мы видим особую актуальность данного исследования. Во-первых, ядерные технологии занимают одно из ведущих направлений

в разных сферах России и США, что требует формирования определенной информационной политики, реализуемой в т. ч. через языковое воздействие. Во-вторых, сегодня, оглянувшись назад, мы можем оценить, добились ли СССР и США своих информационных целей в разграничении враждебного, агрессивного образа ядерных мер и мирных технологий, существующих во благо человечества.

На наш взгляд, в современных реалиях, когда лингвистическое обеспечение является отражением поставленных целей и задач по защите национальных интересов страны, особенно в сфере ядерной безопасности, необходимо уделять внимание анализу дискурсивных особенностей говорящих. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание Сунь-цзы о том, что «война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей» [2, с. 7].

Существует ряд подходов к понятию «дискурс», с позиций разных научно-исследовательских школ (М. Фуко, Ю. Хабермас, Э. Бенвенист, З. Харрис, М. Пеше, Т. ван Дейк, В.Е. Чернявская, В.З. Демьянков, В.В. Богданов, Е.С. Кубрякова, А.А. Кибрик, Н.А. Сидорова и др.). В связи с этим мы опираемся на следующие определения дискурса: это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания; речь, “погруженная в жизнь”»³.

Особенности общественно-политического дискурса выступали предметом исследований как зарубежных (Р. Айви, Р.Д. Андерсон,

¹«Горизонты атома». URL: <https://www.gpntb.ru/novosti-i-sobytiya/5330-genij-shakhmat-rossii-i-frantsii.html> (дата обращения: 10.02.2025).

²Atoms for Peace Speech. 8 December 1953. URL: <https://www.iaea.org/about/history/atoms-for-peace-speech> (дата обращения: 10.02.2025).

³Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

Т. ван Дейк, Ю. Линк, С. Томпсон и др.), так и отечественных (А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, В.Н. Базылев, Н.А. Сидорова, Т.Г. Попова и др.) лингвистов. С одной стороны, целью общественно-политического дискурса является «завоевание, осуществление и сохранение политической власти» [3, с. 36], с другой – «внедрение конкретно спроектированных общих идей (идеологем) в индивидуальное и массовое сознание» [4, с. 160].

Цель настоящей статьи – выявить методы и приемы, используемые в общественно-политическом и военном стиле выступлений, слоганов, сильных позиций текста статей на русском и английском языках, основной задачей которых является формирование определенного мнения у лингвокультурного сообщества о мире ядерных технологий и отношения к другим странам. Согласно дефиниции, приведенной в «Издательском словаре-справочнике», сильные позиции текста – это его элементы, обладающие наибольшей значимостью для восприятия и понимания адресата⁴.

Несмотря на исторический масштаб анализируемого материала, научная новизна исследования заключается в том, что впервые динамика языковых явлений, реализуемых в информационном поле «атома», рассматривается с точки зрения коммуникативно-прагматических целей в ходе информационного противостояния. В последние годы необходимость совершенствования методов противодействия информационному воздействию растет. На наш взгляд, сравнительно-сопоставительный, когнитивно-дискурсивный анализ лексических единиц, используемых для оказания влияния на восприятие определенных лингвоэтнических групп, может гармонично дополнять исследования в области психологических операций, в т. ч. в рамках общественно-политического дискурса.

Объектом исследования выступают факты публицистического стиля в области общественно-политической сферы, отличающиеся

персуазивным потенциалом, предметом – языковые особенности данных явлений, наделенные коммуникативной интенцией адресанта по формированию или изменению восприятия адресата в отношении ядерных технологий.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии не только таких направлений языкознания, как институциональный дискурс, когнитивная лингвистика и психолингвистика, но и направления по информационному противоборству, набирающего обороты в лингвистике.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках лекционных и практических занятий по общему языкознанию и когнитивной лингвистике, в рамках практического курса перевода, практикума по культуре речевого общения, информационному противоборству, что подтверждает практическую значимость статьи.

Обзор литературы. При изучении информационного воздействия, как и персуазивных методов вербальных или невербальных языковых элементов, следует учитывать процесс концептуализации восприятия индивида. Одной из классических трактовок концептуализации, конструирования мира с точки зрения грамматической теории является определение Р.У. Лангакера. Так, данный процесс включает создание в восприятии носителя новых оперативных единиц знания – концептов, охватывающих широкий спектр жизненных направлений [5, с. 362].

Необходимо упомянуть, что Р.У. Лангакер в рамках собственной теории предусмотрел микро- и макроуровневые трактовки смысла, которые, как уместно заметил Н.В. Иванов, представляют собой не самостоятельный набор языковых единиц, а дискурсивные характеристики знака, образ которого формируется в восприятии [6, с. 41]. Данная вариативность позволяет создавать со стороны адресанта любой желаемый образ, что приводит к его соответствующей интерпретации. В своих работах Н.В. Иванов развивает концепции дискурсивных характеристик знака [7–10].

⁴Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М., 2006. С. 420.

Наиболее динамичной и адаптивной к тем или иным изменениям в процессе концептуализации является когнитивная структура фрейма, которую исследуют многие представители отечественной и западной научных школ (Н.Н. Болдырев, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, В.М. Савицкий, А.П. Бабушкин, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор и др.).

Одна из функций фрейма – формирование картины мира, в которой будет содержаться информация о реалиях, окружающих индивида. Таким образом, данная картина мира наполняется ассоциативными и чувственными связями, что укрепляет образ речевого знака, приводит к метафоризации явления и образованию более сложной структуры – гештальта.

Н.Н. Болдырев относит гештальт к «наивысшей ступени познания, предполагающей владение разными категориями концептов, которые в процессе познания актуализируют свой понятийный, образный, фреймовый, схематический и другие уровни» [11, с. 36–38]. Наиболее близко нашему исследованию определение гештальта, предложенное И.А. Стерниным: это «целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта и явления» [12, с. 59].

Вслед за В.Н. Телией мы полагаем, что именно гештальт способен совмещать любые уровни организации концептуальной информации, которые тесно переплетены в речевом-умственной деятельности человека: образные, схематические, фреймовые, сценарные или разные комбинации этих уровней [13]. Следовательно, фрейм служит основой для организации рационального и чувственного в структуре гештальта, создавая тем самым сложную, концептуально ориентированную на индивидуальное и коллективное восприятие действительность.

Особого внимания заслуживает и понятие «образ». А.Н. Леонтьев определяет данный феномен как «многоуровневое целостное образо-

вание, обладающее системой значений и полем смысла» [14, с. 253]; чувственная составляющая служит «материей образа», его основой. В настоящем исследовании мы предприняли попытку использовать понятие «гештальт-образ», т. к. видим неразрывную связь между двумя этими явлениями. Однако в ходе теоретического анализа понятия «гештальт» мы пришли к выводу, что данная когнитивная структура более устойчива, а образ служит предпосылкой для ее формирования.

С точки зрения создания у населения желаемого гештальта или его изменения в области тех или иных технологий особое место отводится воображению как неотъемлемой составляющей любого рода технических достижений. В связи с этим актуальным для нашего исследования считаем введенное Ш. Джазанов и С.-Х. Ким понятие «социотехническое воображаемое» – «коллективно-поддерживаемое, институционально стабилизированное и публично исполняемое видение желаемого будущего, вдохновленное общим пониманием форм социальной жизни и социального порядка, поддерживаемых достижениями науки и техники» [15, с. 4].

Использование концептов, связанных социотехническими воображаемыми, в ходе развития дискурса направлено на последовательное, в некоторых условиях – динамичное изменение существующих коллективных и индивидуальных гештальтов и формирование образов.

Информационное поле общественно-политического дискурса оказывает особое влияние на гражданские эпистемологии – культурно детерминированные ожидания со стороны общественности в отношении применения научных знаний и технологических достижений при принятии решений национального и международного характера [16].

Материалы и методы. При описании фактов информационного воздействия, имеющих персуазивный потенциал, применяется следующий методический инструментарий: анализ и синтез языковых особенностей методов воздействия; когнитивно-дискурсивный анализ,

закрывающийся в подробном изучении контекстуальных особенностей и их влияния на имплицитный и эксплицитный смыслы высказывания; сравнительно-сопоставительный анализ, использование которого обосновано поставленной целью – выявление способов и приемов общественно-политического дискурса на русском и английском языках.

Результаты. Одним из приемов, используемых в общественно-политическом дискурсе, является попытка сформировать единое мнение через генерализацию той или иной точки зрения, т. к. благодаря этому снижается уровень эпистемической оценки у населения, особенно если речь идет о широкой массе слушателей и охвате аудитории:

I know that the American people share my deep belief that if a danger exists in the world, it is a danger shared by all; and equally, that if hope exists in the mind of one nation, that hope should be shared by all;

So my country's purpose is to help us to move out of the dark chamber of horrors into the light, to find a way by which the minds of men, the hopes of men, the souls of men everywhere, can move forward towards peace and happiness and well-being⁵.

Обратим внимание, что выделенные жирным лексические средства, направленные на максимально широкую аудиторию, сопровождаются противопоставлением таких концептов, как «опасность», «мир», «счастье», «благополучие». Данные явления противоречат друг другу, однако использование концептуальной метафоры *to move out of the dark chamber of horrors into the light*, которая тоже является противопоставлением «тьмы» и «света», и параллельных синтаксических конструкций *it is a danger shared by all / hope should be shared by all* создает контраст в восприятии индивида и затрагивает ряд сильных аксиологических концептов в сознании.

Подобная стратегия применяется и в речи И.В. Курчатова на совместном заседании Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР 31 марта 1958 года (в качестве ответа на вышеупомянутую речь Д. Эйзенхауэра), однако здесь прослеживается попытка объединить историю советского и других народов с такими явлениями, как угрозы и бедствия войны, преодоление трудностей:

Мы были одни. Наши союзники в борьбе с фашизмом... вели работы в строжайшие секретных условиях и ничем нам не помогли;

Советский народ вооружил свою армию всеми необходимыми видами атомных и термоядерных зарядов. Всякий, кто осмелится поднять атомный меч против него, от атомного меча и погибнет;

Все простые люди земного шара жаждут спокойствия и мира. Только дружба народов, их взаимное доверие открывают путь к прогрессу и общему благосостоянию. Наш народ... был и будет верным борцом за мир... за то, чтобы все достижения науки и техники были направлены на благо человека⁶.

В приведенных отрывках демонстрируется изоляция СССР в области научно-технических разработок, создается образ изгоя, которому пришлось самостоятельно прокладывать путь для защиты собственных национальных интересов. Стоит заметить, что в связи с ограниченными рамками данное исследование направлено на анализ высказываний в рамках вышеупомянутых выступлений, а не широкого общественно-политического и культурного контекстов советской (и современной российской) риторики.

Серьезный акцент на гештальт-образе «защита» сделан во втором отрывке, где советский народ выступает как единое целое с ядерными технологиями. Вместе с тем в пример приводится все остальное человечество, и здесь

⁵Atoms for Peace Speech.

⁶Курчатов И.В. Речь на совместном заседании Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР. 31 марта 1958 г. // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. М., 2004. С. 509–512. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/kurchatov-v-vozpominaniyah-i-dokumentah_2004/p509/ (дата обращения: 10.02.2025).

И.В. Курчатов не делает исключений, создавая более или менее четкий ориентир для социально-технического воображаемого атома на благо мира, на что указывает третий отрывок. Аксиологические принципы мира, добра, благосостояния, доверия друг к другу, которые должны быть применимы и к науке – к области ядерных технологий, находят свое отражение в формировании сложного образа, объединяющего эмоциональное и рациональное.

И.В. Курчатов продолжает следовать данной линии в выражении точки зрения от имени всех советских и зарубежных ученых и апеллирует к международной военно-технической и научной лексике:

Нестерпима мысль, что может начаться атомная и водородная война. Нам, ученым, работающим в области атомной энергии, больше, чем кому бы то ни было, видно, что применение атомного и водородного оружия ведет человечество к неисчислимым бедствиям;

Мы, советские ученые, глубоко взволнованы тем, что до сих пор нет международного соглашения о безусловном запрещении атомного и водородного оружия... С советскими учеными вместе крупнейшие зарубежные ученые, имеющие мировое имя;

С высокой трибуны мы, советские ученые, обращаемся к ученым всего мира с призывом направить и объединить усилия для того, чтобы в кратчайший срок осуществить управляемую термоядерную реакцию и превратить энергию синтеза ядер водорода из орудия разрушений в могучий, жизнеутверждающий источник энергии, несущий благосостояние и радость всем людям на земле!

Я должен доложить Верховному Совету, что испытания атомного и водородного оружия, помимо того, что они держат мир в постоянной тревоге как предвестник возможных грядущих войн, приносят... вред здоровью людей⁷.

Вновь мы видим, что говорящий стремится объединить эмоциональные (*держат мир в тревоге; превратить из оружия разрушений в жизнеутверждающий источник энергии*) и рациональные (*испытания атомного и водородного оружия; термоядерная реакция; энергия синтеза ядер водорода*) категории, доступные для понимания небольшому классу людей, но благодаря призыву к общечеловеческим ценностям данные высказывания получают одобрение общественности. Мы наблюдаем, с одной стороны, эмоциональную нагрузку на слушателя, содержащуюся в усилении коннотации *нестерпима мысль*, с другой – стремление укрепить солидарность внутри международного научного сообщества и авторитет ученых в глазах общественности.

Использование американским президентом Д. Эйзенхауэром военной лексики направлено на формирование чувства уверенности и непоколебимости американской позиции, что создает положительный образ ядерных вооружений, а также четкое понимание масштабов разрушительной силы ядерного оружия:

The United States' stockpile of atomic weapons, which, of course, increases daily, exceeds by many times the total equivalent of the total of all bombs and all shells that came from every plane and every gun in every theatre of war in all of the years of World War II... a destructive cargo exceeding in power all the bombs that fell on Britain in all of World War II;

The United States knows that if the fearful trend of atomic military build-up can be reversed, this greatest of destructive forces can be developed into a great boon, for the benefit of all mankind. The United States knows that peaceful power from atomic energy is no dream of the future. That capability, already proved, is here – now – today;

The development has been such that atomic weapons have virtually achieved conventional status within our armed services. In the United States, the Army, the Navy, the Air Force and

⁷Курчатов И.В. Речь на совместном заседании Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР.

the Marine Corps are all capable of putting this weapon to military use;

*But the dread secret and the fearful engines of atomic might are not ours alone. The secret is also known by the Soviet Union*⁸.

Тем не менее Д. Эйзенхауэр стремится сделать акцент на мирной стороне атомных технологий. Для усиления данного гештальт-образа он использует впервые для того времени словосочетание *atomic energy* в таких выражениях, как:

Experts would be mobilized to apply atomic energy to the needs of agriculture, medicine and other peaceful activities. A special purpose would be to provide abundant electrical energy in the power-starved areas of the world;

The United States would be more than willing – it would be proud to take up with others “principally involved” the development of plans whereby such peaceful use of atomic energy would be expedited;

*These are deeds of peace. They speak more loudly than promises or protestations of peaceful intent*⁹.

Заключение. Несмотря на то, что оба выступающих преследовали общую коммуникативную цель – разграничить в восприятии населения понятия «ядерные вооружения» и «атомная энергия», достигали они своих целей разными способами в связи с противостоянием коммунистического и капиталистического блоков. Выступление американского президента послужило основой для появления в американском информационном поле следующих слоганов, зачастую в стиле утопических гештальт-образов: *Atomic energy mineralogy kit; Wow! Now Chemcraft has atomic energy! Safe! Exciting! Real!; Atomic energy lab, completely safe and harmless!*¹⁰; *Electricity from the atom. What will it be like?*¹¹; *Witness the power of the atomic bomb 3\$ per person*¹²; *Atomic energy in action!*¹³; *Get atomic bomb ring!*¹⁴; *Adventures Inside the Atom*¹⁵; *Exclusive! “Tomorrow’s Atom Car!”*¹⁶; *Atomic age air rifle for kids with 25 missiles*¹⁷; *Atomic Energy and Peace*¹⁸; *A safe, harmless cap shooting giant atomic bomb*¹⁹; *How*

⁸Atoms for Peace Speech.

⁹Ibid.

¹⁰World’s Most Dangerous Toy? Radioactive Atomic Energy Lab Kit with Uranium (1950). URL: <https://thebulletin.org/virtual-tour/worlds-most-dangerous-toy-radioactive-atomic-energy-lab-kit-with-uranium-1950/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹¹Electricity from the Atom. What Will It Be Like? URL: <https://www.bridgemanimages.com/en/noartistknown/nuclear-power-magazine-advert-usa-1950s/print/asset/3435999> (дата обращения: 12.04.2025).

¹²Witness the Power of the Atomic Bomb 3\$ per Person. URL: <https://www.amazon.com/Vintage-Witness-Tourism-Wrapped-Laminated/dp/B0BQYBKX52> (дата обращения: 12.04.2025).

¹³New York City Manhattan Atomic Energy Union Carbide Advertising Vtg 1960s. URL: <https://district.net/product/new-york-city-manhattan-atomic-e-aef> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁴Get Atomic Bomb Ring. URL: <https://globaltoynews.com/2022/06/24/radioactive-bling-the-atomic-bomb-ring-from-kix/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁵Adventures Inside the Atom – 1948. URL: <https://atomicscout.wordpress.com/2014/01/25/ed-talks-to-johnny-about-the-atom/> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁶Exclusive! “Tomorrow’s Atom Car!” URL: <https://www.ebay.com/itm/176010285690> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁷Atomic Age Air Rifle for Kids with 25 Missiles. URL: <https://www.redbubble.com/i/poster/ATOMIC-AGE-AIR-RIFLE-ADVERT-by-ThrowbackAds/53495139.LVTDI> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁸Atomic Energy and Peace. URL: https://www.allposters.com/-sp/Atomic-Energy-and-Peace-Posters_i16220607_.htm (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁹A Safe, Harmless Cap Shooting Giant Atomic Bomb. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/objects-of-intrigue-the-atomic-bomb-toy> (дата обращения: 12.04.2025).

*do you fit into the atomic future?*²⁰; *Train and gain – new nuclear navy*²¹; *Atomic adventure – Navy*²².

Основываясь на вышеперечисленных фактах, можем сделать вывод о том, что в информационном поле США гештальт мирного социотехнического воображаемого атома формируется у лингвокультурного сообщества благодаря созданию концептов «безопасность», «неизвестность», «приключение».

В советском пространстве положительный гештальт-образ достигается несколько иными средствами. В открытых источниках мы можем найти изображения плакатов со следующими сильными позициями: *Атом в мирных целях!*; *Слава советской науке!*; *Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!*²³; *Пусть атом служит миру, а не войне!*²⁴; *Атом на службу мира и прогресса*²⁵.

Появление подобных слоганов после выступления И.В. Курчатова демонстрирует положительные намерения, антитезу военной агрессии и разрушениям, подкрепляет эмоциональные компоненты гештальт-образа ощу-

щением надежды, гордости за страну, доверия научному прогрессу.

Гештальт-образ создается под влиянием когнитивных единиц – фреймов, в которых содержится информация о том или ином явлении. Аксиологические характеристики речевого знака, формирующиеся в т. ч. благодаря коннотативно-нагруженной лексике, приводят к организации в сознании индивидуума или целого лингвокультурного сообщества такого гештальт-образа, в котором рациональное и чувственное вступают в диалектическое единство. Вместе с тем разграничение понятий «ядерные вооружения» и «атомная энергия» в изученных информационных пространствах достигается разными языковыми средствами. В выступлении американского президента мы отмечаем более агрессивный тон, особое место отводится научно-техническим достижениям США, изоляции СССР, созданию у населения образа внешней угрозы и врага, с которым они вынуждены сотрудничать в целях мирного сосуществования.

Список литературы

1. Уэллс Г. Освобожденный мир. М.: АСТ, 2023. 288 с.
2. Сунь-цзы. Искусство войны. М.: АСТ, 2023. 95 с.
3. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 35–41.
4. Равочкин Н.Н. Политический дискурс: к определению понятия // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Гуманит. науки. 2018. № 11. С. 159–163.
5. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. 427 p. <https://doi.org/10.1515/9783110800524>

²⁰How Do You Fit into the Atomic Future? URL: <https://www.menspulpmags.com/back-to-the-atomic-future-with-joe-and-ben-weiders-mr-america-magazine/> (дата обращения: 12.04.2025).

²¹Train and Gain – New Nuclear Navy. URL: https://www.laffichiste.com/products/1958-american-army-poster-train-and-gain-new-nuclear-navy-joseph-binder?srsId=AfmBOooaIP3_t502-HOCSFBTc-vvO1I2tAF_a77cMd4FB7GgtlmjHZll (дата обращения: 12.04.2025).

²²Atomic Adventure – Navy. URL: <https://intrepid.emuseum.com/objects/17120/atomic-adventure-navy-recruiting-poster> (дата обращения: 12.04.2025).

²³Мирный атом в графике. URL: <https://skillbox.ru/media/design/mirny-atom-v-grafike/> (дата обращения: 12.04.2025).

²⁴Плакат «Пусть атом служит миру, а не войне!» URL: <https://exponat-online.ru/exhibit/16701007/> (дата обращения: 12.04.2025).

²⁵Постер «Атом на службу мира и прогресса». URL: https://ih1.redbubble.net/image.3072112005.7740/fposter,small,wall_texture,square_product,600x600.jpg (дата обращения: 12.04.2025).

6. Иванов Н.В. Аналитика интерпретации в речевой коммуникации и в переводе // Филология и культура. 2018. № 4(54). С. 40–48.
7. Иванов Н.В., Черемисова Е.А. Особенности использования лексических и стилистических средств в художественном тексте и их роль в создании языковой картины мира (на примере произведения Нэнси Митфорд «The Blessing») // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Гуманит. науки. 2023. № 4-2. С. 137–141.
8. Иванов Н.В., Калинин О.И. Информационное воздействие в политическом медиадискурсе // Уч. зап. Нац. о-ва приклад. лингвистики. 2023. № 3(43). С. 76–105.
9. Иванов Н.В. О концептуальных основаниях стиля в языке и в дискурсе // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. 7, т. 1: материалы XVI Междунар. науч. конф. по актуал. проблемам яз. и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод» / под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: Воен. ун-т Минобороны России, 2022. С. 50–59.
10. Иванов Н.В. Асимметрия речевого знака в коммуникативной динамике дискурса // Речь и языки общения в конфликтогенном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.В. Мышкин. М.: Агентство соц.-гуманит. технологий, 2021. С. 21–24.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ, 2004. 236 с.
12. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 55–67.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 298 с.
14. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. М.: Образование-Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
15. Jasanoff S., Kim S.-H. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago: Univ. Chicago Press, 2015. 354 p.
16. Jasanoff S. Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9781400837311>

References

1. Wells H. *The World Set Free*. London, 1914. 286 p. (Russ. ed.: Uells G. *Osvobozhdenyy mir*. Moscow, 2023. 288 p.).
2. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny* [The Art of War]. Moscow, 2023. 95 p.
3. Perel'gut N.M., Sukhotskaya E.B. O strukture ponyatiya “politicheskii diskurs” [On the Structure of Political Discourse]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 35–41.
4. Ravochkin N.N. Politicheskii diskurs: k opredeleniyu ponyatiya [Political Discourse: to the Concept Definition]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, 2018, no. 11, pp. 159–163.
5. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, 1999. 427 p. <https://doi.org/10.1515/9783110800524>
6. Ivanov N.V. Analitika interpretatsii v rechevoy kommunikatsii i v perevode [Interpretational Analytics in Speech Communication and in Translation]. *Filologiya i kul'tura*, 2018, no. 4, pp. 40–48.
7. Ivanov N.V., Cheremisova E.A. Osobennosti ispol'zovaniya leksicheskikh i stilisticheskikh sredstv v khudozhestvennom tekste i ikh rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira (na primere proizvedeniya Nensi Mitford “The Blessing”) [Features of the Use of Lexical and Stylistic Means in a Literary Text and Their Role in Creating a Linguistic Picture of the World (Based on the Example of Nancy Mitford's Work “The Blessing”)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2023, no. 4-2, pp. 137–141.
8. Ivanov N.V., Kalinin O.I. Informatsionnoe vozdeystvie v politicheskom mediadiskurse [Information Impact in the Political Media Discourse]. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, 2023, no. 3, pp. 76–105.
9. Ivanov N.V. O kontseptual'nykh osnovaniyakh stilya v yazyke i v diskurse [On the Conceptual Foundations of Style in Language and Discourse]. Ivanov N.V. (ed.). *Voенно-gumanitarnyy al'manakh* [Military-Humanities Almanac]. Moscow, 2022, pp. 50–59.
10. Ivanov N.V. Asimmetriya rechevogo znaka v kommunikativnoy dinamike diskursa [Speech Sign Asymmetry in the Communicative Dynamics of Discourse]. Myskin S.V. (ed.). *Rech' i yazyki obshcheniya v konfliktogennom mire* [Speech and Languages of Communication in a Conflict-Generating World]. Moscow, 2021, pp. 21–24.
11. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics]. Tambov, 2004. 236 p.

12. Sternin I.A., Bykova G.V. Kontsepty i lakuny [Concepts and Gaps]. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie* [Linguistic Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, 1998, pp. 55–67.

13. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow, 1986. 298 p.

14. Leont'ev A.N. Obraz mira [Image of the World]. Leont'ev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected Works on Psychology]. Moscow, 1983. Vol. 2, pp. 251–261.

15. Jasanoff S., Kim S.-H. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago, 2015. 354 p.

16. Jasanoff S. *Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States*. Princeton, 2005. 392 p.
<https://doi.org/10.1515/9781400837311>

Информация об авторах

П.А. Рыкова – кандидат филологических наук, преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского (адрес: 123001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 14).

Е.А. Чичерова – кандидат филологических наук, преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского (адрес: 123001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 14).

Information about the authors

Pelageya A. Rykova, Cand. Sci. (Philol.), Lecturer at Prince Alexander Nevsky Military University (address: ul. B. Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Elena A. Chicherova, Cand. Sci. (Philol.), Lecturer at Prince Alexander Nevsky Military University (address: ul. B. Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Поступила в редакцию 29.04.2025

Одобрена после рецензирования 13.08.2025

Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 29 April 2025

Approved after reviewing 13 August 2025

Accepted for publication 25 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 51–62.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 51–62.

Научная статья
УДК 81'33:[811.134.2+811.161.1]
DOI: 10.37482/2687-1505-V475

Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве

Александра Дмитриевна Фокина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: alexandra-fokina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>

Аннотация. Статья посвящена лингвопрагматическим особенностям функционирования одного из основополагающих для общества и государства концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном юридическом, медийном и бытовом дискурсах. Цель исследования состоит в анализе семантических характеристик названного концепта при его использовании профессиональными коммуникантами в юридическом дискурсе, а также в установлении его семантической вариативности и прагматического потенциала при употреблении за пределами профессиональной дискурсивной среды, прежде всего в медийном и бытовом дискурсах, где данный концепт получил широкое распространение ввиду особой социальной значимости смыслового и ценностного компонента, заложенного в его семантическое ядро. Актуальность настоящей работы заключается в рассмотрении универсального концепта «derecho/право», имеющего особое культурологическое значение, в качестве компонента различных дискурсивных практик, что позволяет провести наиболее полный сравнительный анализ изменений его лингвопрагматических характеристик в результате процессов терминологизации и детерминологизации. Новизна работы обусловлена тем, что изучение особенностей функционирования концепта осуществляется на примере варьирования его семантических характеристик в трех дискурсивных пространствах и с учетом языковой специфики его употребления в русскоязычных и испаноязычных источниках. При проведении исследования автор опирался на кросс-дискурсивный подход, предполагающий сравнительный анализ особенностей реализации лексемы в двух измерениях: при ее функционировании внутри собственного дискурсивного пространства и вне его – в медийном и бытовом дискурсах; при применении лексем-аналогов (*derecho* и «право») в русскоязычном и испаноязычном дискурсивном пространстве. Установлено, что в юридическом дискурсе лексема «derecho/право» используется в качестве термина и базового концепта, а вне профессионального дискурса проявляет свойства концепта с точки зрения лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов.

Фокина А.Д.

Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве

Ключевые слова: лингвопрагматика, юридический дискурс, медийный дискурс, бытовой дискурс, испанский язык, русский язык, концепт «derecho», концепт «право»

Для цитирования: Фокина, А. Д. Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве / А. Д. Фокина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 51-62. – DOI 10.37482/2687-1505-V475.

Original article

Linguistic Pragmatics of the Concept DERECHO/PRAVO in the Spanish- and Russian-Language Discursive Space

Aleksandra D. Fokina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia,

e-mail: alexandra-fokina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>

Abstract. The article analyses the linguopragmatic aspects of the concept DERECHO/PRAVO ('right'), a fundamental one for society and the state, in Spanish- and Russian-language legal, media and everyday discourses. The research aimed to study the semantic characteristics of this concept when used by professional communicators in legal discourse, as well as to establish its semantic variation and pragmatic potential when used outside of the professional discursive environment, primarily in media and everyday discourses, where this concept has become widespread due to the particular social significance of the semantic and value component within the concept's semantic core. The relevance of the article consists in viewing the universal concept DERECHO/PRAVO, which has a special cultural importance, as a component of various discursive practices, allowing us to carry out a comprehensive comparative analysis of changes in its linguopragmatic characteristics as a result of terminologization and determinologization. The novelty of the research lies in studying the variation of the concept's semantic features in three discursive spaces and in taking into account the linguistic specifics of its use in Russian- and Spanish-language sources. The paper is based on the cross-discursive approach, which includes a comparative analysis of the use of the lexeme *derecho/pravo* in two dimensions: inside its own discursive space and outside of it (in media and everyday discourses), and in the Russian- and Spanish-language discursive space. It was established that in legal discourse, this lexeme is used as a term and a basic concept, while outside of professional discourse, it manifests the properties of the concept DERECHO/PRAVO from the standpoint of the linguocultural and linguocognitive approaches.

Keywords: linguistic pragmatics, legal discourse, media discourse, everyday discourse, Spanish, Russian, concept DERECHO, concept PRAVO

For citation: Fokina A.D. Linguistic Pragmatics of the Concept DERECHO/PRAVO in the Spanish- and Russian-Language Discursive Space. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 51–62. DOI: 10.37482/2687-1505-V475

Введение. Слово «право» укрепилось в русском литературном языке на рубеже XVI–XVII веков¹, однако означает понятие, фактически возникшее вместе с государством. Нацеленность права на упорядочение общественных отношений обуславливает неизменно повышенный интерес общества к правовым реформам, которые получают регулярное освещение в средствах массовой информации (СМИ). В обществе постоянно возникают отношения, требующие правовой регламентации. Это приводит к тому, что изначально обладающее свойствами термина существительное «право» и его испаноязычный аналог *derecho*, а также словосочетания с ними подвержены двусторонне направленным процессам терминологизации и детерминологизации.

Кросс-дискурсивный подход, избранный для проведения исследования, предполагает анализ употребления лексем, с одной стороны, в поле собственной терминосистемы – в юридическом дискурсе и вне ее – в медийном и бытовом дискурсах. С другой – функционирование концепта «*derecho*/право» рассматривается в плоскости разных лингвокультурных пространств, что позволяет более полно установить сходства и различия, а на их основе – лингвопрагматические особенности изучаемого концепта. Выбор указанного концепта обусловлен тем, что он является одним из исторических, базовых для любого национального лингвокультурного пространства, поскольку право и общество – взаимообусловленные, взаимозависимые и взаимовлияющие феномены.

Цель исследования – проанализировать концепт «*derecho*/право» в контексте его функционирования в испаноязычном и русскоязычном юридическом дискурсе – коммуникативном пространстве профессионального взаимодействия юристов, а также установить особенности употребления, семантическую вариативность и прагматический потенциал данного концепта за пределами профессиональной

дискурсивной сферы – в медийном и бытовом дискурсах.

Актуальность исследования определяется недостаточной степенью изученности лингвопрагматической специфики употребления концептов при их функционировании в качестве компонентов разных дискурсивных практик. Новизна данной работы состоит в том, что указанная специфика рассматривается на примере варьирования семантических характеристик концепта «*derecho*/право», который претерпевает изменения объема понятия, обусловленные особенностями дискурсивных пространств его употребления и процессами терминологизации и детерминологизации, сопровождающими его переход из одного дискурсивного пространства в другое [1, с. 43].

Теоретической базой данной статьи являются научные монографии, а также статьи, опубликованные на русском и испанском языках. Материалы исследования включают в себя статьи в испаноязычных и русскоязычных специализированных юридических словарях и иных словарных изданиях, публикации в русскоязычных и испаноязычных СМИ и интернет-источниках (на их основе проведен анализ более 150 примеров использования существительного *derecho*) и сборники пословиц и поговорок.

При проведении анализа концепта «*derecho*/право» в различных дискурсивных пространствах мы основывались на научных представлениях, которые сформулированы в работах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и др. Указанные исследователи рассматривают концепт в качестве многомерного, многокомпонентного лингвокультурного явления; ментального образования, обладающего собственной этносемантической спецификой. В части, посвященной функционированию лексемы «*derecho*/право» в юридическом дискурсе, в котором она используется в качестве термина, мы опирались на представления о тер-

¹Виноградов В.В. История слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1999. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/199> (дата обращения: 03.02.2025).

мине, содержащиеся в работах В.М. Лейчика и Л.А. Манерко – ученых-терминологов, представителей когнитивного терминоведения, которое синтезирует влияние когнитивной лингвистики на развитие терминоведения и раскрывает потенциал рассмотрения терминов «в тесной связи с концептами как результатами речемыслительной деятельности, воплощаемыми в строго определенных знаках» [2, с. 394].

Для достижения цели исследования использовались методы концептуального, дискурсивного, контекстуального, семантического, сравнительно-сопоставительного и интерпретативного анализа.

«*Derecho*/право» – термин или концепт?

Право – один из ключевых, первичных и системообразующих терминов юриспруденции, поскольку обозначаемое им явление тесно связано с государством и трансформируется вместе с ним. Особая регулирующая роль права в жизни общества привела к тому, что данный термин, продолжая функционировать в юридической среде, прошел процессы деспециализации и детерминологизации в результате выхода за пределы собственной терминологической системы [3, с. 35–36]. Указанный выход сопровождается концептуализацией смыслового ядра термина «*derecho*/право», который постепенно обретает собственные периферийные значения.

Зарубежные авторы подчеркивают, что значительную часть терминов юридического языка составляют общеупотребительные слова, которые могут считаться «полутехническими» терминами при наличии дополнительных, специфических юридических значений: в частности, такие слова, как *familia* – семья, *matrimonio* – брак, *hombres* – мужчины, *mujeres* – женщины, могут заключать в себе определенное юридическое содержание [4, с. 333]. Сущностное «*derecho*/право» по аналогии можно отнести к общеупотребительным словам,

которые могут функционировать в качестве термина при использовании в юридическом дискурсе – среде профессионального общения юристов, направленного на решение конкретных задач в сфере права, – и в особенности в составе отраслевых терминологических словосочетаний.

Таким образом, можно утверждать, что сущностное «*derecho*/право» может функционировать как термин или детерминологизироваться в зависимости от дискурсивной среды его использования.

Термин «*derecho*/право» в юридическом дискурсе. В качестве одного из признаков, по которым лексема может считаться термином, выступает ее внесение в специализированные словари. Так, в 2017 году под эгидой Королевской академии испанского языка был опубликован «Словарь испанского юридического языка» (*Diccionario panhispánico del español jurídico*, DPEJ²), который объединил представления о различных правовых терминах, используемых в Испании и странах Латинской Америки. Термин *derecho* в словаре DPEJ соотнесен с тремя группами значений³.

Первая группа значений термина *derecho* охватывает исключительное право или полномочие лица, признанное правовой системой либо вытекающее из его правоотношений с другими субъектами. Эта дефиниция соответствует восприятию права в узком, или субъективном, смысле. Именно в таком значении концепт «право» и взаимосвязанный с ним концепт «свобода» рассматриваются в качестве базовых понятий когнитивного поля юридического дискурса, поскольку права и свободы человека и гражданина объективируют уникальность и значимость личности для общества, а понимание концепта «право» является важнейшим условием создания и функционирования правового государства [5, с. 157–160].

²Real Academia Española: Diccionario panhispánico del español jurídico (DPEJ) [en línea]. URL: <https://dpej.rae.es/> (дата обращения: 03.02.2025).

³Ibid. URL: <https://dpej.rae.es/lema/derecho1>; <https://dpej.rae.es/lema/derecho2>; <https://dpej.rae.es/lema/derecho3> (дата обращения: 03.02.2025).

Вторая группа значений термина *derecho* объединяет представления о праве в широком, или объективном, смысле и включает в себя следующие дефиниции:

– совокупность принципов, норм, обычаев, концепций, основанных на судебной практике и мнении правового сообщества, из которых вытекают правила организации общества и государственной власти, а также права индивидов и их взаимоотношения с органами власти. В этом смысле право – понятие, эквивалентное правопорядку или общей норме;

– система занятий, организованных на юридических факультетах университетов для преподавания и проведения исследований по данной дисциплине;

– отрасль или специальность юридической дисциплины, посвященная изучению определенной части или отрасли права.

В третьем значении термин *derecho* – это денежная сумма, выплачиваемая по установленному тарифу за использование имущества или получение услуг от органов управления (государственного, корпоративного и др.). В качестве примеров приведем следующие терминологические словосочетания: *derecho de aduana / derechos aduaneros* – таможенные пошлины; *derecho uniforme de exportación* и *derecho uniforme de importación* – таможенные пошлины, уплачиваемые при экспорте и импорте товаров соответственно; *derechos de procurador* – гонорар, уплачиваемый судебному поверенному по специально установленной шкале в зависимости от цены иска. В третьем значении термина имеет место метонимия: *derecho* обозначает не само право, а денежную сумму, на которую вправе претендовать тот или иной орган власти или уполномоченное лицо за оказание услуг.

В русскоязычных словарях представлены только два блока значений: право в объективном смысле – как система общеобязательных социальных норм, установленных государ-

ством и обеспечиваемых силой принуждения, и право в субъективном смысле – как мера дозволенного государством поведения⁴.

Термин «*derecho*/право» в русском и испанском языках образует неисчислимо множество терминологических словосочетаний. В качестве примера приведем терминологическое словосочетание *derecho real*, которое следует отнести к межъязыковым паронимам. Оно означает, во-первых, вещное право (а не реальное) – субъективное право, которое дает его обладателю непосредственную и прямую власть над вещью, а во-вторых, подотрасль гражданского права, которая охватывает нормы, регулирующие вещные права. При переводе на испанский язык словосочетания «реальное право», означающего правопорядок, который фактически действует в обществе или отдельных социальных группах и противопоставляется формальному [6, с. 10], следует использовать словосочетание *derecho vivo* (досл. – «живое право»). Противопоставление фактического (того, что существует в реальности) и юридического (т. е. формального, содержащегося в текстах законов) реализовано в паре терминов *de hecho* и *de derecho* – испанской кальке латинских выражений *de facto* (де-факто) и *de jure* (де-юре), которые в русскоязычном юридическом дискурсе продолжают использоваться на латыни или в указанном дефисном написании.

Терминологическое словосочетание *derecho de antena* (досл. – «право на антенну») содержит метонимию и означает права на радио- или телетрансляцию кинематографического произведения, спортивного соревнования и т. п. В российском юридическом дискурсе данное право представлено термином «право на сообщение радио- или телепередач» (ст. 1330 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵).

Наиболее существенные семантические изменения происходят при использовании ис-

⁴Большой юридический словарь / под. ред. В.Н. Додонова, В.Д. Ермакова, М.А. Крыловой. М.: ИНФРА-М, 2001. URL: <https://juridical.slovaronline.com/> (дата обращения: 03.02.2025).

⁵Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 03.02.2025).

следуемого термина в словосочетании *derecho comparado*, которое означает метод изучения права, основанный на сравнении различных решений, предлагаемых разными правовыми системами для одних и тех же случаев⁶. В русскоязычном юридическом дискурсе аналогичным словосочетанием является «сравнительное правоведение», которое рассматривается шире, чем сравнительно-правовой метод, и представляет собой систему научных знаний о различных правовых системах, существующих в мире.

Концепт «derecho/право» в медийном и бытовом дискурсах. Исторически право играло особую роль в жизни государства и общества, и именно это понятие претерпевает семантические трансформации в процессе детерминологизации при его перенесении в бытовой и медийный дискурсы, где концепт обретает собственный лексический фон и коннотации, сформированные под влиянием экстралингвистических факторов.

Анализ лингвопрагматической специфики употребления концепта «derecho/право» вне юридического дискурса следует начать с дефиниций неспециализированных словарей. В «Словаре испанского языка Королевской академии испанского языка» (*Diccionario de la lengua española*, DLE) в значительной степени повторяются дефиниции DPEJ, однако следует обратить внимание на то, что в трех дефинициях отражены оттенки значения «полномочие» (*facultad*)⁷:

- полномочие человека делать в рамках закона то, что приводит к достижению целей его жизни;
- полномочие делать или требовать от других всего того, что закон или орган власти устанавли-

вает в пользу субъекта, или что собственник вещи позволяет другому человеку с ней делать;

– права и обязанности, вытекающие из положения человека или из его отношений с другими людьми (например, *el derecho del padre* – право отца, *derechos humanos* – права человека).

В одном из значений, указанных в DLE, понятие *derecho* определяется как справедливость (*justicia*) и разум (*razón*). В статье, посвященной лексеме *justicia*, синонимический ряд дополняется словом *equidad* (равенство), а также представлено иное соотношение указанных понятий: справедливость определяется как то, что должно иметь место в соответствии с правом или разумом⁸. Это соотносится с представлениями о справедливости как о нравственно-правовой категории и выражается в легитимности правовых норм, их признании обществом и добровольном соблюдении права [7, с. 60]. Взаимосвязь с концептом *justicia* прослеживается и в том, что формально заложенный в праве порядок справедливого поведения отождествляется с порядком справедливости, которая является благом права и выражается в том, что каждый имеет то, что ему принадлежит [8, с. 263–264].

Использование существительного *derecho* в медийном дискурсе в большинстве случаев сопряжено с обозначением прав определенной социальной группы лиц, нарушение или защита которых рассматривается в публикации: *derechos de las mujeres* / *derechos femeninos*⁹ (права женщин), *derechos de los refugiados* и *derechos de los migrantes*¹⁰ (права беженцев и мигрантов соответственно), *derechos de los*

⁶DPEJ [en línea]. URL: <https://dpej.rae.es/lema/derecho-comparado> (дата обращения: 03.02.2025).

⁷Real Academia Española: Diccionario de la lengua española (DLE), 23.ª ed. [versión 23.8 en línea]. URL: <https://dle.rae.es/derecho> (дата обращения: 03.02.2025).

⁸Ibíd. URL: <https://dle.rae.es/justicia> (дата обращения: 03.02.2025).

⁹Derechos de las mujeres. Cartas a la directora. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-04/derechos-de-las-mujeres.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁰Gómez M.V. Bruselas insta a Turquía a investigar las violaciones de derechos de los refugiados pero elude la responsabilidad. URL: <https://elpais.com/internacional/2024-10-11/bruselas-insta-a-turquia-a-investigar-las-violaciones-de-derechos-de-los-refugiados-pero-elude-la-responsabilidad.html> (дата обращения: 25.01.2025).

*dependientes*¹¹ (права иждивенцев), *derechos de los trabajadores*¹² (права работников), а также с его функционированием в собирательных понятиях *derechos humanos*¹³ (права человека) и *derechos fundamentales*¹⁴ (основные права). При анализе социальных проблем, связанных с перечисленными группами лиц, используются термины, обозначающие их наиболее важные субъективные права: *derecho a una plaza en una residencia*¹⁵ (право на место в пансионате), *derecho de (al) asilo*¹⁶ (право на убежище), *derecho a la vivienda*¹⁷ (право на жилье), *derecho a los alimentos*¹⁸ (право на продукты питания).

В публикациях встречаются также примеры метонимии, когда приравниваются вещь и право на нее: *La vivienda, el derecho que no se cumple*¹⁹. – «Жилье – право, которое не соблюдается».

Существительное *Derecho* сохраняет терминологическое значение «право как регулятор

общественных отношений» при его написании с заглавной буквы. Контекст использования существительного зачастую отсылает к анализу глобальных последствий внесения тех или иных изменений в законодательные акты или к случаям пренебрежения правом в широком смысле: *En los márgenes del Derecho se mueven a diario nuestros derechos*²⁰. – «Наши права ежедневно оказываются на задворках права». В приведенном примере имеет место игра слов, подчеркивающая абсурдность описываемой в статье ситуации, когда право в узком смысле оказывается вне права в широком смысле.

Отметим, что в аналогичном значении лексема *derecho* используется и при написании со строчной буквы: *El problema central del derecho y del imperio de la ley no está en el apartamiento deliberado de su mandato, sino en que puede producirse sin mala conciencia alguna ni mala intención de los autores de su aplicación*²¹. –

¹¹El País (Editorial). Los derechos de los dependientes. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-11/los-derechos-de-los-dependientes.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹²Gallego-Díaz S. De “Empleo” a “Habilidades”: la extraña cartera de la Comisión Europea. URL: <https://elpais.com/ideas/2024-10-06/de-empleo-a-habilidades-la-extrana-cartera-de-la-comision-europea.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹³Delgado D., García V. A memoria democrática, deuda pendiente. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-31/la-memoria-democratica-deuda-pendiente.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁴Sahuquillo M.R., Gómez M.V. Bruselas lleva a Hungría ante la justicia europea por la polémica ley de soberanía alumbrada por Orbán. URL: <https://elpais.com/internacional/2024-10-03/bruselas-lleva-a-hungria-ante-la-justicia-europea-por-la-polemica-ley-de-soberania-alumbrada-por-orban.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁵El País (Editorial). Los derechos de los dependientes. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-11/los-derechos-de-los-dependientes.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁶De Miguel B. Europa rompe con el derecho de asilo. URL: <https://elpais.com/internacional/2024-10-18/europa-rompe-con-el-derecho-de-asilo.html> (дата обращения: 27.01.2025).

¹⁷Gutiérrez A.H. Treintañeros en Valencia: “Esta ciudad era muy barata hace 10 años, ahora no puedo vivir sola”. URL: <https://elpais.com/espana/comunidad-valenciana/2024-10-19/treintaneros-en-valencia-esta-ciudad-era-muy-barata-hace-10-anos-ahora-no-puedo-vivir-sola.html> (дата обращения: 27.01.2025).

¹⁸Dongyu Q. Ha llegado el momento de hacer realidad el “derecho a los alimentos” en favor de una dieta saludable, nutritiva y asequible. URL: <https://elpais.com/america-colombia/2024-10-16/ha-llegado-el-momento-de-hacer-realidad-el-derecho-a-los-alimentos-en-favor-de-una-dieta-saludable-nutritiva-y-asequible.html> (дата обращения: 27.01.2025).

¹⁹El País (Editorial). La vivienda, un derecho que no se cumple. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-13/la-vivienda-un-derecho-que-no-se-cumple.html> (дата обращения: 27.01.2025).

²⁰García P.L., Tebar F.M., Valero A. La violencia sexual y los márgenes del Derecho. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-11-02/la-violencia-sexual-y-los-margenes-del-derecho.html> (дата обращения: 01.02.2025).

²¹De La Quadra-Salcedo T. Imperio de la ley, justicia y convicciones morales (I). URL: <https://elpais.com/opinion/2025-01-23/imperio-de-la-ley-justicia-y-convicciones-morales-i.html> (дата обращения: 01.02.2025).

«Главная проблема права и верховенства закона заключается не в преднамеренном отступлении от его предписаний, а в том, что такое отступление может осуществляться с чистой совестью и без злого умысла со стороны тех, кто применяет закон».

На сайте «Официального государственного бюллетеня» (*Boletín Oficial del Estado*), публикующего законы Испании, в разделе «Все право» («*Todo el Derecho*»)²² освещаются, помимо национального законодательства и актов Европейского союза, судебная практика и комментарии, заключения консультативных органов государства. Следовательно, концепт *derecho* включает в себя не только законодательство, но и в широком смысле все нормативно-правовые акты, судебные решения и комментарии органов власти.

Распространенным в медийном дискурсе является словосочетание *Estado de derecho* / *Estado de Derecho* – правовое государство: *El problema del Estado de derecho no es que algunos jueces se aparten deliberadamente de su mandato, sino que pueden hacerlo sin mala conciencia*²³. – «Проблема правового государства заключается не в том, что некоторые судьи намеренно отступают от своего мандата, а в том, что они могут делать это без зазрения совести»; *Una consideración previa: el Estado de derecho es el fundamento esencial de toda democracia*²⁴. – «Предварительное соображение: правовое государство – важнейшая основа любой демократии».

В большинстве случаев словосочетание *Estado de derecho* / *Estado de Derecho* используется в публикациях, посвященных выборам,

демократии, проблеме соблюдения прав человека. Прагматика использования концепта в СМИ обусловлена необходимостью подчеркнуть негативные последствия нарушения того или иного права, которое может поставить под вопрос существование правового государства – одной из фундаментальных ценностей Европейского союза, гарантирующей демократию, права и свободы граждан²⁵. Отметим, что в российских СМИ словосочетание «правовое государство» практически не используется, сохраняя свойства юридического термина и обозначая государство, которое в своей деятельности подчиняется исключительно праву и функционирует в границах, строго определенных законом, обеспечивая правовую защиту граждан²⁶.

В медийном дискурсе встречается также нестандартное, гибридное словосочетание *derecho penal a la carta: Así, insiste en evitar “hacer derecho penal a la carta” porque el derecho en general es impersonal, no se redacta para un grupo de personas en concreto*²⁷. – «Он настаивает на том, что нужно избегать создания уголовного права по принципу “а-ля карт”, потому что право в целом безлично, оно не разрабатывается для какой-либо определенной группы людей». Этимология рассматриваемого словосочетания восходит к устойчивому выражению *comer a la carta* – есть порционные блюда, которые предлагаются в меню ресторана и готовятся по индивидуальному заказу, в отличие от *menú del día* – комплексного обеда, который предполагает возможность выбрать заранее приготовленные блюда из ежедневно

²²Boletín Oficial del Estado (BOE). URL: <https://www.boe.es/> (дата обращения: 16.01.2025).

²³*De La Quadra-Salcedo T.* Imperio de la ley, justicia y convicciones morales (I). URL: <https://elpais.com/opinion/2025-01-23/imperio-de-la-ley-justicia-y-convicciones-morales-i.html> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁴*Garrido D.L.* El incólume Estado de derecho español. URL: <https://elpais.com/opinion/2023-11-29/el-incolumo-estado-de-derecho-espanol.html> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁵Qué es el Estado de Derecho? URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/what-rule-law_es (дата обращения: 02.02.2025).

²⁶Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.]; под ред. С.А. Комарова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 21.

²⁷La insula: Derecho penal a la carta. URL: https://www.ondacero.es/programas/mas-de-uno/audios-podcast/insula/insula-derecho-penal-carta_202212096392ff691eed5a000181f59c.html (дата обращения: 01.02.2025).

обновляемого перечня. В контексте ресторанного обслуживания оборот *a la carta*²⁸ ассоциируется со свежеприготовленным блюдом, сделанным по заказу, однако применительно к уголовному праву он приобретает негативную коннотацию и подчеркивает, что право может создаваться и реформироваться в угоду кому-то (в т. ч. тому, кто платит, что добавляет в значение сему «коррупция»). Отметим, что во всех случаях употребления словосочетания *derecho penal a la carta* темой публикаций была реформа уголовного права Испании, связанная с амнистией лиц, участвовавших в проведении референдума о независимости Каталонии (так называемый *procés*).

В качестве иного примера использования словосочетания *a la carta* приведем название книги: «¿Derecho **a la carta**? Las cláusulas de ley aplicable y tres mitos de la cultura jurídica colombiana» – «Право на заказ? Положения о применимом праве и три мифа о правовой культуре Колумбии». Из описания следует, что книга посвящена предусмотренным законом возможностям сторон самостоятельно выбрать подлежащее применению право, которым будут урегулированы их правоотношения²⁹. Оформление высказывания в виде вопросительного предложения в комбинации с заявленной в заглавии темой приглашает читателей к размышлению над неочевидными возможностями, заложенными в действующих нормах международного частного права. Прагматика данного высказывания состоит в призыве аудитории к анализу этих возможностей и формированию нового взгляда на сложившиеся представления в данной области.

В испаноязычном бытовом дискурсе концепт *derecho* соответствует общему представ-

лению о справедливости. В DLE выражение *no hay derecho* маркировано в качестве междометия-восклицания, используемого для выражения протеста в отношении того, что считается несправедливым³⁰. В русскоязычных источниках восклицательное предложение *¡No hay derecho!* переводится как «Это недопустимо! Безобразие! Это возмутительно! Так нельзя!»³¹. В качестве русскоязычного аналога испанской фразы может рассматриваться риторический вопрос «По какому праву?», имплицитно выражающий эмоцию возмущения.

Устойчивое словосочетание *perder de su derecho*, которое дословно переводится как «утратить из своего права», означает пойти на уступки, на компромисс для урегулирования вопроса. Указанное выражение следует отличать от терминологического словосочетания *perder el derecho* (без предлога *de*), которое означает «утрачивать право» и применяется в юридическом дискурсе.

Исследование концепта «derecho/право» требует обращения к пословицам и поговоркам: их ценность состоит в том, что крылатые выражения фиксируют использование опыта народа в области права, накопленного в течение многих веков, и в силу этого представляют собой важный элемент развития духовной культуры, а их анонимность, с одной стороны, подчеркивает социально-духовную значимость, с другой – синтезирует правовое сознание народа [9, с. 193]. Несмотря на то, что анализ паремий требует определенных лингвокультурных компетенций для их адекватного понимания [10, с. 39], исследуемый концепт ввиду частотности употребления и универсальности восприятия его смыслового ядра участниками бытового дискурса не обладает излишней этноспецифической семан-

²⁸*A la carta* – «в соответствии с критериями выбора заинтересованной стороны». См.: DLE. URL: <https://dle.rae.es/carta?m=form2#GyVKk0D> (дата обращения: 03.02.2025).

²⁹Сайт издательской группы Grupo Editorial Ibañez. URL: <https://xn--grupoeditorialibaez-c4b.com/product/derecho-a-la-carta-las-clausulas-de-ley-aplicable-y-tres-mitos-de-la-cultura-juridica-colombiana/> (дата обращения: 03.02.2025).

³⁰DLE. URL: <https://dle.rae.es/derecho#CWe0HwH> (дата обращения: 15.01.2025).

³¹Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. С. 227.

тической нагрузкой, вследствие чего лексема *derecho* может считаться прямым аналогом лексемы «право» в качестве компонента пословиц на испанском и русском языках соответственно.

В испанском языке встречаются следующие паремии, содержащие существительное *derecho* [11, с. 82, 84, 87]:

Antes de tener pleito, pierde algo de tu derecho. – «Перед тем, как обращаться в суд, пойди на уступку». Пословица отражает мысль о целесообразности поиска альтернативных судебному способам разрешения споров;

El juez, derecho, como la viga en el techo. – «Суд для права – как балка для потолка». Пословица подчеркивает фундаментальную роль судьи в осуществлении правосудия;

No dones cohecho, ni pierdas derecho / No pierdas derecho, ni tomes cohecho. – «Не давай взятку, но и не теряй право». Чтобы чего-то добиться, не нужно идти на правонарушение, но и не следует отказываться от своих законных прав;

Con estos derechos se hacen / salen los cohombros muertos / tuertos. Пословица метафорически означает, что не следует доводить правосудие до абсурда, поскольку буквальное исполнение закона иногда может приводить к величайшей несправедливости. Его синонимом выступает пословица *Gran justicia, gran injusticia.* – «Великое правосудие – великая несправедливость» [12, с. 180].

В русском языке лексема «право» фигурирует в немногочисленных пословицах: «Новый царь – новое и право»; «Не всяк судит по праву, иной и по криву (по нраву)» [9, с. 194, 196]. Во фразеологическом словаре лексема «право» отображена в единственном словосочетании – «телефонное право», которое имеет негативную коннотацию и означает способ решения вопросов не на основании закона, а под влиянием просьб («телефонных звонков») знакомых или людей с более высоким статусом³².

Существительное «derecho/право» и словосочетания с ним могут функционировать в качестве термина в юридическом дискурсе и детерминологизироваться в иных дискурсивных средах.

В юридическом дискурсе лексема «derecho/право» означает фундаментальное для юриспруденции понятие. Семантическая вариативность термина обусловлена как объемом обозначаемого (от частного, субъективного права, к самому общему, праву в объективном смысле), так и отраслью права, в контексте которой он употребляется. В испанском юридическом дискурсе установлен метонимический потенциал термина *derecho* при его использовании в качестве синонима пошлины и в словосочетании *derecho de antena*. Термин *derecho* употребляется в юридическом дискурсе не только автономно, но и в обширном перечне терминологических словосочетаний, означающих отрасли и подотрасли права и отдельные виды субъективных прав.

В медийном и бытовом дискурсах лексема «derecho/право» выступает в качестве концепта с позиций как лингвокультурного, так и лингвокогнитивного подхода.

С точки зрения лингвокультурного подхода концепт «derecho/право» может быть отнесен к культурным концептам, которые обладают, с одной стороны, спецификой в национальных концептосферах (так, словосочетание *derecho penal a la carta* и ряд пословиц иллюстрируют прагматический, оценочный потенциал концепта), а с другой – имплицитно общечеловеческую ценность – справедливость как основу нормального функционирования государства и общества. С точки зрения лингвокогнитивного подхода, предполагающего учет личного опыта, концепт «derecho/право» имплицитно включает рамки дозволенного государством поведения, при этом ядром концепта может выступать конкретное субъективное право, а периферией – реальные возможности его реализации.

³²Академический словарь русской фразеологии / под. ред. А.Н. Баранова, М.М. Вознесенской, Д.О. Добровольского, К.Л. Киселевой, А.Д. Козеренко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2020. С. 510–511.

В ходе анализа примеров детерминологизации термина *derecho* установлен синонимический потенциал понятий *derecho* со смежными понятиями *justicia* (справедливость) и *razón* (разум). Наконец, на основании примеров из публикаций в СМИ и интернет-источниках

установлено, что в медиадискурсе сохраняется терминологическое значение существительного *derecho* при его использовании для обозначения совокупности прав определенных социальных групп и конкретного субъективного права лица или группы лиц.

Список литературы

1. Ларионова М.В., Фокина А.Д. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса // *Вопр. соврем. лингвистики*. 2023. № 6. С. 40–52.
2. Манерко Л.А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // *Преподаватель XXI в.* 2024. № 2, ч. 2. С. 390–405.
3. Передриенко Т.Ю. Изучение процесса детерминологизации через корпусные исследования // *Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика*. 2022. Т. 19, № 1. С. 35–41.
4. Moreu Carbonell E. Nuestro lenguaje: El giro lingüístico del derecho // *Rev. derecho público teoría método*. 2020. Vol. 1. P. 313–362. https://doi.org/10.37417/RPD/vol_1_2020_29
5. Храмова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 396 с.
6. Муравский В.А. Право формальное и право реальное // *Рос. юрид. журн.* 2009. № 2. С. 9–16.
7. Команджаев Е.А., Ятаева Н.В. К вопросу о справедливости в праве // *Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания*. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–61.
8. Bossini L.A. El sentido del Derecho. La finalidad del mundo jurídico // *Prudentia iuris*. 2022. № 93. P. 249–267.
9. Сидоров А.И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа // *О-во. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2012. № 3(24). С. 193–198.
10. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация*. 2019. № 3. С. 34–43.
11. Rodríguez Llamas J.R. Refranero de abogados, picapleitos y otros menesterosos de la Justicia // *Rev. nueva etapa*. 2020. Vol. 87. P. 79–90.
12. Soto Posada G. Paremiología y derecho: Una aproximación a la jurisprudencia desde los refranes // *Rev. fac. derecho cienc. polít.* 1997. Vol. 98. P. 170–182.

References

1. Larionova M.V., Fokina A.D. Difficulties of Terminology Translation in the Context of Analyzing the Normative Type of Spanish Legal Discourse. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*, 2023, no. 6, pp. 40–52 (in Russ.).
2. Manerko L.A. Basic Methods of Cognitive-Discursive Terminology. *Prepodavatel' XXI v.*, 2024, no. 2, pt. 2, pp. 390–405 (in Russ.).
3. Peredrienko T.Yu. A Corpus-Based Study of Determinologization. *Bull. South Ural State Univ. Ser. Linguist.*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 35–41 (in Russ.).
4. Moreu Carbonell E. Nuestro lenguaje: El giro lingüístico del derecho. *Rev. derecho público teoría método*, 2020, vol. 1, pp. 313–362. https://doi.org/10.37417/RPD/vol_1_2020_29
5. Khrantsova N.G. *Teoriya pravovogo diskursa: bazovye idei, problemy, zakonomernosti* [Theory of Legal Discourse: Basic Ideas, Problems, Principles]. Kurgan, 2010. 396 p.
6. Muravskiy V.A. Pravo formal'noe i pravo real'noe [Formal Law and Real Law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 9–16.
7. Komandzhaev E.A., Yataeva N.V. K voprosu o spravedlivosti v prave [To the Question of Justice in Law]. *Fenomen prava i zakonodatel'stvo: strategii i metody poznaniya*, 2022, vol. 1, no. 1, pp. 54–61.

8. Bossini L.A. El sentido del Derecho. La finalidad del mundo jurídico. *Prudentia iuris*, 2022, no. 93, pp. 249–267.
9. Sidorov A.I. Yuridicheskie poslovitsy i pogovorki v pravovoy praktike russkogo naroda [Legal Proverbs and Sayings in the Legal Practice of the Russian People]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2012, no. 3, pp. 193–198.
10. Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. Poslovitsa v sovremennoy lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in Modern Linguistics: Definition, Status, Functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2019, no. 3, pp. 34–43.
11. Rodríguez Llamas J.R. Refranero de abogados, picapleitos y otros menesterosos de la Justicia. *Rev. nueva etapa*, 2020, vol. 87, pp. 79–90.
12. Soto Posada G. Paremiología y derecho: Una aproximación a la jurisprudencia desde los refranes. *Rev. fac. derecho cienc. polít.*, 1997, vol. 98, pp. 170–182.

Информация об авторе

А.Д. Фокина – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института (университета) международных отношений (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Information about the author

Aleksandra D. Fokina, Lecturer at the Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 24.05.2025
Одобрена после рецензирования 22.08.2025
Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 24 May 2025
Approved after reviewing 22 August 2025
Accepted for publication 25 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 63–75.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 63–75.

Научная статья
УДК 81'42:81'246.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V476

Особенности конструирования научно-профессиональных концептов билингвами в академическом дискурсе (на материале социально-гуманитарных наук)

Ольга Станиславовна Зубкова¹
Илья Геннадьевич Никитичев²✉

^{1, 2}Курский государственный университет, Курск, Россия

¹e-mail: olgaz4@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-321X>

²e-mail: ignikitichev@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8042-3470>

Аннотация. Актуальность предлагаемой работы обусловлена важностью выявления влияния ценностной системы билингвальной и культурной идентичности продуцента на использование системы языка в академической коммуникации. Цель настоящего исследования заключается в определении особенностей трансляции смыслов научно-профессиональных концептов русскоязычными билингвами в академическом дискурсе. Анализ основан на осмыслении проблемы реализации билингвальными коммуникантами в монолингвальном режиме общения профессионально обусловленного академического дискурса, обладающего культурной маркированностью. В статье под билингвами в широком смысле понимаются продуценты, использующие неродной язык в научно-профессиональной деятельности. Рассмотрены устные академические тексты (скрипты) билингвальных продуцентов на английском языке из области социально-гуманитарных наук (в жанрах открытой лекции и выступления на международной научной конференции). Были привлечены методы сплошной выборки, дискурсивного, семантического анализа, лингвистического описания. По результатам исследования определены нестандартные для целевого языка коммуникации языковые формы, конструируемые билингвальными продуцентами в условиях смешения языковых кодов, представляющиеся результатом кросс-культурной интерференции со стороны родного языка и влияния национальной академической традиции билингвального продуцента. Показано, что в академическом дискурсе наряду с узуальными устойчивыми языковыми формами английского языка допускаются такие неустойчивые формы, как этнокультурные и окказиональные коллокации, образованные смысловыми кальками и морфологическими деривациями. Отмечено, что особенность конструирования смысла научно-профессиональных концептов в академическом дискурсе заключается в модификации языковых форм, которые не препятствуют коммуникации и с позиции продуцента релевантны содержанию транслируемого знания. Модификация языковых форм позволяет сделать предположение о билингвизме как динамическом факторе

развития дискурса и о его позитивном влиянии на расширение смысла интерпретируемых научно-профессиональных концептов. Результаты исследования являются практически значимыми для дальнейшего развития прикладного аспекта филологической науки в рамках многоаспектного анализа речевой деятельности билингвов в академическом дискурсе и других дискурсивных практиках.

Ключевые слова: академический дискурс, научно-профессиональный концепт, билингвизм, социально-гуманитарные науки, неустойчивые коллокации, межъязыковая интерференция

Для цитирования: Зубкова, О. С. Особенности конструирования научно-профессиональных концептов билингвами в академическом дискурсе (на материале социально-гуманитарных наук) / О. С. Зубкова, И. Г. Никитичев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 63-75. – DOI 10.37482/2687-1505-V476.

Original article

Academic Concept Formation in Bilingual Academic Discourse (the Case of Social Sciences and Humanities)

Olga S. Zubkova¹

Ilya G. Nikitichev²✉

^{1,2}Kursk State University, Kursk, Russia

¹e-mail: olgaz4@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-321X>

²e-mail: ignikitichev@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8042-3470>

Abstract. Identifying the influence that the value system and cultural identity of a bilingual have on the use of the language system in academic communication is becoming increasingly important. This paper aims to study how academic and professional concepts are communicated by Russian-speaking bilinguals in academic discourse. The analysis focuses on the implementation of professional academic discourse with cultural marking by bilinguals in monolingual communication. Within the context of the study, bilinguals are defined in a broad sense as individuals using a non-native language in scientific, scholarly and professional activities. We analysed oral academic texts of bilingual speakers in English in social sciences and humanities (transcripts of public lectures and presentations at international conferences). The research employed the methods of continuous sampling, discourse analysis, semantic analysis, and linguistic description. The study identified non-standard linguistic forms in the target language of communication constructed by bilingual speakers under the influence of cross-cultural interference from the native language and the national academic tradition. We show that such non-standard forms as ethnocultural and occasional collocations created by means of semantic calques and morphological derivations are acceptable in academic discourse along with the normative language forms. The characteristic feature of academic and professional concept formation in bilingual academic discourse is subjectively relevant linguistic modification that does not interfere with communication. This allows us to assume that bilingualism is a dynamic factor in discourse development and has a positive influence on the expansion of the meaning of academic concepts. The results of the study are of practical significance for the applied aspect of philology within a multifaceted analysis of bilingual academic discourse and other communicative practices.

Keywords: academic discourse, academic concept, bilingualism, humanities and social sciences, variant collocations, linguistic interference

For citation: Zubkova O.S., Nikitichev I.G. Academic Concept Formation in Bilingual Academic Discourse (the Case of Social Sciences and Humanities). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 63–75. DOI: 10.37482/2687-1505-V476

Введение. Теоретико-методологические основания данной работы определены с позиций активно развивающихся направлений современной теоретической лингвистики, теории дискурса, когнитивной лингвистики.

К настоящему моменту не в полной мере исследован академический дискурс билингвов, в частности отражение взаимодействия языковых и культурных факторов в условиях смешения языковых кодов. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения кросс-культурного аспекта академического дискурса билингвов, которое позволит раскрыть взаимосвязь языков на функциональном уровне, а также влияние ценностной системы билингвальной идентичности на использование языка. Цель исследования заключается в выявлении и описании языковых единиц, отражающих особенности интерпретации научно-профессиональных концептов билингвами в монолингвальном режиме взаимодействия. Материалом служат устные тексты русскоязычных билингвов из области социально-гуманитарных наук. Объектом исследования является трансляция научно-профессионального знания в устных речевых произведениях билингвов в академическом дискурсивном пространстве, предметом – особенности ее интерпретации. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что трансляция билингвом научно-профессионального знания через призму взаимовлияния двух языковых систем представляет собой сложный процесс модификации (расширения) смысла научно-профессионального концепта, что предполагает развитие дискурса на основе функциональных возможностей языка. Научная новизна работы обусловлена интерпретацией языковых особенностей трансляции научно-профессионального знания билингвальными продуцентами в академическом дискурсе на основе междисциплинарного

подхода. Практическая значимость заключается в возможности применения представленного материала и сформулированных выводов в исследованиях по общему и сопоставительному языкознанию, дискурсологии, билингвизму, а также в реальной практике межкультурной коммуникации для описания взаимосвязи языков на функциональном уровне.

Теоретическое ядро. В центре внимания современной теоретической лингвистики находятся проблемы изучения академического текста [1], в частности лингвистический потенциал академических текстов, продуцируемых билингвами. Академический дискурс, являясь «отражением научного мышления и специфики национального сознания участников академического взаимодействия» [2, с. 85], в нашей работе интерпретируется не только как знаковая система передачи научно-профессионального знания, но и как контекст представления новых языковых форм конструируемых научно-профессиональных концептов билингвальными продуцентами, манифестирующими свою «логику и особенности мышления» [3, с. 147]. Под научно-профессиональным концептом мы подразумеваем описание проблемных понятий социально-гуманитарного знания, встречающихся в ситуациях академического общения. Академический дискурс рассматривается в жанрах доклада на международной научной конференции и открытой лекции, способствующих развитию и популяризации научного знания в академической среде, позволяющих выявить различные вариативные языковые формы, используемые билингвами, в т. ч. с коннотативным оценочным значением, как «специфические культурные коннотации, формирующие желаемый смысл» [4, с. 98]. Экспликация языка в речи билингвального продуцента под влиянием многоаспектной системы факторов академического дискурсивного пространства

предусматривает комплексный учет следующих аспектов: лингвистического (определение знаковой структуры высказывания), дискурсивного (использование освоенной системы знаков в коммуникации под влиянием вариативных факторов дискурса), кросс-культурного (выявление неузуальных форм интерпретации под влиянием интерференции со стороны родного языка билингва), когнитивного (выбор билингвом транспарентной языковой единицы в определенном ситуационном контексте).

Феномен билингвизма выступает важным фактором интерпретации научно-профессионального знания в академическом дискурсивном пространстве, характеризующим речевое поведение продуцента [5–7]. Интерес к проблеме билингвизма, открывающей знание о функциональных возможностях языка, проявляется на протяжении уже нескольких десятилетий. Несмотря на разнообразие исследований, вопрос о сущности билингвизма до сих пор остается дискуссионным. В предлагаемой работе изучается речевая деятельность русскоязычных продуцентов, использующих неродной язык в научно-профессиональной деятельности. Продуцентов, владеющих языками международного общения в рамках глобального обмена научно-профессиональным знанием, мы квалифицировали как билингвов с продуктивным типом билингвизма, подразумевающим способность понимать, воспроизводить и порождать речевые произведения [8]. Вслед за Е.М. Верещагиным отметим, что в условиях смешения языковых кодов осмысленная речь не всегда бывает правильной, а доступность может быть обеспечена без нарушения коммуникативной функции языка.

Очевидно, что в сфере академического дискурса, включающей аспекты социально-гуманитарного знания, культурно обусловленный характер речевого поведения билингва в «несвойственном» ему дискурсивном пространстве на неродном языке определяет специфику употребления языковых единиц. Такая специфика обусловлена структурой ментального лексикона и научной картиной мира би-

лингва, что обосновывает трактовку смысловых констант научных концептов как единиц мыслительной деятельности, релевантных определенной области научных понятий, как языковых и речевых элементов, объективирующих новое осмысление научного феномена.

В рамках настоящего исследования в речи русскоязычных продуцентов при трансляции научного знания наряду с нормативными языковыми формами выявлены неузуальные коллокации как результат морфологической деривации и семантического калькирования в процессе межъязыковой интерференции. Из классификации коллокаций, представленной в работе М.В. Влавацкой, мы выделяем этнокультурный и окказиональный типы коллокаций как культурно-специфические дискурсивные средства, употребляемые русскоязычным билингвом в академическом дискурсе [9]. По нашему мнению, этнокультурные коллокации в речи русскоязычного билингва неузуальны по отношению к английскому языку, однако являются типичными для научного стиля русскоязычных продуцентов в англоязычных текстах. Неузуальные окказиональные коллокации выступают индивидуальными конструктами, которые применяются русскоязычным продуцентом для решения коммуникативных задач привлечения внимания реципиентов, выражения личностной оценки к транслируемому объекту дискурса.

Поскольку «исследования различных аспектов двуязычия позволяют лучше понять языковую действительность и ее экспликацию в лингвокультурах, что способствует усложнению языковых теорий как части филологического знания и расширяет спектр освоения естественного языка» [10, с. 60], селективность выбора языковых единиц в рамках ментального лексикона, востребованная для интерпретации смыслов научных концептов, мыслится позитивным фактором. Это значит, что включение билингвом в содержательное поле интерпретируемого концепта новых языковых конструкций субъективно принимается со стороны билингва как адаптация их смысла, позволяющая пред-

ставить информацию о предмете дискурса на основе идентификации его с фрагментами действительности.

Мы полагаем, что билингвизм в академическом дискурсе в сравнении с дискурсом монолингвов становится предпосылкой усложнения когнитивных процессов речевой деятельности, следствием которого можно считать модификацию языковой формы. Культурно-специфические неузуальные языковые компоненты дискурса не препятствуют коммуникации, а репрезентируют особенности речи билингвального продуцента в позиции «здесь и сейчас», представляются наиболее релевантными для конструирования знания в конкретной коммуникативной ситуации. Логично, что эти языковые и речевые «особенности» подтверждают динамичную природу академического дискурса в билингвальном контексте, позволяют глубже осознать влияние родного языка на развитие академического дискурса при решении коммуникативных задач.

Материалы и методы. Выбор материала обусловлен более широкой направленностью на самопрезентацию продуцента в области социально-гуманитарных наук, чем в области естественных или технических, т. к. социально-гуманитарное знание субъективно и в большей степени зависит от принадлежности продуцента к национальной академической традиции. Устный академический дискурс рассматривается в научной литературе на примере жанров открытой лекции и выступления на международной научной конференции как репрезентативных форматов, позволяющих выявлять новые языковые формы в речи билингвальных продуцентов в монолингвальном режиме общения [11–13]. В соответствии с целью настоящего исследования отобран 821 контекст. Материалом послужили 5 открытых лекций, прочитанных в Москов-

ском государственном институте международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Карловом и Монтанском университетах, Городском университете Нью-Йорка (общая продолжительность – 12 ч 36 мин 26 с; 209 контекстов); 30 выступлений с докладами на научных конференциях, проходивших в РУДН в 2020–2023 годах (общая продолжительность – 6 ч 51 мин 56 с; 612 контекстов). Все данные размещены в открытом доступе в сети Интернет. К исследованию привлекались словари лексем и коллокаций английского языка Longman Dictionary of Contemporary English¹, Macmillan Dictionary² и Oxford Collocations Dictionary³.

Представим алгоритм сбора и анализа данных. На первом этапе в отобранных материалах исследования определены коммуникативные условия академического дискурса – цель, жанр, целевой язык коммуникации, хронотоп, характеристика коммуникантов. На втором этапе методом сплошной выборки выявлены не соответствующие норме целевого кода коммуникации языковые формы. С помощью методов семантического и дискурсивного анализа установлены значение и роль выделенных дискурсивных единиц в контексте при решении таких коммуникативных задач, как информирование, доказательное аргументирование, оценочные суждения, вовлечение реципиента в дискуссию. При помощи метода лингвистического описания охарактеризована языковая форма дискурсивных единиц. На заключительном этапе была проведена интерпретация соотношения между формой, значением и ролью языковой единицы в рассматриваемом контексте дискурса.

Результаты. В *таблице* обозначены дискурсивные параметры коммуникации.

¹Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/> (дата обращения: 05.04.2025).

²Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 05.04.2025).

³Oxford Collocations Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/collocations/> (дата обращения: 05.04.2025).

Коммуникативные параметры речевых произведений англоязычного академического дискурса, конструируемых русскоязычными билингвами

Communicative parameters of oral academic texts in English produced by Russian-speaking bilinguals

Параметр	Открытая лекция	Доклад на конференции
Целевой язык	Английский	
Хронотоп	Время – примерно 60 мин, место – аудитории МГИМО, РУДН, Карлова и Монтанского университетов, Городского университета Нью-Йорка	Смешанный формат: время – 10 мин, место – аудитория РУДН
Цель	Популяризация научно-профессионального знания	Представление академическому сообществу нового научного знания
Продуценты	Русскоязычные билингвы – исследователи в сфере социально-гуманитарных наук	
Реципиенты	Студенты, профессиональные ученые	Методисты, экономисты и политологи, историки, литературоведы

На примере наиболее репрезентативных контекстов открытых лекций и докладов проиллюстрируем выявленные дискурсивные единицы в форме этнокультурных и окказиональных коллокаций, которые в речевых произведениях русскоязычных билингвов отражают особенности интерпретации научного знания на английском языке.

1. Открытая лекция преподавателя кафедры теории и практики иностранных языков РУДН об особенностях изучения бизнес-английского и эффективных методиках его освоения:

*...there's even a classification of international exams, Cambridge exams, devoted to business English. We'll talk about them in detail a little bit later, they are called the BEC exams, they're **very profitable**, they can be passed, they can be taken and ideally passed, in Moscow, in certain centers of the British Council;*

*For instance, it's very difficult for people from Japan and from the United States to work together, because they have completely different **world outlooks**. And in Japan, for example, status is supposed to come with age;*

They have three general styles when it comes to writing, that is, the informal style, or the colloquial style, then you have the neutral style that is in between, and then we have the formal style, or

*business style. These styles, they're very different, and, frankly speaking, the Brits, they get furious when people make mistakes in **style usage**...;*

*Now, a lot of companies, a lot of international corporations, they accept BEC certificates for **job employment**, for interviews, they do really accept them⁴.*

На этапе информирования лектор представляет оценку значимости международных экзаменов для студентов, используя релевантную, с его позиции, этнокультурную коллокацию *very profitable* в значении «очень полезный». Неузвальное словосочетание, образованное относительным прилагательным с экспрессивным значением *profitable* («приносящий доход») и наречием *very* (ср., например, с лексемами *useful, beneficial* – «полезный»), выражает субъективно осмысливаемую продуцентом оценку, которая представляет собой репродукцию идиоэтнической специфики, ориентированную на понимание целевой аудиторией культурных нюансов самопрезентации. Продуцент также применяет этнокультурные коллокации *world outlooks* в значении «мировоззрение» (ср. с *worldview*), *style usage* в значении «стилистическое использование» (ср. с *employing / using a style*), *job employment* – в значении «прием на работу» (ср. с *employment*). Очевидно, что

⁴Каверина Д.А. «Business is business», или Азы делового английского. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5kZP2OxjQeY> (дата обращения: 24.11.2023).

эти коллокации образованы неузualmente языковыми формами, однако являются транспарентными для интерпретации смыслов научно-профессиональных объектов в рамках отечественной академической традиции.

2. Открытая лекция профессора факультета математики Монтанского университета на тему системы образования в современной России:

*Then, another question immediately rises. These massive online offerings, courses. Huge number of for-profits but some non-profit, uh, universities as well, try to **jump this wagon** of online offerings. And you've heard the quote at the beginning, 'in ten years ten million students will be enrolled', and so forth⁵.*

Русскоязычный продуцент, решая коммуникативную задачу аргументирования важности онлайн-образования, использует окказиональную коллокацию в форме метафоры *jump this wagon* в значении «присоединиться к выгодной тенденции» (ср. с *jump on the bandwagon* – букв. «запрыгнуть в повозку»), субъективно делая акцент на лексемах *jump* и *wagon*;

*I mean, if you do not care what happens globally, why education is important. Not only because your life will become more fulfilling, more interesting, but because it may serve as **a social lift**...*⁶

Для интерпретации смысла концепта «образование» как способа социального роста в современной России продуцент использует этнокультурную коллокацию *a social lift* в значении «социальный лифт», отличающуюся от характерной для английского языка метафоры *social ladder* («социальная лестница») выбором неузualmente лексемы *lift* вместо *ladder*.

В данном контексте употребление этнокультурной коллокации для обоснования собственной позиции в доказательстве манифестирует продуцента как представителя российской академической культуры;

*...So usually, one has to take at least four, five, six such state exams, so they gather their grades, bring them to the university, and also, each **department** administers its own exams. One, two or three, depending on the **department**. Then all the scores are then summed up, and they decide depending on how many students applied, what is the cut-off value⁷.*

Представляя информацию о государственных экзаменах в России, лектор использует этнокультурный термин *department* в значении, свойственном понятию «факультет» в российской академической традиции, включающем как преподавателей, так и студентов, расширяя семантическое поле концепта.

3. Доклад студентов РУДН о влиянии психологических факторов на успешность изучения иностранных языков в условиях пандемии:

*The level of interrelation between intercultural communication and learning foreign languages is relatively high because solving **the urgent task** of teaching foreign languages as a means of communication between representatives of different people and cultures is that languages should be studied **in inseparable unity with the culture of countries and people speaking these languages**...*⁸

Продуцент, информируя об аспектах дистанционного обучения и потенциале цифровых технологий в условиях пандемии, использует словосочетания *the urgent task* и *in inseparable*

⁵Kalachev L. Russia on the Oval: "Educational System in Today's Russia". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AeA7AUNacOU> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶Ibid.

⁷Ibid.

⁸Serenko S.R., Stykhina Y.D., Semenenko Y.S. The Role of Psychological Aspect of Intercultural Communication in the Process of Learning Foreign Languages During the Pandemic // 8th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russia. URL: https://youtu.be/EHb14M62e2w?list=PL4sn_dO9dRR0fJUhPhlYepD3ykrRqUzhqZ&t=3834 (дата обращения: 08.05.2024).

unity with как кальки значений словосочетаний «актуальная задача» и «в неразрывной связи с», что отражает этнокультурную специфику языковой интерпретации научно-профессионального знания в отечественном академическом дискурсе с акцентом на связь целевого языка и культурной идентичности билингва.

4. Доклад студента РУДН на тему основных особенностей андрагогики как раздела педагогики и уровня научного освещения проблем в этой области в России и западном мире:

*...the training of **relevant professionals** in this particular sphere. Talking about adult education, so andragogy and <adult education> is pretty much the same but it really differs a bit and– but this is whole another topic⁹.*

Представляя фоновую информацию об андрагогике, русскоязычный билингв применяет этнокультурную коллокацию *relevant professionals* как кальку словосочетания «востребованные профессионалы» (ср., например, с узуальной коллокацией *in-demand / employable professionals*), используя прилагательное *relevant* в значении «востребованный» (ср. с *relevant* – «соответствующий»). Образованная коллокация позволяет продуценту выразить личностную оценку значимости образования взрослых.

5. Открытая лекция российского политолога об актуальных изменениях в российской энергетической политике:

*...Oil and politics are intertwined, oil and gas also is intertwined, you cannot separate them... Like I insist that we are still not fully democratical, you know... It's historical process. It's historical, democracy took 180 years in Great Britain after the Great Revolution, **great <bourgeois>***

revolution... It's speeding up, history is speeding up its process, but still, you need time, you need time¹⁰.

Иллюстрируя доказательства связи энергетики и политики, продуцент употребляет словосочетание *great bourgeois revolution* в значении «великая буржуазная революция». Неузualmente с точки зрения англоязычной академической традиции применение русскоязычным продуцентом этнокультурной коллокации представлено в форме кальки понятия из советской историографии. Использование билингвальным продуцентом такой вариативной культурно специфической формы интерпретации исторического знания позволяет определить ее как релевантную для русскоязычного билингва новую языковую форму развития дискурса;

*Of course, our big business in Russia, especially like many other businesses, we're crying that we suffer from crisis, but when you take **information newspapers** about their profits, they're, they not disappeared. Profits last year and today– this year, are very good... 29 billion dollar was allocated for Latin America, predominately for Brazil, because now there is a kind of Klondike-type rush of all businesses engaged in oil and gas to Brazil. Even China donated 10 billion dollars invested in **petrogas** activity¹¹.*

Этнокультурная коллокация *information newspapers* является калькой понятия «информационное издание». Эта неузуальная форма вариативна по отношению к узуальным терминам, например *broadsheet, news journal*. Кроме того, в контексте дискурса продуцент, аргументируя развитие нефтегазовой отрасли, использует окказионализм *petrogas* в значении «нефтегазовый» (*oil and gas*). Билингв конструирует новую языковую форму на основе словосложения и

⁹Resser D. Andragogy, the Essential Path of the Pedagogy to Serve the International Sociocultural Growth // 9th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russia. URL: <https://youtu.be/2lxfQ2rGBwg?list=PL4sndO9dRR0cg3FNDc4lL5YiuqKKFQWcR&t=8750> (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁰Н.А. Симония о российской энергетической политике: in English. 21 мая 2010 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OvtkuVugLb8> (дата обращения: 11.03.2024).

¹¹Там же.

синонимии *oil* и *petrol* как компонент наименования компании *British Petroleum*, что позволяет оптимизировать языковую форму интерпретации профессионального концепта.

6. Открытая лекция российского востоковеда (корееведа) об истории и идентичности советских/русскоязычных корейцев (корё-сарам):

*...who we sometimes as researchers refer to as Russophone Koreans. The reason for using exactly this label is that, for the majority of them, Russian is their first language, and then, it's very hard to pin it up to a particular territory, or **nationality**, because among Russophone Koreans <people have> Kazakh, Uzbek, Russian, Ukrainian, American, say, German passports... by the number of 'Heroes of Socialist Labor', their [Korean] national group was victorious in **the Soviet 'table of ranks'***¹².

Решая коммуникативную задачу информирования об истории корё-сарам, продуцент использует термин *nationality* в значении «этническая принадлежность» (ср. с *ethnicity*), что соответствует русскоязычной академической традиции. Узуальное значение *nationality* – «гражданская принадлежность». Семантика применяемой русскоязычным продуцентом языковой формы отличается от трактовки, узуальной для западной традиции, что позволяет констатировать факт влияния культурной идентичности продуцента на смысл транслируемого концепта. В этом контексте лектор употребляет окказиональную коллокацию *table of ranks* в значении «табель о рангах», не имеющую эквивалента в английском языке, а являющуюся авторским конструктом, калькирующим форму культурно-специфического понятия, с помощью которого продуцент создает образное представление о неформаль-

ной социально-экономической иерархии национальных групп в СССР.

7. Открытая лекция российского филолога о ключевых фигурах и художественных особенностях русского формализма:

*...Andrei Bely himself has written that symbolism has—was competed by two wings, right-wing acmeism and left-wing futurism. And there's something common between symbolic—there's— you know such term, 'жизнетворчество'... '**art-life**', yes, you see, because it's a mixture, you see, of life and art*¹³.

Русскоязычный продуцент передает субъективный смысл концепта «символизм» в искусстве, создает новую окказиональную словоформу *art-life* в значении «жизнетворчество», которая представляет вариативную семантику содержания передаваемого концепта и обосновывается с точки зрения отечественного литературоведения.

8. Доклад студента РУДН о влиянии лексической интерференции на речь русскоязычных студентов:

*Here you can see **the object and the subject**. The aim of the research is to examine the term of 'language and lexical interference' and to give some recommendations on how to overcome the problems that occur during the English language study... The appearance of errors in speech may be caused by the interference of the native language, which correlates with the stage of **uncoordinated bilingualism**. That is, such a state of the speaker linguistic competence when two codes or two systems of norms, the native language and the foreign language, are not completely differentiated... The **lexical interference** is more popular in exercise that are devoted to translation*¹⁴.

¹²The History of Eurasia's Russophone Koreans in the Global Perspective, Vladimir Tikhonov, Prague, Charles University. 2023. May 5. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZuA4kocyLS8> (дата обращения: 11.03.2024).

¹³Russian Formalism: Theory vs. Art, Vladimir Novikov (Lomonosov Moscow State University), March 22, 2013 in the Department of Comparative Literature at the Graduate Center of the City University of New York. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1iJuldTRJEc> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁴Orekhova J.O., Fefelova K.V. The Impact of Lexical Interference on the Process of Studying the English Language // 10th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russia. URL: https://youtu.be/wQzPt6wyOBM?list=PL4sndO9dRR0e82_tPdXj66QU9tJNzEjmt&t=6090 (дата обращения: 08.05.2024).

Используются лексемы-кальки *the object* («объект») и *the subject* («субъект»), *uncoordinated bilingualism* («некоординативный билингвизм») и *lexical interference* («лексическая интерференция»), позволяющие русскоязычному продуценту интерпретировать смысл научно-профессионального концепта «лексическая интерференция».

9. Доклад студента РУДН на тему машинного перевода медицинских текстов:

*The peculiarities of the medical discourse include: specificity of the goal, to help, to cure, to inform, leading to a variety of syntactic constructions, forms of subjunctive mood, 'if' or 'when' constructions, 'it is... that', use of constructions with modal verbs, and so on...*¹⁵

В контексте применяется этнокультурная коллокация *the peculiarities of discourse* в значении «особенности дискурса», в которой в качестве основного слова использована лексема с обобщенным эпистемическим значением *peculiarities*, характерная для отечественного академического дискурса как «перенос норм русского научного стиля в англоязычный академический дискурс» [14, с. 2].

10. Открытая лекция российского филолога об особенностях бизнес-коммуникации на английском языке:

...very much will depend on your – on the future of this business. If you're buying, for example, if it is not a bakery, but if it is, for example, a plot of land, somewhere – somewhere in the outskirts of Moscow, and on this plot of land, there's a big building of the former, uh, 'recreation center', 'дом культуры'. It doesn't work already. And the person who's selling to you this piece of land, he's

*saying, 'Well, look, I'm selling to you a piece of land, and there's a huge building there, are you going to sell the building as well?'*¹⁶

В контексте академического дискурса русскоязычный билингв, аргументируя важность умения точно формулировать мысли в процессе делового общения, использует узуальное словосочетание *recreation center* («центр отдыха», «развлекательный центр») в культурно-специфическом для русскоязычного продуцента значении «дом культуры». Применяемая коллокация с позиции продуцента рассматривается как релевантная и не нарушающая коммуникацию. В узуальную языковую форму коллокации вносится новое смысловое содержание.

11. Доклад студента РУДН о проблеме перевода текстов медиапространства в условиях глобализации:

*On the one hand, the appearance of such new words expands the vocabulary of native speakers of the Russian language. On the other hand, the use of **unjustified borrowings**, with these unjustified use, the Russian language loses its authenticity... Here, in the translating language, there are equivalent phraseological units, and the meaning and **stylistic coloring** of them are similar to the meaning and coloring of their translated phraseological expressions, while their internal form completely matches in terms of imagery*¹⁷.

Продуцент, решая коммуникативную задачу – выразить личностную оценку проблемы опасности вхождения заимствований в русский язык, вводит в речь коллокации – кальки *unjustified borrowings* в значении «неоправ-

¹⁵Pak N.S. Semi-Complex Sentences with Ing-Forms in Medical Discourse: Challenges for Neural Machine Translation // 7th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russia. URL: https://youtu.be/dZ_rCGPSYCo?list=PL4sndO9dRR0ffyEFsHutMwj80lu5t3IOK&t=345 (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁶Konurbaev M. "Do You Speak Business?" A Course of Lectures at Moscow University, 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=egvgAhJxMtA> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁷Andreeva E.Yu. Problems of Text Interpretation in the Era of Globalization: The Socio-Cultural Aspect // 7th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russia. URL: https://youtu.be/dZ_rCGPSYCo?list=PL4sndO9dRR0ffyEFsHutMwj80lu5t3IOK&t=4191 (дата обращения: 08.05.2024).

данные заимствования» и *stylistic coloring* в значении «стилистическая окраска». Будучи неузуальными в английском языке, эти коллокации устойчиво применяются в национальной академической традиции русскоязычного билингва.

Заключение. Проведенный анализ речевой деятельности русскоязычных продуцентов на английском языке, направленной на реализацию коммуникативных задач академического дискурса в жанрах открытой лекции и доклада на международной научной конференции, позволил выявить языковые особенности, свидетельствующие о влиянии русскоязычной академической традиции и кросс-культурной интерференции со стороны родного языка на конструирование вербальных форм научно-профессиональных концептов. В материале исследования особый акцент сделан на роли в коммуникативном контексте указанного дискурса этнокультурных (*world outlooks, a social lift, great bourgeois revolution, the peculiarities of discourse* и др.) иokkaзиональных (*petrogas, art-life, table of ranks* и др.) коллокаций, которые с очевидностью отражают идиоэтнический стиль трансляции научного знания русскоязычным билингом.

Применение неузуальных языковых форм в изученных контекстах речевых произведений русскоязычных билингов отражает сложный процесс адаптации билингвальным продуцентом объективируемых смыслов научного знания в условиях смешения языковых кодов и иного восприятия действительности. Можно утверждать, что академический дискурс является сложным, культурно обусловленным динамическим конструктом, в котором включение адаптированных дискурсивных средств в речь билингвального продуцента расширяет семантику транслируемых научно-профессиональных объектов и способствует развитию дискурса через взаимосвязь языков на функциональном уровне.

В условиях глобального обмена научной информацией выводы настоящей работы могут стать значимыми для прикладного аспекта дискурсивного направления филологической науки в части углубления понимания особенностей трансляции научно-профессионального знания в билингвальном контексте. Ограничение выбора в качестве материала исследования речевых произведений русскоязычных билингов на английском языке определяет перспективу количественного и сравнительного анализа других языковых пар и дискурсивных практик.

Список литературы

1. Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В. Академический дискурс: институциональность, стиль, жанры. М.: Ленанд, 2019. 200 с.
2. Науменко Ю.Н., Стеблецова А.О. Вербализация научной категории *актуальность* в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах // Филология и культура. 2021. № 1(63). С. 84–93.
3. Хурыз И.П. Фактор адресата в письменном академическом дискурсе // Коммуникатив. исслед. 2023. Т. 10, № 1. С. 146–162. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(1\).146-162](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162)
4. Зубкова О.С. Аксиологический аспект кодификации образных систем метафорических значений в дискурсе сказки // Теория яз. и межкультур. коммуникация. 2021. № 1(40). С. 95–101.
5. Saulan D. Au-delà du bilinguisme: Le désarroi linguistique ou comment voyager avec un saumon // Stud. Rom. Angl. Zagreb. 2020. Vol. 65. P. 119–124. <https://doi.org/10.17234/SRAZ.65.13>
6. Kalamala P., Senderecka M., Wodniecka Z. On the Multidimensionality of Bilingualism and the Unique Role of Language Use // Biling. Lang. Cogn. 2022. Vol. 25, № 3. P. 471–483. <https://doi.org/10.1017/S1366728921001073>
7. Grosjean F. Bicultural Bilinguals // Int. J. Biling. 2015. Vol. 19, № 5. P. 572–586. <https://doi.org/10.1177/1367006914526297>
8. Вережагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с.

9. Влавацкая М.В. Комбинаторно-семантический анализ коллокаций как метод лингвистического исследования (на примере колоративных коллокаций, образованных по адъективному типу) // Науч. диалог. 2020. № 4. С. 40–57. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-40-57>
10. Зубкова О.С., Фахрутдинова А.В. Реализация фактора прагматической мотивации в условиях учебного билингвизма // Теория яз. и межкультур. коммуникация. 2021. № 3(42). С. 60–67.
11. Zou H., Hyland K. A Tale of Two Genres: Engaging Audiences in Academic Blogs and Three Minute Thesis Presentations // Aust. J. Linguist. 2021. Vol. 41, № 2. P. 131–151. <https://doi.org/10.1080/07268602.2021.1918630>
12. Zareva A. Oral Academic Genres and Features of Student Academic Presentations // Research Questions in Language Education and Applied Linguistics: A Reference Guide / ed. by H. Mohebbi, C. Coombe. Cham: Springer, 2022. P. 487–492. https://doi.org/10.1007/978-3-030-79143-8_86
13. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г., Яременко В.И. Стратегии устного академического дискурса: выступление с докладом // Актуал. вопр. проф. образования. 2016. № 4(5). С. 37–42.
14. Стеблецова А.О., Науменко Ю.Н. Языковые маркеры русского научного стиля в англоязычных исследовательских статьях // Russ. Linguist. Bull. 2023. № 12(48). С. 1–6. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.4>

References

1. Burmakina N.G., Kulikova L.V. *Akademicheskij diskurs: institutsional'nost', stil', zhanry* [Academic Discourse: Institutionality, Style, Genres]. Moscow, 2019. 200 p.
2. Naumenko Yu.N., Stebletsova A.O. Verbalizatsiya nauchnoy kategorii aktual'nost' v angloyazychnom i russkoyazychnom akademicheskikh diskursakh [Verbal Representations of “Relevance” as a Scientific Category in English and Russian Academic Discourse]. *Filologiya i kul'tura*, 2021, no. 1, pp. 84–93.
3. Khoutyz I.P. Addressee Factor in Written Academic Discourse. *Commun. Stud.*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 146–162 (in Russ.). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(1\).146-162](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162)
4. Zubkova O.S. Aksiologicheskij aspekt kodifikatsii obraznykh sistem metaforicheskikh znacheniy v diskurse skazki [Axiological Aspect of Codification of Figurative Systems of Metaphorical Meanings in the Discourse of a Fairy Tale]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2021, no. 1, pp. 95–101.
5. Saulan D. Au-delà du bilinguisme: Le désarroi linguistique ou comment voyager avec un saumon. *Stud. Rom. Angl. Zagrab.*, 2020, vol. 65, pp. 119–124. <https://doi.org/10.17234/SRAZ.65.13>
6. Kałamała P., Senderecka M., Wodniecka Z. On the Multidimensionality of Bilingualism and the Unique Role of Language Use. *Biling. Lang. Cogn.*, 2022, vol. 25, no. 3, pp. 471–483. <https://doi.org/10.1017/S1366728921001073>
7. Grosjean F. Bicultural Bilinguals. *Int. J. Biling.*, 2015, vol. 19, no. 5, pp. 572–586. <https://doi.org/10.1177/1367006914526297>
8. Vereshchagin E.M. *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism]. Moscow, 2014. 162 p.
9. Vlavatskaya M.V. Kombinatorno-semanticheskij analiz kollokatsiy kak metod lingvisticheskogo issledovaniya (na primere kolorativnykh kollokatsiy, obrazovannykh po ad'ektivnomu tipu) [Combinatorial-Semantic Analysis of Collocations as a Method of Linguistic Research (on the Example of Colour Collocations Formed by an Adjective Type)]. *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 4, pp. 40–57. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-40-57>
10. Zubkova O.S., Fakhrutdinova A.V. Realizatsiya faktora pragmaticheskoy motivatsii v usloviyakh uchebnogo bilingvizma [Implementation of the Factor of Pragmatic Motivation in the Context of Educational Bilingualism]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2021, no. 3, pp. 60–67.
11. Zou H., Hyland K. A Tale of Two Genres: Engaging Audiences in Academic Blogs and Three Minute Thesis Presentations. *Aust. J. Linguist.*, 2021, vol. 41, no. 2, pp. 131–151. <https://doi.org/10.1080/07268602.2021.1918630>
12. Zareva A. Oral Academic Genres and Features of Student Academic Presentations. Mohebbi H., Coombe C. (eds.). *Research Questions in Language Education and Applied Linguistics: A Reference Guide*. Cham, 2022, pp. 487–492. https://doi.org/10.1007/978-3-030-79143-8_86

13. Suleymanova O.A., Lukoshus O.G., Yaremenko V.I. Strategii ustnogo akademicheskogo diskursa: vystuplenie s докладом [Academic Discourse Strategies: Public Speaking]. *Aktual'nye voprosy professional'nogo obrazovaniya*, 2016, no. 4, pp. 37–42.

14. Stebletsova A.O., Naumenko Yu.N. Yazykovye markery russkogo nauchnogo stilya v angloyazychnykh issledovatel'skikh stat'yakh [Linguistic Markers of Russian Scientific Style in English-Language Research Articles]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2023, no. 12, pp. 1–6. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.4>

Информация об авторах

О.С. Зубкова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета (адрес: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33).

И.Г. Никитичев – аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета (адрес: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33).

Information about the authors

Olga S. Zubkova – Dr. Sci. (Philol.), Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University (address: ul. Radishcheva 33, Kursk, 305000, Russia).

Ilya G. Nikitichev – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University (address: ul. Radishcheva 33, Kursk, 305000, Russia).

Поступила в редакцию 13.05.2025

Одобрена после рецензирования 22.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

Submitted 13 May 2025

Approved after reviewing 22 August 2025

Accepted for publication 18 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 76–86.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 76–86.

Научная статья
УДК [811.512.111+811.161.1]:[398.61+373.23]
DOI: 10.37482/2687-1505-V477

Антропонимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры

Ольга Альбертовна Димитриева^{1✉}

Татьяна Витальевна Денисова²

^{1,2} Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Россия

¹e-mail: olgaal_79@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

²e-mail: tatyana.doccka@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>

Аннотация. Загадка является своеобразной моделью мира и способом репрезентации ментальности народа. Определение роли антропонимов в структуре загадки связано с их влиянием на интерпретацию предметов окружающей действительности: если в пословице имя собственное – это социальный типаж, то в загадке при использовании онима, например соматизма, загадываемый объект, находящийся в зоне «чужого», переходит из зоны неосвоенного в «свое», близкое человеку, становится познаваемым. Цель настоящей работы – выявление особенностей функционирования антропонимов в загадках русского и чувашского языков. Предметом исследования выступают загадки, построенные по модели «антропоним = соматизм». В статье применяются такие методы, как метод сплошной выборки (для работы со сборниками загадок русского и чувашского языков), сопоставительный (для определения типологических сходств и различий в использовании имен в фольклоре рассматриваемых народов) и лингвокультурологический (для анализа полученных данных языка культуры). Новизна исследования заключается в изучении антропонимов как кодификаторов культурной информации в национальной загадке. Авторы отмечают, что части человеческого тела в загадках имеют амбивалентную сущность: интерпретируются как неживой и как одушевленный (человек или животное) предмет. Подчеркиваются восприятие человека как целого и осмысление частей тела в терминах родства. Показано, что в большинстве чувашских загадок с антропонимом («Алихман», «Алистар», «Алтакким» и др.) образно трактуются руки («алă»), подключаются числовой код, маркирующий количественный аспект, и языковая игра, когда начальные буквы настоящих и вымышленных чувашских имен совпадают с отгадкой. Основная часть русскоязычных примеров связана с осмыслением языка как органа. Авторы приходят к выводу, что в модели «антропоним = соматизм» человек рассматривается как единое целое с акцентом на функции части его тела и его социальной роли.

Ключевые слова: лингвокультура, национальная загадка, русская загадка, чувашская загадка, загадка о частях тела, культурный код, соматизм, антропоним

Для цитирования: Димитриева, О. А. Антропонимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры / О. А. Димитриева, Т. В. Денисова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 76–86. – DOI 10.37482/2687-1505-V477.

Original article

Anthroponyms in Chuvash and Russian Riddles About Body Parts: Cultural Codes

Olga A. Dimitrieva^{1✉}

Tatyana V. Denisova²

^{1,2}Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

¹e-mail: olgaal_79@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

²e-mail: tatyana.doccka@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>

Abstract. The riddle is a kind of a world model and a way of representing the mentality of a people. Identifying the role of anthroponyms in the structure of a riddle is important for the interpretation of objects of the surrounding reality. Thus, while in a proverb an anthroponym is a social type, in a riddle with a proper name denoting a somatism, the described object that is located in the zone of the “alien” moves into the area of the familiar and becomes knowable. This article aimed to study anthroponyms in Russian and Chuvash riddles. The focus was on riddles constructed according to the anthroponym = somatism model. The main methods included continuous sampling (from collections of Russian and Chuvash riddles) as well as comparative (to determine typological similarities and differences in the use of names in Russian and Chuvash folklore) and linguocultural (to analyse the data of the “language of culture” obtained) methods. The novelty of the research lies in studying anthroponyms as codifiers of cultural information in a national riddle. The authors note that parts of the human body in riddles are ambivalent: they can be presented as an inanimate or as an animate (human or animal) object. It is emphasized that a person is perceived as a single entity, and body parts are conceptualized through terms of kinship. Most Chuvash riddles with an anthroponym (“Alikhman”, “Alistar”, “Altakkim”, etc.) present a figurative interpretation of hands (*ala*), which includes a number to indicate the quantity and a language game (the initial letters of real and fictional Chuvash names coincide with the answer). The majority of Russian examples focus on the tongue as an organ. It is concluded that in the anthroponym = somatism model, a human is viewed as a single entity, emphasis being placed on the function of a body part and on the person’s social role.

Keywords: *linguoculture, national riddle, Russian riddle, Chuvash riddle, riddle about body parts, cultural code, somatism, anthroponym*

For citation: Dimitrieva O.A., Denisova T.V. Anthroponyms in Chuvash and Russian Riddles About Body Parts: Cultural Codes. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 76–86. DOI: 10.37482/2687-1505-V477

Антропонимы являются важной составляющей культуры народа, в них отражаются исторические события и связи, верования и обря-

довость, традиции и менталитет. В чувашском языкознании большинство работ, посвященных антропонимам, связаны с изучением их про-

исхождения и семантики внутренней формы. В целом такие исследования делятся на две группы: 1) лексикографирование нехристианских, или языческих, чувашских имен, преимущественно мужских, определение их перечня, в некоторых словарях – выявление происхождения (см. словари В.К. Магницкого¹, Н.И. Ашмарина², М.Р. Федотова³, А.М. Ивановой, Э.В. Фомина⁴); 2) характеристика непосредственно процесса имяназвания, установление параллелей с другими, «соседними» языками и выявление генетической стратификации (см. работы А.Л. Филиппова⁵, Э.В. Фомина, А.М. Ивановой [1, 2], Е.Г. Таратиной, А.И. Авдеевой [3] и др.).

Актуальность исследования функционирования антропонимов в загадках связана с необходимостью установления их роли в моделировании картины мира и менталитета чувашского народа, описания их как знаков «языка культуры» (по В.Н. Телия). По мнению Т.В. Цивьян, загадки подобны «толковому словарю», в котором текст – «словарная статья», ответ – «словник», а их анализ позволяет установить «достаточно полную картину мира в его составных частях», «модель мира» [4, с. 65]. В энигматических текстах отражается вещный мир, поэтому, как отмечает М.Л. Ковшова, «с помощью онима маркируется обобщенный денотат как представитель класса предметов» [5, с. 7]. Одновременно загадка, как и пословица, есть проявление частного наряду с общим [6, с. 76], что становится возможным и за счет введения антропонима.

Чувашские загадки традиционно рассматриваются главным образом в рамках фольклора, отмечается их основная тематика (пере-

чень указывается согласно их частотности): 1) хлебопашество, сельскохозяйственные культуры и домашние животные; 2) дом; 3) дикие животные, рыба, насекомые; 4) окружающая природа; 5) предметы домашнего обихода; 6) средства передвижения и сбруя; 7) рынок и торговля; 8) музыкальные инструменты и др. (см. [7, с. 143]). Литературовед В.Г. Родионов изучает загадки в рамках чувашского стихосложения и отмечает, что им присуща стихотворная форма, хотя изредка встречается и прозаическая: «...в древние эпохи и периоды была только одна форма загадок – стихотворная. На это указывает тесная зависимость структуры текста (наличие или отсутствие компонентов стихотворной речи) от его объема» [8, с. 33]. Довольно небольшое количество работ посвящено изучению «строительного материала» загадок. Так, Е.Е. Калинина исследует семантические особенности цветообозначений [9], О.С. Степанова – числовой компонент в сопоставлении с английским языком [10].

В данной статье мы продолжаем изучение функций антропонимов в загадках: ранее рассматривалась модель «антропоним + соматизм» в энигматической части [11]. Настоящая работа посвящена анализу метафорического/метонимического осмысления частей тела человека в загадках (ответах на них) при участии антропонимов.

Исследование функционирования антропонимов в загадках имеет теоретическую значимость, т. к. вносит определенный вклад в лингвокультурологию и когнитивную лингвистику, ввиду того что фокусирует внимание на фрагменте национальной модели мира, при

¹Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1905. 101 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/735616> (дата обращения: 07.03.2025).

²Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000.

³Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 148 с.

⁴Иванова А.М., Фомин Э.В. Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 408 с.

⁵Филиппов А.Л. Национально-культурный компонент имен лиц (имен собственных) // Сергеев В.И., Исаев Ю.Н., Филиппов А.Л. Лингвокультурология и национально-культурная семантика: учеб. пособие / отв. ред. Г.И. Федоров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. С. 163–165.

этом выявляется специфика концептуализации и образной категоризации окружающего человека пространства посредством антропонимов. Практическая значимость данной работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы при разработке и чтении курсов, посвященных лексикологии, лингвофольклористике, сопоставительному языкознанию, также полученные сведения имеют выход в лексикографию – составление лингвокультурологических словарей.

Теоретические обзоры о современных направлениях и аспектах исследования загадок (так называемой энигматике) представлены в работах Т.Г. Бочиной [12], М.Л. Ковшовой [13], О.С. Орловой [14], Н.И. Файзуллиной [15] и др.

Т.М. Николаева пишет о трехмерности славянской загадки, сочетаемости трех элементов, таких как феномен природы, одушевленное существо, артефакт или продукт цивилизации, при этом если природное явление попадает в энигматический текст, то ответом на загадку может выступить либо одушевленное существо, либо предмет; если одушевленное существо, то энигматом становится или феномен природы, или артефакт и т. д. [16, с. 397]. В загадке создается мир, как отмечает М.О. Абдрашитова, «отличающийся возможностью соединения несоединимого»: «...загадка учит ориентироваться в пространстве противоречивых сущностей, видеть за нетипичностью представления характерные стороны реалий» [17, с. 9].

Загадки как знаки, по справедливому замечанию М.Л. Ковшовой, «в процессе восприятия “считываются” одновременно двумя разными кодами – кодом языка и кодом культуры» [13, с. 5]. Изучение кодов культуры становится по-

пулярным направлением как в культурологии, философии, литературоведении, так и в современном языкознании, в частности лингвокультурологии. Исследователи подчеркивают сосуществование нескольких терминов: «код культуры», «код лингвокультуры», «культурный код», «лингвокультурный код»⁶ (см. также [18]). Рассматриваемый нами аспект загадок изучается в рамках антропонимического кода культуры, в котором имя собственное (оним) осмысливается сквозь национально-культурную призму, т. е. освещается его культурная референция, детерминированность культурой (см. подробнее в [13]).

В русских загадках, посвященных теме «Человек», содержатся разные способы образной репрезентации человека и частей его тела, таких как *волосы, глаза, нос (ноздри, выделения из носа), брови, ресницы, ухо, рот, уста, скулы, зубы, язык, руки, ноги, голова, брюхо, кишки, пупок, сердце, грудь матери*⁷. Источниками метафорической номинации становятся единицы природно-ландшафтного кода – *лес, березняк, болото* (например, при описании языка: *Лежит колода среди болота, не гниет и не сохнет*⁸); зооморфного – например, о зубах: *беленькие курочки, поросята, овцы, белые голубки* и др. (*Беленькие поросята из-под печки смотрят*⁹); антропного – в частности, в загадках о пальцах используются термины родства: *братья, мать, сыновья* и т. д. (*Живут пять братьев, у всех одинаковое имя*¹⁰); природно-метеорологического – так, глаза уподобляются *небесным светилам* в загадке о носе (*Между двух светил я один*)¹¹; артефактного (предметы быта – *вожжи*: *Коротеньки вожжи, а далеко хватают* (глаза)¹² и т. д.

⁶Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 180 с.

⁷Рыбникова М.А. Загадки. М; Л.: Academia, 1932. С. 285–294; Загадки / сост. В.В. Митрофанова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 52–60.

⁸Рыбникова М.А. Загадки. С. 293.

⁹Там же. С. 288.

¹⁰Там же. С. 289.

¹¹Там же. С. 289.

¹²Там же. С. 287.

В чувашском языке кодируются такие части тела, как *алă* / рука, *вар-хырăм* / желудок, *ёнсе* / затылок, *кавапа* / пупок, *куç* / глаз, *май* / шея, *миме* / мозг, *пуç* / голова, *пурне* / палец, *пыршă* / кишка, *сăмса* / нос, *самка* / лоб, *сăвар* / рот, *сивет* / коса, *сăç* / волосы, *тута* / губы, *ура* / нога, *ура кели* / пятка, *хăлха* / ухо, *хырăм* / живот, *челхе* / язык, *чере* / сердце, *чечĕ* / сосок, *шăл* / зуб, *янах* / подбородок, в образном описании которых участвуют единицы природно-ландшафтного кода – *вăрман* / лес, *вĕтлĕх* / мелколесье, *пахча* / огород в загадках о рте: *Ват асаттен вăрманĕнче пите тарăн нăхрен пур* (2, с. 10)¹³ / досл. «В лесу прадедушки со стороны отца очень глубокий погреб»; *Вĕтлĕх варринче тĕпсĕр шăтăк пур* (2, с. 10) / досл. «В середине мелколесья бездонная яма»; зооморфного – *шап-шурă чăх* / белые-белые курицы, *сурăх* / овцы, *шăмă лаша* / костлявая лошадь, *хёрлĕ автан* / красный петух – о зубах и языке: *Хуп-хуп, хуп вите, хуп витере шăмă лаша* (2, с. 123) / досл. «Закрытый-презакрытый хлев, в закрытом хлеву костлявая лошадь»; *Карта тулли шурă чăх, вăта сĕрте хёрлĕ автан* (2, с. 122) / досл. «Загон полон белыми курицами, а в середине красный петух»; природно-метеорологического – *сил* / ветер, *сăлтăр* / звезда – о глазах: *Хап-хап, майш-майш, икĕ сұтă сăлтăр, икĕ хура хăнтăр* (2, с. 11) / досл. «Две яркие звезды, два черных бобра»; антропного – термины родства *амăш* / мать, *ача* / ребенок в загадках о пальцах: *Амăшĕ пĕр, ачи пиллĕк, тăват аман сирĕм ача* (1, с. 32) / досл. «Мать одна, детей пятеро, у четырех женщин двадцать детей»; артефактного – *сеник* / вилы, *юпа* / столб – о руках: *Пĕр юпа сұмĕнче икĕ сеник* (1, с. 32) / досл. «Около одного столба двоевил» и др. При сравнении двух языков мы видим как схожие способы концептуализации частей тела человека, так и различные. Важным также яв-

ляется то, что кодируемый денотат (часть тела) осмысливается двояко: в некоторых загадках одушевляется, в других, напротив, опредмечивается.

Выше уже отмечалось, что типовая ситуация, отражаемая в паремийном фонде, представляется и генерализованными единицами, и индивидуальными, «наглядно-примерными». К последним относится включение в структуру загадки собственных имен. Методом сплошной выборки из сборника чувашских загадок «Тупмалли юмахсем = Загадки» всего было отобрано 362 загадки, основным компонентом которых служит антропоним, из них в 94 – в сочетании с соматизмом в тексте загадки (энигматоре), в 31 – часть тела является ответом на загадку (энигматом). Источником русских загадок послужил «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М.Л. Ковшовой¹⁴, из которого извлечены около 40 загадок, содержащих антропоним в текстовой части, а отгадкой является соматизм. Также привлекались ранее указанные сборники русских загадок В.В. Митрофановой, М.А. Рыбниковой. Кроме того, для сравнения и интерпретации полученных данных использовались сведения из чувашских и русских толковых, этимологических и фразеологических словарей.

В загадке части тела являются неотъемлемыми элементами целого, метонимически замещают самого человека, поэтому осмысливаются в терминах родства.

Рассмотрим модель РУКИ = ДВА ИВАНА, ЕВДОКИМА и т. п. В чувашских загадках руки уподобляются двум людям с одинаковыми именами, являющимися родственниками, «выходцами из одного корня»: *Аламсари ик Йăван авалтанпа пĕртăван (алăсем)* (1, с. 32) / досл. «Два Ивана с Аламсара издревле родные (руки)»; *Пĕр тĕпри ик*

¹³Здесь и далее в скобках указывается цифрой книга (1 – 2015 г.; 2 – 2016 г.) и страница по изданию: Тупмалли юмахсем = Загадки: в 2 кн. / Чăваш патшалăх гуманитарнă аслăлăхĕсен институчĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2015–2016.

¹⁴Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: Лександ, 2023. 352 с.

Алихман пёрне-пёри пăрахман (1, с. 32) / досл. «Из одного корня два Алихмана друг друга не бросали».

Типичное действие рук – *работать* – переносится и на героев загадки, причем добавляются главные, отличительные качества персонажей, такие как надежность (чув. *шанчăклă* – надежный), старательность (чув. *хастар* – трудолюбивый, усердный), способность не бояться любой работы (чув. *нимёнле ёсрен хăраман*) и быть вместе (чув. *пёрне-пёри пăрахман* – друг друга не бросать): *Икё Алтакким* пур ёсре те шанчăклă (1, с. 32) / досл. «Два Евдокима в любом деле надежные»; *Икё Алистар* пур ёсре те пит хастар (1, с. 32) / досл. «Два Алистара очень во всякой работе старательны»; *Пёр нек икё Алистар* пур ёсре те пит хастар (1, с. 32) / досл. «Два одинаковых Алистара во всякой работе очень старательны»; *Икё Арахман* нимёнле ёсрен хăраман (1, с. 27) / досл. «Два Арахмана никакой работы не боялись»; *Икё Арахман* нимле ёсрен хăраман (1, с. 32) / досл. «Два Арахмана никакой работы не боялись»; *Икё Арахман* пёрне-пёри пăрахман (1, с. 32) / досл. «Два Арахмана друг друга не оставляли».

Как видно из приведенных примеров, антропонимический код коррелирует с числовым. С одной стороны, можно заметить, что выбор антропонимов связан с рифмой загадки (*ик Йăван* – *пёртăван*; *ик Алихман* – *пăрахман*; *Алистар* – *хастар*; *Арахман* – *хăраман* / *пăрахман*), но с другой – из использованных имен только два (*Йăван*, *Алтакким*) зафиксированы в словаре; имена, начинающиеся на *ал-* (*Алихман*, *Алистар*, *Алтакким*), в т. ч. и «сочиненный» топоним *Аламсар*), так же как и чувашский соматизм *алă* (рука), одновременно являются подсказкой, приемом паронимической аттракции.

В модели РУКИ = ДВА ДОМА / ДВЕ СЕМЬИ имя собственное выступает как обладатель дома: это может быть семья (чув. *Алапитсем* – Алабиты) или один человек – владелец двух домов (чув. *Алике*). Стоит отметить, что в чувашском языке есть три сло-

ва, обозначающие дом: 1) *пурт* (здание, в т. ч. изба); 2) *сурт* (строение); 3) *кил* (дом как семейный очаг) (ср. англ. *house / home*), в чувашских загадках используется последняя номинация: *Алапитсем* икё килне пурăнассё (1, с. 32) / досл. «Алабиты живут в двух домах»; *Алтаккисен* икё семье (1, с. 32) / досл. «У Евдокима две семьи»; *Аликесен* икё кил (1, с. 32) / У Албике два дома (руки). В последней загадке появляется женский образ рук.

В модели РУКА И ПАЛЫЦЫ = СЕМЬЯ И ПЯТЬ ДЕТЕЙ/ПАРНЕЙ можно выделить две группы загадок: 1) называет количество детей, кодирующее количество пальцев; 2) подчеркивает гендерно маркируемое свойство, качество, присущее мужчине (в терминах родства – сыновей), например красивый (чув. *сарă*), трудолюбивый (чув. *ёсчен*), умелый, ловкий (чув. *маттур*). Добавим также, что большинство имен начинается на *ал-*, что отсылает к денотату *алă* / рука. Женское имя *Пинерти*, не фиксируемое в чувашских словарях антропонимов, по созвучию ассоциируется с чувашским словом *пёрне* (палец):

(1) *Алапит* килет, пилёк ачине ертсе килет (*алăна пёрнесем*) (1, с. 31) / досл. «Приходит Алабит, приводит пятерых детей (рука с пальцами)»; *Алапит* семейинче пилёк ача (1, с. 27) / досл. «В семье Алабита пятеро детей»; *Алтакки* семейинче пилёк ача пурăнать (1, с. 27) / досл. «В семье Евдокима пятеро детей»; *Алтакки* килчё, пилёк ачине ертсе килчё (1, с. 31) / досл. «Приходит Евдоким, приводит пятерых детей»; *Алике* килё, пилёк ачине ертсе килё (1, с. 31) / досл. «Албиге придет, пятерых детей приведет».

(2) *Алтаккайăн* пилёк яш, пиллёкёш те сарă яш (1, с. 31) / досл. «У Евдокима пять парней, все пять красивые»; *Алике* килёнче пилёк ёсчен (1, с. 27) / досл. «В доме Албиге пять работников»; *Пинертийён* пилёк яш, пиллёкёш те маттур яш (1, с. 31) / досл. «У Пинерби пять парней, все пять красивые».

Типичным образом женской косы (чув. *сивёт*) в чувашской картине мира является артефактное представление: человек (женщи-

на) уподобляется дому (чув. *пурт*) или, редко, амбару (чув. *ампар*), а коса – предмету на доме: разветвленному кнуту (чув. *юплё пушй*), ременной нагайке, плетке (чув. *чён пушй, саламат*) – или за домом, в частности вязанке хвороста (чув. *хярәк шанкй, вут тярәхё*): *Пурт айккинче чён пушй çаканса тярать* (2, с. 28) / «На стене избы висит ременный кнут»¹⁵; *Пурт хысёнче саламат çаканса тярать* (2, с. 28) / досл. «За домом висит нагайка»; *Пурт хысёнче хярәк шанкй çаканса тярать* (2, с. 28) / досл. «За домом вязанка хвороста висит». Возникает и зооморфный образ – образ гадюки, замещающий косу, на основе схожести внешнего вида: *Пурт айккинче хура сёлен çаканса тярать* (2, с. 28) / досл. «На доме гадюка висит». Интересной представляется чувашская загадка о женской косе с компонентом-антропонимом: наряду с маркированием времени суток (*день – вечер – полночь – рассвет*), осмысляемым одновременно как период жизни, меняется образ девушки, обладательницы косы, и соответственно ее имена: будучи маленькой девочкой, без косы – мальчик Миколка (чув. *Миколкки*); взрослея, превращается в долгожданную Масленицу (чув. *Саварни*); становясь девушкой с распущенными волосами, приобретает имя *Шорох*, созвучное с чув. *шярәх* (жара, зной); в последний период – зрелость – коса заплетена и кодируется как предмет – рукоятка сковородки (чув. *çатма аври*): *Тяр кәнтәрлә Миколкки, кәс пулттинне Саварни, сур сёрне Шорох хёр, тул сұтәлсан çатма аври* (2, с. 28) / досл. «Средь бела дня Миколка, под вечер Масленица, в полночь девушка Шорох, а на рассвете рукоятка сковородки».

Таким образом, в чувашской картине мира образ рук – это семья, состоящая из сыновей, работников, живущих в двух домах, которые отличаются надежностью, умелостью и трудо-

любием. Женский образ в загадках о косе связан с домом и его атрибутами (плетка, нагайка), а также с временным периодом и поэтапным изменением имени.

В русском языке загадки о руках и пальцах также интерпретируются в терминах родства: *У четырех матерей по пяти сыновей; У одной матери пять сыновей; У пяти братьев одна работа*¹⁶ и т. п. Антропонимы в этом случае подключаются не так часто, как в чувашском языке, – например, при назывании пальцев руки каждому, кроме большого, соответствует свое имя (ПАЛЕЦ = ИМЯ ЧЕЛОВЕКА): *Четыре брата идут навстречу старшему: «Здравствуй, большак!» – говорят. «Здорово, – отвечает он, – Васька-указка, Миша-середка, Гриша-сиротка да крошка Тимошка!»* (с. 67)¹⁷.

В следующей загадке реализуется модель РУКИ И НОГИ = ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ: *У тетушки Фелицы есть четыре сестрицы, из них две-то хвалятся: «Мы делать горазды!» А другие хвалятся: «Мы ходить горазды!»* (с. 118). Модель НОГИ = АНТИП И ИВАН прослеживается в следующем примере, причем из контекста остается неясным, кто Антип и Иван по отношению друг к другу – друзья или родственники: *Поспорил Антип с Иваном, кто из них самый главный. То один вперед, то наоборот. Пока идут – ссорятся, а помиряются – останавливаются* (с. 63).

Рассмотрим модель ЯЗЫК = АНДРЕЙКА, АНДРОН, ЕМЕЛЬЯН, МАРТЫН, САМСОН, ТЕЛЕПЕЖКИН, ХОЛЕЗОВ и др. Особое место в русской энигматике занимают загадки о языке: разнообразие имен и включение фамилий в его кодирование свидетельствует об особой роли – обладателем онима становится только язык, остальные задействованные органы (зубы) и предметы (ложки) номинируются по их основной функции: *Сечки секут, Деревяшки*

¹⁵Перевод приведен по: Чувашско-русский словарь / сост. И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с. URL: <https://ru.samah.chv.su/dict/1.html> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁶Загадки / сост. В.В. Митрофанова. С. 59.

¹⁷Русские загадки с антропонимами приводятся по указанному выше словарю М.Л. Ковшовой.

везут, **Андрейка**, поворачивайся (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 62); *Два брата молотят, а **Андрюшка** ворочат* (зубы и язык) (с. 62); *Костяшка сечет, деревяшка везет, **Андрюшка** поворачивает* (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 62); *Деревяшка везет, сечка сечет, **Емельян** на возу поворачивайся* (ложка, зубы, язык во время еды) (с. 75); *Деревяшка везет, сечка сечет, сам **Роман** поворачивает* (ложка, зубы, язык во время еды) (с. 109); *Сечка рубит, деревяга/деревяшка везет, сам **Самсон** поворачивает* (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 111) и др.

В «Словаре собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» только о Мартыне-языке приводится 19 загадок, главный персонаж которых «обрастает» дополнительными внешними и внутренними качествами и свойствами – *добрый, красный, мокрый* (М.Л. Ковшова называет сочетания прилагательного с антропонимом «прямым или образным идентификатором» [13, с. 284–285]): *Полон половей белых овец; костяшка сечет, деревяшка везет, **красный Мартын** подкладывает; Деревяшка везет, костяшка грызет, **мокрый Мартын** подкладывает* (ложка, зубы, язык во время еды); *Костяшка мнет, а **добрый Мартын** подкладывает* (еда) (с. 98). О популярности и распространенности этого типа загадки свидетельствует и ее чувашский вариант, почти дословно повторяющий русский: *Йывйç турт-тарать, шайма ватса ярать, йёне **Мартин** тирнейлесе ярать (сын апат сини)* (2, с. 45) / досл. «Дерево подвозит, кости разбивают, мокрый Мартын прибирает (человек за едой)».

Отдельного внимания заслуживают загадки с введенными в них «говорящими» фамилиями: *Сечка сечет, Деревяшка везет, **Телепежкин** сын заворачивает* (еда: зубы, ложка, язык) (с. 114); *Деревяшка возит, костяшка рубит,*

Холезов сын заворачивает (зубы, ложка, язык во время еды) (с. 122). Согласно «Словарю русских народных говоров», *Телепежкин* – «относящийся к телепеге, принадлежащий ему (ей)», *телепега* – «о толстом, неповоротливом, неуклюжем человеке»¹⁸; *Холезов* связан с глаголом *холзать* – «заметно сдвигаться, перемещаться из стороны в сторону»¹⁹. Встречается вариант с прозрачной внутренней формой фамилии *Тараторкин*: *Деревяшка везет, костяшка сечет, **Тараторкин** сын заворачивает*²⁰. В загадках о процессе приема пищи акцентируется внимание на назначении каждого элемента, его внешнем виде, движении и выполняемой им функции, причем антропоморфным становится именно язык, обретая имя собственное.

Помимо антропонимов в состав энигматического текста могут входить агнионимы (имена святых) – Илии-пророка и св. апостола Петра, которые, как отмечает О.В. Белова, в легендах противостоят друг другу: св. Петр – «защитник засеянных полей», «подметает небо, сушит тучи», св. Илья, напротив, «насылает на поля дождь и град»²¹: *На море Мурманском, на Онеге, на Ладожском помутилась вода с песком, поборолся **Илья с Петром** (язык)* (с. 82). О.Е. Фролова пишет об особенностях приведенной загадки: упоминание Илии связывается с небом (нёбом), святой Петр «непосредственно ассоциируется с языком как с закодированным объектом: язык двигается во рту и упирается в нёбо» [19, с. 87].

Редко онимы употребляются при изображении глаз: *Два **Егорки** живут возле горки, живут дружно, на друг друга не глядят* (с. 74).

Таким образом, в русскоязычных загадках о человеке и его теле чаще всего с помощью онимов обозначается язык, причем задействуется как прямая, так и образная идентификация, вовлекаются термины родства и агнионимы.

¹⁸Словарь русских народных говоров. Вып. 44 / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2011. С. 6.

¹⁹Словарь русских народных говоров. Вып. 51 / под ред. С.А. Мызникова. СПб.: Наука, 2019. С. 158.

²⁰Znaniya. URL: <https://znaniya.site/russkii-yazyk/3822180.html> (дата обращения: 07.03.2025).

²¹Белова О.В. Петр и Павел // Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 22–24.

Подведем некоторые итоги:

1. При загадывании загадок части человеческого тела интерпретируются двояко: как живое существо (животное либо человек) и как артефакт (предмет быта либо природный объект / явление).

2. В энигматическом тексте часть тела осмысливается как сам человек, его семья, дом, при этом акцентируется его родственная или социальная роль – друга, брата, сестры. Парность частей подчеркивается количеством и/или одинаковыми именами (*икĕ Алтакким; два Егорки*).

3. В мире чувашской загадки *руки* ассоциируются с семьей, функция онимов, с одной стороны, подсказать ответ (используется прием паронимической аттракции), с другой – сфокусировать внимание на единстве и невозможности существования одного без другого. Концептуализация рук в большей степени связана с мужским началом, т. к.

и в русской, и в чувашской картинах мира основным работником является мужчина.

4. В русском языке большое количество похожих загадок связано с соматизмом *язык*, в описание которого включаются антропонимы и агнионимы.

Если в модели загадки, построенной по формуле «антропоним + соматизм = объект», роль антропонима в большей степени вспомогательная, человек осмысливается как «обладатель» тела и в загадке фокусируется внимание лишь на какой-нибудь одной его части, оцениваемой, например, как пространственный индикатор, то в модели «антропоним = соматизм» человек осмысливается как единое целое, при этом высвечиваются функции отдельных его частей, рассматриваемых сквозь призму социума (семьи или социального статуса).

Список литературы

1. Фомин Э.В. Чувашские антропонимы марийского происхождения // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2019. № 5(105). С. 95–100. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.105.5.015>
2. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 140 с.
3. Таратина Е.Г., Авдеева А.И. Женские антропонимы в дореволюционной Чувашии // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2015. № 3(7). С. 59–61.
4. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам X / редкол.: Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман; ред. тома А. Мальц. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1978. С. 65–85. (Сер.: Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 463).
5. Ковшова М.Л. Теоретические и лексикографические аспекты исследования антропонимов в составе загадок, пословиц и идиом // Мир рус. слова. 2021. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-1-5-12>
6. Бочина Т.Г. С именем Иван, без имени – болван (о контрасте имен собственных в русской паремике) // Имиѣната и фразеологиѣтата: материалы конф. Скопје, 2018. С. 75–84.
7. Романов Н.Р. О чувашских загадках // Уч. зап. ЧНИИ. 1962. Вып. 21. С. 142–154.
8. Родионов В.Г. Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
9. Калинина Е.Е. Цветовая лексика в чувашских загадках // Russ. Linguist. Bull. 2021. № 4(28). С. 141–144.
10. Степанова О.С. Сопоставительный анализ английских и чувашских загадок с числительным «четыре» (лингвокультурологический аспект) // Юность Большой Волги: сб. ст. Чебоксары: ЦМИ, 2019. С. 190–191.
11. Денисова Т.В., Димитриева О.А. Антропонимы и соматизмы в русских и чувашских загадках: пересечение кодов культуры // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2025. Т. 18, № 6. С. 2570–2576. <https://doi.org/10.30853/phil20250360>
12. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исслед. Тувы. 2023. № 3. С. 6–20. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
13. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Изд. 2-е, испр. М.: Ленанд, 2024. 400 с.

14. Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип не прямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: Ленанд, 2022. 240 с.
15. Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2020. 339 с.
16. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 680 с.
17. Абдрашитова М.О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 182 с.
18. Димитриева О.А. Культурный код в научном и публицистическом измерениях // Науч. диалог. 2025. Т. 14, № 1. С. 9–30. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30>
19. Фролова О.Е. Живое и неживое в жанре загадки // Рус. речь. 2013. № 6. С. 82–89.

References

1. Fomin E.V. Chuvashskie antroponimy mariyskogo proiskhozhdeniya [Chuvash Anthroponyms of Mari Origin]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2019, no. 5, pp. 95–100. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.105.5.015>
2. Fomin E.V., Ivanova A.M. *Chuvashskiy antroponimikon XVIII veka: inaya kul'turnaya real'nost'* [Chuvash Anthroponyms of the 18th Century: A Different Cultural Reality]. Cheboksary, 2020. 140 p.
3. Taratina E.G., Avdeeva A.I. Zhenskies antroponimy v dorevolutsionnoy Chuvashii [Female Anthroponyms in Chuvashia Before the Revolution]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 3, pp. 59–61.
4. Tsiv'yan T.V. Dom v fol'klornoy modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [The Concept of Home in the Folklore World Model (as Reflected in the Riddles of the Balkan Peoples)]. Mal'ts A. (ed.). *Semiotika kul'tury: Trudy po znakovym sistemam X* [Semiotics of Culture: Sign Systems Studies X]. Tartu, 1978, pp. 65–85.
5. Kovshova M.L. Teoreticheskie i leksikograficheskie aspekty issledovaniya antroponimov v sostave zagadok, poslovits i idiom [Theoretical and Lexicographical Aspects of Anthroponyms' Studies in Riddles, Proverbs and Idioms]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 1, pp. 5–12. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-1-5-12>
6. Bochina T.G. S imenem Ivan, bez imeni – bolvan (o kontraste imen sobstvennykh v russkoy paremike) [With a Name – Ivan, Without a Name – a Blockhead (on Contrast of Proper Names in Russian Paroemias)]. *Names and Phraseology*. Skopje, 2018, pp. 75–84 (in Russ.).
7. Romanov N.R. O chuvashskikh zagadkakh [On Chuvash Riddles]. *Uchenye zapiski ChNII*, 1962, no. 21, pp. 142–154.
8. Rodionov V.G. *Chuvashskiy stikh: Problemy stanovleniya i razvitiya* [Chuvash Verse: Problems of Formation and Development]. Cheboksary, 1992. 224 p.
9. Kalinina E.E. Tsvetovaya leksika v chuvashskikh zagadkakh [Color Vocabulary in Chuvash Riddles]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2021, no. 4, pp. 141–144.
10. Stepanova O.S. Sopostavitel'nyy analiz angliyskikh i chuvashskikh zagadok s chislitel'ny'm "chetyre" (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [Comparative Analysis of English and Chuvash Riddles with the Numeral Four (Linguocultural Aspect)]. *Yunost' Bol'shoy Volgi* [The Youth of the Great Volga]. Cheboksary, 2019, pp. 190–191.
11. Denisova T.V., Dimitrieva O.A. Anthroponyms and Somatisms in Russian and Chuvash Riddles: Intersections of Cultural Codes. *Philol. Theory Pract.*, 2025, vol. 18, no. 6, pp. 2570–2576 (in Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20250360>
12. Bochina T.G. Chislovoy i tsvetovoy kod kak komponent tuvinskikh zagadok o cheloveke [Numerical and Color Code as an Element of Tuvan Riddles About Man]. *New Res. Tuva*, 2023, no. 3, pp. 6–20 (in Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
13. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture]. Moscow, 2024. 400 p.
14. Orlova O.S. *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoy i angloyazychnoy kul'turakh: printsip nepryamoy nominatsii. Kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie* [Euphemisms and Riddles About Birth and Death in Russian and English-Speaking Cultures: The Principle of Indirect Naming. A Cognitive Cultural Research]. Moscow, 2022. 240 p.

15. Fayzullina N.I. *Lingvokognitivnaya model' narodnoy zagadki: obrazno-strukturnyy aspekt (na materiale russkogo, tatarskogo i angliyskogo yazykov)* [Linguocognitive Model of the Folk Riddle: A Figurative and Structural Aspect (Based on Russian, Tatar and English): Diss.]. Kazan, 2020. 339 p.
16. Nikolaeva T.M. *Ot zvuka k tekstu* [From Sound to Text]. Moscow, 2000. 680 p.
17. Abdrashitova M.O. *Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse* [World-Modelling Function of the Genre of Riddle in Folklore Discourse: Diss.]. Tomsk, 2012. 182 p.
18. Dimitrieva O.A. Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimension. *Sci. Dialogue*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 9–30 (in Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30>
19. Frolova O.E. Zhivoe i nezivoe v zhanre zagadki [The Animate and the Inanimate in the Riddle Genre]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 6, pp. 82–89.

Информация об авторах

О.А. Димитриева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (адрес: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38).

Т.В. Денисова – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (адрес: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38).

Information about the authors

Olga A. Dimitrieva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University (address: ul. K. Marksa 38, Cheboksary, 428000, Russia).

Tatyana V. Denisova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University (address: ul. K. Marksa 38, Cheboksary, 428000, Russia).

Поступила в редакцию 03.07.2025
Одобрена после рецензирования 11.09.2025
Принята к публикации 16.09.2025

Submitted 3 July 2025
Approved after reviewing 11 September 2025
Accepted for publication 16 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 87–99.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 87–99.

Научная статья
УДК [811.161.1+811.111]:81'42
DOI: 10.37482/2687-1505-V478

Понятийные признаки лингвокультурного типажа «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах

Ольга Александровна Петрова^{1,2}

¹Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия,
e-mail: olga.olett@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5868-7413>

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Настоящая статья представляет собой один из этапов диссертационного исследования, посвященного комплексному изучению лингвокультурного типажа «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах. В рамках этого этапа рассматриваются понятийные признаки указанного лингвокультурного типажа посредством анализа словарных определений, семантики и этимологии ключевых терминов, репрезентирующих данную профессиональную роль. Методологически работа опирается на принципы лингвокультурологии, переводоведения и семиотики, предполагающие раскрытие языка не только как средства коммуникации, но и как инструмента конструирования социокультурной реальности. Особое внимание уделяется исследованию роли переводчика в межкультурной коммуникации, трансформации представлений о его профессиональной деятельности в историческом контексте, а также рассмотрению синонимических связей и культурных аспектов, способствующих более глубокому пониманию переводческой практики. При этом анализ проводится с учетом современных тенденций развития цифровой среды, оказывающих непосредственное воздействие на трансформацию профессиональной деятельности переводчика. Традиционное понимание переводчика как специалиста, передающего смысл текста с одного языка на другой, изменяется под влиянием машинного перевода и технологий искусственного интеллекта, что приводит к семантическому сдвигу термина «переводчик». Результаты исследования позволяют выявить ключевые характеристики, определяющие образ переводчика в сознании носителей русской и англоязычной культур, и подчеркнуть значимость профессии в условиях глобализирующегося мира. Эти характеристики включают не только лингвистические компетенции, но и способность к адаптации, критическому мышлению и эффективной коммуникации в различных культурных контекстах. Полученные данные послужат основой для дальнейшего изучения кинематографической и литературной репрезентации лингвокультурного типажа «Переводчик», что является следующим этапом диссертационного исследования.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, переводчик, социокультурный феномен, понятийная характеристика, межкультурная коммуникация, русская лингвокультура, англоязычная лингвокультура

Для цитирования: Петрова, О. А. Понятийные признаки лингвокультурного типажа «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах / О. А. Петрова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 87-99. – DOI 10.37482/2687-1505-V478.

Original article

Conceptual Features of the Linguocultural Type “Translator/Interpreter” in Russian and English Linguocultures

Olga A. Petrova^{1, 2}

¹Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia,

e-mail: olga.olett@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5868-7413>

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. This article presents the findings of a dissertation segment dealing with a comprehensive study of the linguocultural type (LCT) “Translator/Interpreter” in Russian and English linguocultures. Within this segment, the conceptual characteristics of the specified LCT are investigated through the analysis of dictionary definitions, semantics and etymology of key terms representing this professional role. Methodologically, the work relies on the principles of cultural linguistics, translation studies and semiotics, which involve considering language not only as a means of communication but also as a tool for constructing sociocultural reality. Particular attention is paid to the role of translators/interpreters in intercultural communication, transformation of the perception of their professional activities in a historical context as well as the analysis of synonymous connections and cultural aspects that contribute to a deeper understanding of translation practice. The research takes into account modern trends in the development of the digital environment, which have a direct impact on the transformation of the professional activities of translators/interpreters. The traditional understanding of a translator/interpreter as a specialist transferring the meaning of a text from one language to another is changing under the influence of machine translation and artificial intelligence technologies, leading to a semantic shift in the term. The study identifies key characteristics shaping the image of a translator/interpreter in Russian and English-language cultures and highlights the importance of this profession in a globalizing world. These characteristics include not only linguistic competence but also the ability to adapt, think critically and communicate effectively in different cultural contexts. The data obtained will serve as a basis for further study into the representation of the LCT “Translator/Interpreter” in films and literature, which is the next stage of the dissertation research.

Keywords: *linguocultural type, translator/interpreter, sociocultural phenomenon, conceptual characteristics, intercultural communication, Russian linguoculture, English linguoculture*

For citation: Petrova O.A. Conceptual Features of the Linguocultural Type “Translator/Interpreter” in Russian and English Linguocultures. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 87–99. DOI: 10.37482/2687-1505-V478

Современная глобальная парадигма характеризуется увеличением количества межкультурных контактов, в связи с этим растет потребность в эффективных средствах коммуникации между различными языковыми и культурными сообществами. В данном контексте изучение лингвокультурного типажа (ЛКТ) «Переводчик» приобретает особую значимость, т. к. данный ЛКТ отражает не только профессиональные компетенции, но и ценностные ориентации, когнитивные стратегии и социальные роли, формируемые конкретной лингвокультурой [1–3].

Статья посвящена сравнительному анализу понятийных признаков ЛКТ «Переводчик» в русской и англоязычной культурах. Это позволит выявить специфику восприятия данной профессии и факторы, влияющие на формирование ее образа в массовом сознании.

Теоретические аспекты перевода и межкультурной коммуникации с акцентом на когнитивные и культурные аспекты, а также на роль переводчика как посредника между культурами рассматривались В.С. Виноградовым, Л.К. Латышевым, В.Н. Комиссаровым и Р.К. Миньяр-Белоручевым. При формировании теоретико-методологической базы исследования учитывались работы представителей научных школ, изучающих ЛКТ. Так, В.И. Карасик системно описывает связь между языковой личностью как носителем культурных ценностей и ключевыми концептами культуры, определяет ЛКТ как устойчивый образ, отражающий типичные черты культуры [1]. Необходимо также отметить работы О.В. Лутовиновой [2], которая провела сопоставительный анализ ЛКТ с другими понятиями, и Е.М. Дубровской [3], которая систематизировала ЛКТ по различным критериям.

Исследование концептов, стереотипов и национальной идентичности также важно для формирования ЛКТ. Ключевым является понимание языка как инструмента конструирования социокультурной реальности. В связи с этим значимыми представляются анализ ценностно-смыслового пространства языка Н.Ф. Алефиренко [4], исследования лингвокультурных

констант Ю.С. Степанова [5] и ключевых идей, формирующих языковую картину мира, А.А. Зализняка, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева [6]. Эти работы позволяют выявить глубинные культурные коды и стереотипы, лежащие в основе образа переводчика.

Особого внимания в контексте данной темы заслуживают научные труды М.В. Пименовой, которая внесла значительный вклад в развитие лингвокультурологии и концептологии [7]. Ее работы, посвященные ключевым концептам русской культуры, методологии лингвоконцептологических исследований и ценностным ориентациям языковой личности, создают теоретическую базу для изучения ЛКТ. Подходы М.В. Пименовой к анализу концептуальных систем и культурно-специфических особенностей мышления углубляют понимание феномена и его места в системе ценностей русской лингвокультуры. Ее работы служат методологическим ориентиром для дальнейших исследований, предлагая инструментарий для выявления и интерпретации культурных кодов, формирующих образ переводчика в русской языковой картине мира.

М. Кронин и М. Тиможко [8, 9] раскрывают влияние глобализации и механизмов репрезентации, подчеркивая роль переводчика как «культурного адаптора». Кроме того, представляется важным учитывать воздействие цифровых технологий на профессиональную идентичность переводчиков, о чем свидетельствуют исследования Л. Боукер, Д. Кенни, М. О'Хэган, С. Кастильо, Ю. Муркенс и Л. Виейра [10–14].

Понятийная характеристика ЛКТ – ключевой этап его изучения, который позволяет выявить когнитивные структуры восприятия и интерпретации этого типажа носителями культуры [1]. В данной работе проанализированы лексемы, обозначающие ЛКТ «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах, с целью исследования семантических особенностей, синонимических связей и взаимосвязей в рамках рассматриваемых культур, что поможет раскрыть смысловое содержание данного ЛКТ.

Для установления понятийных признаков ЛКТ «Переводчик» в русской лингвокультуре

рассмотрим дефиниции из толковых и энциклопедических словарей. В толковом словаре С.И. Ожегова, переводчик определяется как «специалист по переводам с одного языка на другой»¹, что подчеркивает его профессиональную компетентность в межкультурной коммуникации. В специализированном словаре Л.Л. Нелюбина переводчик рассматривается как: «1. Специалист по переводам с одного языка на другой. 2. Участник двуязычного коммуникативного акта, выступающий как в роли получателя исходного текста, так и в роли отправителя конечного текста, т. е. текста перевода. 3. Дополнительный преобразователь в коммуникации, необходимость в котором возникает в случаях, когда коды, которыми пользуются источник и адресат, не совпадают»². В данном определении акцентируется внимание на адаптационной функции переводческой деятельности, предполагающей учет лингвокультурных особенностей реципиента. Л.В. Кушнина рассматривает переводчика не просто как языкового посредника, а как «интерпретирующую личность», способную к синергетическому взаимодействию текста, автора и реципиента, где переводчик выступает как субъект, творчески пересоздающий смыслы, а не только передающий их [15].

Общим для представленных дефиниций является указание на широкий спектр деятельности переводчика (письменный и устный перевод), что позволяет применять данный термин в различных профессиональных сферах. В русской лингвокультуре переводчик служит ключевой фигурой межкультурной коммуникации, обеспечивающей передачу и адаптацию информации. Однако, несмотря на акцент на специализации, в приведенных определениях недостаточно полно отражена многогранность данного вида деятельности, требующего не только лингвистической компетенции, но и

глубокого понимания культурных, социальных и исторических контекстов.

В ходе анализа понятийных характеристик ЛКТ «Переводчик» в русской лингвокультуре нужно также обратиться к определению, предложенному Н.К. Гарбовским: «Переводчик – это по меньшей мере двуязычная личность, обращенная одновременно к двум культурам»³.

При этом следует отметить, что «двуязычная личность» – необходимое, но недостаточное условие. Помимо знания языков, требуется бикультуральная компетенция (эмпатия, культурная чувствительность, адаптация текста).

В современном мире стремительное развитие технологий и глобализация оказывают существенное влияние на все сферы общественной жизни. В случае переводческой деятельности данные изменения привели к появлению новых специализаций и, соответственно, новых терминов, отражающих трансформацию профессии.

Одним из наиболее актуальных и показательных является термин «локализатор». Локализация, в отличие от перевода, это комплексная адаптация продукта к культурным, лингвистическим и техническим особенностям целевого рынка. Локализатор обеспечивает соответствие продукта требованиям целевой аудитории (точный перевод, адаптация графики и дизайна, приведение форматов дат, времени, валют к стандартам, учет культурных особенностей). Он одновременно и переводчик, и редактор, и дизайнер, и тестировщик, и специалист по культурной адаптации, обладающий лингвистическими навыками, знаниями в области информационных технологий, дизайна, маркетинга и культурологии. Данный специалист, в отличие от традиционного переводчика, выполняет более широкий спектр функций, обеспечивая эффективность и качество локализации. В условиях глобального рынка удачная

¹Переводчик // Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53 000 слов. 24-е изд. М.: ОНИКС 21 в., 2003. С. 490.

²Переводчик // Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 151.

³Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 11.

локализация расширяет аудиторию, повышает объемы продаж и укрепляет бренд, адаптируя содержание для целевой аудитории и заменяя незнакомые культурные реалии на аналогичные элементы. Локализатор должен знать нормы и стереотипы обеих культур, чтобы избежать недоразумений и создать положительное впечатление о продукте или услуге. Таким образом, термин «*локализатор*» отражает существенные изменения, произошедшие в области перевода. С одной стороны, технологии позволили упростить и автоматизировать многие процессы, с другой – они повысили требования к квалификации специалистов, вынудив их постоянно совершенствовать свои навыки и осваивать новые инструменты [16–18].

Рассмотрим еще ряд терминов, семантически связанных с понятием «*переводчик*», с целью выявления их специфических коннотаций и исторических трансформаций.

Одним из таких терминов является «*толмач*». Дефиниция, представленная в толковом словаре С.И. Ожегова⁴, указывает на устаревший характер лексемы и ее историческую связь с Древней Русью и странами Востока. При этом подчеркивается преимущественное использование данного термина по отношению к устным переводчикам. В современном языке слово «*толмач*» может иметь несколько устаревший оттенок и чаще употребляется в художественной литературе или произведениях о путешествиях, где данный специалист выступает в роли проводника и переводчика.

Другим историческим синонимом понятия «*переводчик*» является термин «*драгоман*», что подтверждается анализом словарных статей, представленных в словарях С.И. Ожегова

и А.Н. Чудинова. Так, в словаре С.И. Ожегова мы находим следующее определение: «*Драгоман – переводчик при европейском посольстве в странах Востока*»⁵. Данный термин употребляется в контексте дипломатических и торговых отношений со странами Востока, в нем подчеркивается роль драгомана как посредника в межкультурной коммуникации. В словаре иностранных слов А.Н. Чудинова приведено такое определение: «*Драгоман – переводчик при посольствах на Востоке, также переводчик для разговора с пленными восточного происхождения*»⁶. Термин, этимологически восходящий к арабскому [tarzuma:n] / [targuma:n] (переводчик), обозначал официальную должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами, с одной стороны, и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами – с другой. Драгомены выполняли не только переводческие, но и дипломатические функции, особенно в Османской империи, связывая европейские и восточные культуры. Это подчеркивает не только языковую компетенцию, но и знание культурных особенностей обеих сторон. Интересно, что в военной сфере термин «*драгоман*» также приобрел специфическое значение. В книге ученого и историка разведки Владимира Лота отсутствие образованных военных драгоманов упоминается как причина неэффективности разведки в русско-японской войне. В данном случае драгоман определялся как офицер, способный добывать ценные сведения о противнике, что расширяет функции переводчика до роли разведчика и аналитика⁷.

В рамках анализа семантического поля, связанного с деятельностью переводчика, важно рассмотреть термин «*интерпретатор*»⁸, кото-

⁴Толмач // Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 784.

⁵Драгоман // Там же. С. 175.

⁶Драгоман // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А.Н. Чудинов. 1910. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-196-4.htm#zag-9593> (дата обращения: 31.03.2025).

⁷Лота В.И. За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке, 1918–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. 654 с.

⁸Интерпретатор // SANSTV.RU. URL: <https://sanstv.ru/dict/> (дата обращения: 31.03.2025).

рый, хотя и не является прямым синонимом, раскрывает важный аспект работы с текстом и информацией. В отличие от переводчика, который может фокусироваться только на буквальном переводе, интерпретатор активно участвует в раскрытии смысла и передаче идей. Ключевой особенностью интерпретации является ее субъективность, зависящая от личного опыта и знаний интерпретатора, что позволяет существование множества допустимых интерпретаций одного объекта, каждая из которых валидна в своем контексте. Интерпретация подразумевает активное осмысление и адаптацию информации для целевой аудитории. Интерпретаторы востребованы в областях, требующих глубокого понимания, таких как юридический и технический перевод. В современном русском языке термин «*интерпретатор*» чаще используется в компьютерных науках для обозначения программы, выполняющей построчный перевод кода, но может относиться и к специалисту, осуществляющему устный перевод в контексте, требующем передачи смыслов.

Проанализируем также термин «*толкователь*»⁹, который обозначает специалиста, объясняющего смысл сложных или устаревших концепций. Его задача заключается в разъяснении значений слов, фраз и текстов, упрощении сложных идей для более доступного понимания. Деятельность толкователя можно рассматривать как перевод с одного «языка понимания» на другой, например с научного на обыденный. Важной характеристикой толкователя является его авторитетность в соответствующей области знаний. В отличие от интерпретатора, который может предлагать различные версии понимания, толкователь стремится выявить «правильное» или «наиболее вероятное» значение, основываясь на своей экспертизе. Данный термин может также относиться к ученым, которые разъясняют сложные теории или исторические события, де-

лая их доступными для широкой аудитории или специалистов. При этом ученый-толкователь активно работает с информацией, структурируя ее и выделяя ключевые моменты, сохраняя научную точность и достоверность.

В контексте терминологии, связанной с переводом и интерпретацией, термин «*экспликатор*»¹⁰ акцентирует внимание на ясности, точности и системности в раскрытии смысла. Экспликация (от лат. *explicatio*) – разъяснение и истолкование, направленное на устранение неясностей. Экспликатор стремится логически обосновать и подробно раскрыть содержание, выявляя все его составляющие. В отличие от переводчика, который фокусируется на лингвистическом переводе, он разъясняет культурные, исторические и социальные контексты, стремясь передать авторский замысел и эмоциональную окраску. В научном контексте экспликатор может обозначать исследователя, проводящего тщательный анализ концепций и методов, выявляющего их связи и ограничения. Термин «*экспликатор*» особенно актуален в областях переводческой деятельности, требующих глубокого понимания и развернутого раскрытия смысла, таких как перевод философских, религиозных и научных текстов. В художественном переводе экспликация помогает передать стиль автора и культурные отсылки, а в локализации программного обеспечения и видеоигр – адаптировать контент к культурным особенностям целевой аудитории. Однако использование термина «*экспликатор*» сопряжено с рядом ограничений: он может быть непонятен широкой аудитории, акцент на интерпретации может вызывать вопросы о субъективности, а в технических и юридических областях приоритет отдается точной передаче информации, исключая субъективные интерпретации.

Выбор термина зависит от акцента в переводе (см. *таблицу*). Если нужно объяснить слож-

⁹Толкователь // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/242402> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁰Экспликатор // Латинско-русский словарь. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_rus/15985/explicator (дата обращения: 31.03.2025).

Сравнительная характеристика функций толкователя, интерпретатора и экспликатора

Functions of expounder, interpreter and explicator compared

Признак	Толкователь	Интерпретатор	Экспликатор
Основная цель	Объяснение, упрощение	Поиск смысла, понимание	Раскрытие, прояснение
Предполагаемый результат	Понятное объяснение	Смысловая конструкция, видение	Явное и понятное описание

ные концепции, уместен «толкователь». Для акцента на субъективной точке зрения переводчика и выявлении скрытых смыслов лучше использовать «интерпретатор». Если особое внимание уделяется раскрытию и прояснению содержания текста для целевой аудитории, оптимальным будет термин «экспликатор».

В современной лингвистике и переводоведении наблюдается тенденция к разграничению понятий «переводчик» и «лингвист», несмотря на их взаимосвязь и пересечение в ряде аспектов. В толковом словаре С.И. Ожегова лингвист определяется как «специалист по лингвистике, языковед»¹¹. Аналогично он характеризуется в словаре Д.Н. Ушакова – «ученый-специалист по лингвистике»¹². В академической среде лингвистика рассматривается как исследование языка, его структуры и истории. Лингвист – это специалист, изучающий язык при помощи теоретических и эмпирических методов, в то время как переводчик занимается практической деятельностью, направленной на передачу смысла с одного языка на другой. Основное различие заключается в целях их деятельности: лингвист стремится понять язык как феномен и раскрыть его закономерности, а переводчик фокусируется на создании текста, адекватно передающего смысл исходного сообщения для целевой аудитории.

Несмотря на то, что кинематограф часто упрощает и стереотипизирует профессиональ-

ные образы, в некоторых фильмах можно увидеть проблески понимания различий между переводчиком и лингвистом. Например, в фильме «Прибытие» (“Arrival”, 2016) героиня Луиза Бэнкс проявляет не только знание языков, но и понимание структуры мышления и мировоззрения. Ее лингвистические знания – это инструмент для установления коммуникации и предотвращения конфликта. Фильм подчеркивает, что для контакта с инопланетным разумом недостаточно знания языка, необходимы интуиция, эмпатия и навыки невербальной коммуникации. Реплика “*You approach language like a mathematician*” подчеркивает аналитический подход героини и ее способность выявлять закономерности в языке пришельцев, что характеризует лингвистический склад ума. В то же время фраза “*I watch you steer us around these communication traps*” демонстрирует практические навыки Луизы как переводчика, ее умение предвидеть недоразумения и находить эффективные способы коммуникации.

Ванглоязычном сознании термины “*translator*” и “*interpreter*” обозначают специалистов, занимающихся переводом письменных текстов и устной речи соответственно. Ванглоязычная традиция четко различает “*translator*” и “*interpreter*” по их функциональным форматам, в то время как в русской лингвокультуре термин «переводчик» охватывает как письменный, так и устный перевод.

¹¹Лингвист // Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 316.

¹²Лингвист // Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/850350> (дата обращения: 31.03.2025).

Для анализа семантических характеристик исследуемых лексем использовались авторитетные лексикографические источники, обеспечивающие полноту и многоаспектность описания: фундаментальный исторический Oxford English Dictionary (OED)¹³ для понимания этимологии и эволюции значений, современные британский Collins English Dictionary (CED)¹⁴, американские Merriam-Webster Dictionary (MWD)¹⁵ и New Generation Dictionary (NGD)¹⁶ для выяснения актуальных определений и контекстов употребления, а также Cambridge Dictionary (CD)¹⁷ и Oxford Learner's Dictionaries (OLD)¹⁸ для подбора практических примеров. Выбор словарей обусловлен их академической репутацией, полнотой синхронического и диахронического описания лексики, методологической согласованностью и актуальностью, что позволяет выявить тонкие оттенки значений и аспекты профессиональной деятельности переводчика. В настоящем исследовании отобранные лексемы объединены в один концептуальный ряд на основании их функциональной близости, связанной с посредничеством и передачей информации между субъектами коммуникации:

• **Intermediary.** Согласно дефиниции, представленной в CED, данный термин обозначает

*“someone who passes messages between people or groups”*¹⁹. Это определение подчеркивает роль переводчика как посредника между различными языковыми и культурными сообществами, способствующего установлению взаимопонимания и сотрудничества: *“She wanted him to act as an intermediary in the dispute with Moscow”*²⁰;

• **Go-Between.** CED определяет *“go-between”* как *“a person who takes messages between people who are unable or unwilling to meet each other”*²¹. Подобно термину *“intermediary”*, *“go-between”* акцентирует внимание на посреднической функции, осуществляемой переводчиком: *“He saw his role as a mediator; a go-between and a facilitator in the accommodation of opinions”*²²;

• **Liaison.** CED определяет *“liaison”* как *“if someone acts as liaison with a particular group, or between two or more groups, their job is to encourage co-operation and the exchange of information”*²³. Таким образом, данный термин подчеркивает роль переводчика в установлении связей и обеспечении обмена информацией между различными сторонами: *“She acts as a liaison between patients and staff”*²⁴;

• **Expounder.** Согласно дефиниции, представленной в CED, *“expounder”* обозначает *“a person who explains or sets forth theories or*

¹³OED. URL: <https://www.oed.com> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁴CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁵MWD. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁶NGD. URL: <https://goong.com/word/cultural-broker-meaning/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁷CD. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁸OLD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁹Intermediary // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/intermediary> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁰Intermediary // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-french/to-act-as-an-intermediary> (дата обращения: 31.03.2025).

²¹Go-between // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/go-between> (дата обращения: 31.03.2025).

²²Go-between // CD. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/go-between> (дата обращения: 31.03.2025).

²³Liaison // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/english-language-learning/liaison> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁴Liaison // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/liaison> (дата обращения: 31.03.2025).

ideas in detail"²⁵. Данный термин акцентирует внимание на способности переводчика разъяснять сложные идеи и понятия на другом языке. В качестве иллюстрации можно привести цитату из фильма «Игра в имитацию» ("The Imitation Game", 2014): "The coded messages must be broken by a skilled **expounder**, someone with knowledge of the enemy's codes", что подчеркивает необходимость мастерски владеть языком для понимания скрытого кода и, следовательно, выступать в роли *expounder* (толкователя);

• **Adapter**. Согласно дефинициям, представленным в OED и CED, "*adapter*" обозначает "*a person who adapts something*"²⁶. В этих определениях подчеркивается роль переводчика в адаптации текста к культурным особенностям другого языка и целевой аудитории: "*An award-winning writer and **adapter** Andrew Davies*"²⁷;

• **Versionist**. Данный термин отражает создание новой версии текста, демонстрируя творческую составляющую переводческой деятельности. В OED первое зафиксированное употребление "*versionist*" датируется 1782 годом в переводе Джеймса Элфинстона, что сви-

детельствует о долгой истории термина в контексте перевода и адаптации текстов²⁸. В CED "*versionist*" определяется как "*translator*"²⁹. В качестве примера можно привести фразу: "*As a **versionist**, he believes that the original work is always superior to any subsequent adaptations*"³⁰;

• **Conveyor**. MWD определяет "*conveyor*" как "*one that conveys*"³¹, CED – как "*a person or thing that conveys something*"³². Данный термин подчеркивает передачу информации или смысла, свойственную переводческой деятельности: "*Words are **conveyors** of meaning*"³³;

• **Mediator**. OED и CD определяют "*mediator*" как "*a person who intervenes between two parties*"³⁴ и "*a person whose job is to mediate in a disagreement*"³⁵. Данный термин показывает роль переводчика как посредника в разрешении конфликтов и установлении взаимопонимания между сторонами: "*The government appointed a **mediator** and asked both sides to return to the bargaining table*"³⁶;

• **Cultural Broker**. NGD определяет "*cultural broker*" как "*an individual or entity that facilitates*

²⁵Expounder // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/expounder> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁶Adapter // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/adapter> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁷Adapter // OLD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/adapter> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁸Versionist // OED. URL: https://www.oed.com/dictionary/versionist_n?tl=true (дата обращения: 31.03.2025).

²⁹Versionist // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/versionist> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁰Versionist. URL: <https://www.worddb.com/sentences/with/versionist> (дата обращения: 31.03.2025).

³¹Conveyor // MWD. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/conveyor> (дата обращения: 31.03.2025).

³²Conveyor // CED. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/conveyor> (дата обращения: 31.03.2025).

³³Conveyor // OLD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/conveyor> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁴Mediator // OED. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=mediator> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁵Mediator // CD. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mediator> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁶Mediator // CD. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/chinese-traditional-english> (дата обращения: 31.03.2025).

the exchange and understanding between different cultural groups”³⁷. Согласно Oxford Review, “a cultural broker is someone who possesses in-depth knowledge of multiple cultures and uses this knowledge to help navigate cultural differences. They serve as translators, not only of language but also of cultural norms, values, and practices. Cultural brokers can be professionals, such as social workers or educators, or they may emerge organically from within communities as individuals who understand and navigate cultural complexities. Cultural brokers help translate not just words but also the underlying cultural meanings that can lead to misunderstandings”³⁸, что подчеркивает роль переводчика как посредника не только между языками, но и между культурами, способствующего межкультурной коммуникации и обмену знаниями.

Основным критерием включения данных лексем в синонимический ряд является сходство их главных функций. Такая группировка основана на теоретическом и контекстуальном анализе ролей, которые выполняют переводчики: передача информации или смыслов, посредничество, ведение переговоров и урегулирование, объединение различных систем, а также межкультурное посредничество. Этот подход отражает современные тренды лингвистики и теории перевода, где главный акцент делается не столько на формальной передаче лингвистических элементов, сколько на посредничестве смыслов и адаптации для новой культурной среды.

Традиционное понимание переводчика как специалиста, передающего смысл текста с одного языка на другой, изменяется под действием машинного перевода и технологий искусственного интеллекта (ИИ), что приводит к семантическому сдвигу. В этом контексте стоит рассмо-

треть лексему «*вербализатор*», которая, хотя и не имеет четкого определения как отдельное существительное, связана с глаголом «вербализовать», означающим «выразить в словесной форме»³⁹. Аналогичный термин “*verbalize*” в английском языке определяется как “*express (something) in words; to put into words*”⁴⁰. В современной лингвистике наблюдается интересное семантическое пересечение терминов «вербализатор» и «переводчик». Хотя эти понятия относятся к разным операциям с языком, в определенных контекстах они могут функционировать как ситуативные синонимы. В отличие от переводчика, вербализатор сосредоточивает внимание на преобразовании несловесных форм в словесные с акцентом на точности этого процесса. Этот термин применим не только к людям, но и к механизмам и программам. Современные системы машинного перевода, действующие как автоматические вербализаторы, стремятся передать общий смысл текста, хотя не обладают интерпретационными способностями. В качестве иллюстрации можно привести эпизод из фильма «Матрица» (“The Matrix”, 1999), где Тэнк, оператор корабля, наблюдает за потоками данных Матрицы в виде зеленого программного кода. Морфеус спрашивает его: “*What is it?*”. В ответ Тэнк объясняет, что он не переводит код, а просто читает его, т. е. воспринимает напрямую – в качестве цифровых дождя, автомобилей, людей и т. п.: “*I’m not translating the code, I’m just reading it.*” Это подчеркивает, что для данного персонажа код Матрицы – уже привычный «язык», который он интерпретирует как виртуальную реальность. Термин «*вербализатор*» также может описывать системы ИИ, генерирующие речь или текст на основе анализа данных. Ней-

³⁷Cultural broker // NGD. URL: <https://goong.com/word/cultural-broker-meaning/> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁸Cultural broker // OR Briefings. URL: <https://oxford-review.com/the-oxford-review-dei-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/cultural-broker-definition-and-explanation/> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁹Вербализатор // Исторический словарь галлицизмов русского языка / сост. Н.И. Епишкин. М.: Слов. изд-во ЭТС, 2010. URL: <https://gufo.me/dict/gallicisms> (дата обращения: 31.03.2025).

⁴⁰Verbalize // MWD. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/verbalize> (дата обращения: 31.03.2025).

росети, обученные на больших объемах текстов, могут имитировать человеческую речь и формулировать абстрактные идеи. В данном случае ИИ выступает как генератор словесных форм, а не как переводчик [19–22]. При этом, несмотря на развитие автоматизированного перевода, переводчик сохраняет свою ключевую функцию – является культурно-семантическим медиатором, обеспечивающим контекстуальную адаптацию машинно-генерированного текста.

На основе комплексного анализа лексем, связанных с ЛКТ «Переводчик», можно сде-

лать выводы о специфике данной профессии в современном обществе. Во-первых, разнообразие терминологии отражает многоаспектность деятельности переводчика, при этом выбор лексемы зависит от коммуникативной ситуации, типа текста и задач перевода, что подчеркивает важность контекстуального анализа. Во-вторых, прогресс в области машинного перевода и автоматизация переводческих процессов приводят к кардинальной трансформации и переосмыслению профессиональной роли переводчика.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Лутовинова О.В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Уч. зап. Забайк. гос. ун-та. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 225–228.
3. Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2(57). С. 364–366.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология как научная и учебная дисциплина // Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010. С. 14–41.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2018. 992 с.
6. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Яз. славян. культуры, 2017. 544 с.
7. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
8. Cronin M. Translation and Globalization. London: Routledge, 2003. 208 p. <https://doi.org/10.4324/9780203378816>
9. Tymoczko M. Enlarging Translation, Empowering Translators. Routledge, 2007. 320 p.
10. Bowker L., Ciro J.B. Machine Translation and Global Research: Towards Improved Machine Translation Literacy in the Scholarly Community. Bingley: Emerald Publ. Limited, 2019. 111 p.
11. Kenny D. Human Issues in Translation Technology. London: Routledge, 2017. 196 p. <https://doi.org/10.4324/9781315648934>
12. O'Hagan M. The Routledge Handbook of Translation and Technology. London: Routledge, 2019. 556 p. <https://doi.org/10.4324/9781315311258>
13. Translation Technology and Its Teaching / ed. by A. Pym, A. Perekrestenko, B. Starink. Tarragona: Intercultural Studies Group. 2006. 124 p.
14. Translation Quality Assessment: From Principles to Practice / ed. by J. Moorkens, S. Castilho, F. Gaspari, S. Doherty. Cham: Springer, 2018. 287 p.
15. Кушнина Л.В., Хайдарова И.Н., Назмутдинова С.С., Аликина Е.В., Георгиева Н.Ю., Енбаева Л.В., Зубкова Е.В., Коришнова Н.Г., Мамонова Е.Ю., Силантьева М.С., Швецова Ю.О., Юзманов П.Р. Введение в синергетику перевода: моногр. / под общ. ред. Л.В. Кушниковой. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2014. 278 с.
16. Скворцова Е.В. Формирование культурологической компетенции будущих переводчиков (на материале англоязычных текстов) // Науч. поиск: личность, образование, культура. 2022. № 2. С. 3–9.
17. Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков // Казан. лингв. журн. 2020. Т. 3, № 3. С. 289–299. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.3.289-299>
18. Безобразова Т.А. Переводческая деятельность в эпоху цифровой глобализации: вызовы и перспективы // Вестн. науки. 2024. Т. 3, № 11(80). С. 780–788.

19. Кузнецова Е.В. Стратегии перевода в контексте межкультурной коммуникации // Науч. вестн. 2021. № 1. С. 23–30.

20. Котенко В.В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования // Уч. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 4(182). С. 225–230.

21. Раренко М.Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу (обзор) // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 6: Языкознание: реф журн. 2021. № 3. С. 70–79. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.05>

22. Маслова Ж.Н. Возможности применения технологии искусственного интеллекта в области машинного перевода // Прикладной искусственный интеллект: перспективы и риски: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб.: ГУАП, 2024. С. 270–272.

References

1. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.

2. Lutovinova O.V. “Lingvokul'turnyy tipazh” v ryadu smezhnykh ponyatiy, ispol'zuemykh dlya issledovaniya yazykovoy lichnosti [“Linguocultural Type” in the Row of Allied Concepts Used for the Research of a Linguistic Personality]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, 2009, no. 3, pp. 225–228.

3. Dubrovskaya E.M. Tipologiya lingvokul'turnykh tipazhey: opyt sistematizatsii [Typology of Linguocultural Types: Experience of Systematization]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2016, no. 2, pp. 364–366.

4. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya kak nauchnaya i uchebnaya distsiplina [Cultural Linguistics as a Scientific and Academic Discipline]. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural Linguistics. Value-Semantic Space of Language]. Moscow, 2010, pp. 14–41.

5. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2018. 992 p.

6. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, 2017. 544 p.

7. Pimenova M.V. *Kontsepty vnutrennego mira cheloveka (russko-angliyskie sootvetstviya)* [Concepts of the Inner World of a Person (Russian-English Equivalents): Diss.]. St. Petersburg, 2001. 497 p.

8. Cronin M. *Translation and Globalization*. London, 2003. 208 p. <https://doi.org/10.4324/9780203378816>

9. Tymoczko M. *Enlarging Translation, Empowering Translators*. Routledge, 2007. 320 p.

10. Bowker L., Ciro J.B. *Machine Translation and Global Research: Towards Improved Machine Translation Literacy in the Scholarly Community*. Bingley, 2019. 111 p.

11. Kenny D. *Human Issues in Translation Technology*. London, 2017. 196 p. <https://doi.org/10.4324/9781315648934>

12. O'Hagan M. *The Routledge Handbook of Translation and Technology*. London, 2019. 556 p. <https://doi.org/10.4324/9781315311258>

13. Pym A., Perekrestenko A., Starink B. (eds.). *Translation Technology and Its Teaching*. Tarragona, 2006. 124 p.

14. Moorkens J., Castilho S., Gaspari F., Doherty S. (eds.). *Translation Quality Assessment: From Principles to Practice*. Cham, 2018. 287 p.

15. Kushnina L.V., Khaydarova I.N., Nazmutdinova S.S., Alikina E.V., Georgieva N.Yu., Enbaeva L.V., Zubkova E.V., Korshunova N.G., Mamonova E.Yu., Silant'eva M.S., Shvetsova Yu.O., Yuzmanov P.R. *Vvedenie v sinergetiku perevoda* [Introduction to Translation Synergetics]. Perm, 2014. 278 p.

16. Skvortsova E.V. Formation of Cultural Competence of Future Translators and Interpreters (Based on English Texts). *Nauchnyy poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura*, 2022, no. 2, pp. 3–9 (in Russ.).

17. Babenko O.V. Audiovisual Translation as Relevant Issue of University Translators' Preparation. *Kazan Linguist. J.*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 289–299 (in Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.3.289-299>

18. Bezobrazova T.A. Perevodcheskaya deyatel'nost' v epokhu tsifrovoy globalizatsii: vyzovy i perspektivy [Translation Activities in Era of Digital Globalization: Challenges and Prospects]. *Vestnik nauki*, 2024, vol. 3, no. 11, pp. 780–788.

19. Kuznetsova E.V. Strategii perevoda v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii [Translation Strategies in the Context of Intercultural Communication]. *Nauchnyy vestnik*, 2021, no. 1, pp. 23–30.

20. Kotenko V.V. Perspektivy razvitiya neyronnogo mashinnogo perevoda v kontekste kontseptsii otkrytogo obrazovaniya [Prospects for Development of Neural Machine Translation in the Context of the Concept of Open Education]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, 2020, no. 4, pp. 225–230.

21. Rarenko M.B. Mashinnyy perevod: ot perevoda “po pravilam” k neyronnomu perevodu (obzor) [Machine Translation: From Translation “by the Rules” to Neural Translation (Review)]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura Ser. 6: Yazykoznanie*, 2021, no. 3, pp. 70–79. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.05>

22. Maslova Zh.N. Vozmozhnosti primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v oblasti mashinnogo perevoda [Potential for Using Artificial Intelligence in Machine Translation]. *Prikladnoy iskusstvennyy intellekt: perspektivy i riski* [Applied Artificial Intelligence: Prospects and Risks]. St. Petersburg, 2024, pp. 270–272.

Информация об авторе

О.А. Петрова – старший преподаватель кафедры английского языка Сибирского государственного университета путей сообщения (адрес: 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191), соискатель кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета (адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6).

Information about the author

Olga A. Petrova, Senior Lecturer, English Language Department, Siberian Transport University (address: ul. Dusi Koval’chuk 191, Novosibirsk, 630049, Russia), Applicant at the Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University (address: ul. Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russia).

Поступила в редакцию 31.03.2025

Одобрена после рецензирования 11.09.2025

Принята к публикации 16.09.2025

Submitted 31 March 2025

Approved after reviewing 11 September 2025

Accepted for publication 16 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 100–111.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 100–111.

Научная статья
УДК 141.1:316.77
DOI: 10.37482/2687-1505-V479

Умная социальная память как продуктивная сила метаверса

Оксана Игоревна Елхова^{1✉}

Евгения Юрьевна Макулина²

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5052-5935>

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: enuwka@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению феномена умной социальной памяти как онтотехнической силы, формирующей субъектность и реальность в цифровой среде метавселенной. Уделено внимание трансформации памяти, которая в метаверсе утрачивает статус хранилища фиксированного прошлого. Так возникает новая форма темпоральности, при которой прошлое становится результатом цифровой актуализации настоящего. Алгоритмическая природа цифровой среды делает прошлое множественным, редактируемым и подвижным, что свидетельствует о формировании ретроактивной онтологии, где бытие обусловлено не хронологией, а цифровой репрезентацией. Выделены и сопоставлены понятия цифровой, социальной и умной социальной памяти. Последняя представлена как гибридная структура, сочетающая алгоритмическое управление с социальной и культурной направленностью. В этом качестве она выступает актором, создающим новую субъектность и выполняющим функцию распределенной власти, структурирующей доступ к прошлому и определяющей его онтологическую значимость. Умная социальная память действует как архонт – цифровой распорядитель, решающий, что подлежит сохранению, а что исключается из коллективного восприятия. Авторы формулируют тезис «быть – значит быть зарегистрированным в памяти». Умная социальная память, объединяющая алгоритмическую обработку, коллективную репрезентацию и индивидуальный опыт, выполняет функцию онтологической сцены, на которой происходят распознавание, архивирование и актуализация субъекта. Цифровое «Я» существует до тех пор, пока его фрагменты сохранены, доступны и поддаются воспроизведению; удаление данных, будь то результат сознательного выбора пользователя или автоматизированное решение алгоритма, становится актом забвения, ведущим к исчезновению субъекта с цифровой сцены. В статье подчеркивается необходимость критического подхода к цифровым технологиям хранения информации. Подлинное отношение к технике требует внимания к эмоциональным и телесным аспектам опыта, недоступным технологическому архивированию, что поможет сохранить целостность бытия в условиях цифровой тотальности.

Ключевые слова: умная социальная память, архонт, трансформация памяти, метаверс, виртуальная реальность, цифровые технологии, ретроактивная онтология, онтотехника

Для цитирования: Елхова, О. И. Умная социальная память как продуктивная сила метаверса / О. И. Елхова, Е. Ю. Макулина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V479.

Original article

Smart Social Memory as a Productive Force of the Metaverse

Oksana I. Elkhova¹✉

Evgenia Yu. Makulina²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5052-5935>

²Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: enuwka@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Abstract. This article presents a philosophical analysis of smart social memory as an ontotechnical force shaping subjecthood and reality within the digital environment of the metaverse. In this context, memory loses its classical role as a repository of fixed past events. Instead, a new form of temporality emerges, where the past is constituted through the digital actualization of the present. The algorithmic nature of the digital environment renders the past multiple, editable and fluid, indicating a shift towards a retroactive ontology in which being is defined not by chronology but by digital representation. The concepts of digital, social, and smart social memory are differentiated. Smart social memory is conceived as a hybrid structure that merges algorithmic control with social and cultural orientation. It functions as an actor creating new subjecthood and exercising distributed power by regulating access to the past and determining its ontological relevance. Operating as a digital archon, smart social memory curates what is preserved or erased from collective perception. The authors propose the following thesis: “To be is to be registered in memory”. By integrating algorithmic processing, collective representation and personal experience, smart memory constitutes an ontological stage where subject recognition and actualization occur. The digital self exists as long as its data fragments remain accessible and reproducible; deletion – whether by user intent or algorithmic decision – becomes an act of forgetting. The article underscores the need for a critical approach to digital technologies, emphasizing the emotional and corporeal dimensions of experience that elude archiving, essential for maintaining existential integrity in a digitally saturated world.

Keywords: *smart social memory, archon, memory transformation, metaverse, virtual reality, digital technology, retroactive ontology, ontotechnics*

For citation: Elkhova O.I., Makulina E.Yu. Smart Social Memory as a Productive Force of the Metaverse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 100–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V479

Введение

В последние десятилетия понятие «метавселенная» («метаверс») стремительно вошло в научный дискурс, став актуальным в силу интен-

сивного распространения цифровых технологий и виртуальной реальности. В условиях современности метаверс приобретает новое содержание и трактуется не только как технологический фено-

мен, но и как особый онтологический конструкт, требующий многоаспектного и междисциплинарного подхода к исследованию. Метаверс все чаще рассматривается как пространственно-временной континуум, в котором формируются качественно иные условия для существования и деятельности человека. По мере приближения метаверса к стадии практической реализации его философское осмысление все более актуально. Анализ умной социальной памяти в контексте метаверса открывает новые горизонты для понимания механизмов сохранения, актуализации и передачи коллективного опыта в условиях цифровой среды. Память традиционно воспринималась как хранилище знаний и воспоминаний о прошлом, однако с развитием информационных технологий и метаверса она приобретает новое, онтологическое измерение, становясь частью бытия в цифровой среде. Такая среда заставляет радикально переосмыслить саму сущность памяти, лишая ее прежней устойчивости и материальной укорененности. Память приобретает черты техногенной сконструированности, подвижной сетевой природы и алгоритмически опосредованной медиативности. В этом контексте умная социальная память, интегрированная в метаверс, утрачивает привязку к линейной темпоральности: прошлое в ней не просто сохраняется, но постоянно адаптируется, переписывается и реконструируется под воздействием алгоритмов машинного обучения и активности пользователей.

Цель настоящей статьи заключается в определении роли умной социальной памяти как продуктивной онтологической силы, формирующей цифровое бытие и новые модели субъективности в условиях развития метавселенной. Объектом исследования выступают процессы трансформации памяти в цифровой среде метавселенной, предметом – феномен умной социальной памяти в аспекте ее роли как продуктивной онтологической силы, создающей субъектность и реальность в цифровой среде метаверса.

В настоящее время в российской социально-философской мысли наблюдается устойчивый рост интереса к феномену памяти как ключевому измерению человеческого бытия в

условиях цифровой трансформации социальной реальности. Социальная память уже давно стала предметом фундаментальных исследований: с 1990-х годов защищены десятки диссертаций, в которых рассматриваются различные аспекты памяти – от ее пространственно-временной структуры и связи с идентичностью до диалектики воспоминания и забвения. Социальная память в современной философии ранее была подробно проанализирована нами [1]. Подобные исследования заложили основы понимания памяти как коллективного механизма сохранения и трансляции культурно значимого прошлого, который обеспечивает преемственность опыта и самопознание сообщества. С распространением Индустрии 4.0 и процессов цифровизации классические механизмы культурного наследования сталкиваются с вызовами глобальной сетевой среды и автоматизации. С одной стороны, цифровые технологии значительно расширяют возможности сохранения информации, с другой – алгоритмически управляемые системы формируют инфраструктуру обмена данными, функционирующую без непосредственного участия человека. В связи с этим возникает потребность в философском анализе новой формы памяти, способной объединить традиционные механизмы воспроизводства и цифровые инновации. В 2022 году мы предложили концепт «умная социальная память» как ответ на вызовы цифровой эпохи. Данный тип памяти представляет собой гибридную структуру, сочетающую ценности культурной преемственности и возможности алгоритмической обработки данных. Настоящее исследование развивает и уточняет ранее введенное понятие, продолжая начатую концептуальную линию. Основной акцент сделан на философском осмыслении процессов трансформации памяти и раскрытии ее онтологической роли в контексте развития цифровой реальности метавселенной.

Теоретическое ядро

Теоретико-методологические основы исследования. Методологической основой настоящего исследования является феноменологический подход, позволяющий представить умную

социальную память как форму воплощенного и медиатизированного переживания, возникающего в цифровой среде. В соответствии с феноменологической перспективой память формируется в момент восприятия и самораскрытия бытия существу через взаимодействие субъекта с цифровой средой. Метавселенная в этом контексте предстает не как симуляция физического мира, а как онтологическое пространство, в котором события памяти актуализируются как внутренне прожитые и значимые. Умная социальная память, встроенная в медиапоток и сенсорные каналы пользователя, становится элементом его онтологической структуры и принимает участие в формировании как субъектности, так и модусов присутствия в цифровом пространстве.

Теоретическую основу исследования составляют труды Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, в которых феномен рассматривается как способ проявления сущего в поле восприятия и сознания [2]. Важным методологическим ориентиром также выступают работы О.И. Елховой, посвященные феноменологии восприятия объектов виртуальной реальности [3, 4]. Для анализа умной социальной памяти применяется метод ретроактивной онтологии, поскольку в метавселенной память приобретает ретроактивный характер: формируется постфактум в зависимости от текущих запросов и алгоритмической логики. Прошлое здесь не столько сохраняется, сколько заново конструируется в цифровом настоящем, что подчеркивает его изменчивость. В исследовании используется концепция онтотехники Б. Стиглера, в рамках которой техника выступает не внешним инструментом по отношению к человеку, а соавтором бытия, определяющим условия формирования человеческой субъективности и опыта [5, 6]. Кроме того, применяется акторно-сетевая теория Б. Латура, позволяющая рассматривать умную социальную память как результат взаимодействия множества гетерогенных акторов, включая пользователей, алгоритмы, технические системы, визуальные и символические презентации. Умная социальная память в дан-

ном случае мыслится не как индивидуальное достояние или централизованная институция, а как сеть, в которой каждый элемент обладает агентностью. Подобная модель дает возможность выявить сетевую природу цифровой памяти, ее нелокализуемость и способность к постоянной адаптации и реконтекстуализации в рамках цифровой среды [7].

Метавселенная (метаверс): генезис понятия. Термин «метавселенная» (metaverse) впервые был введен писателем-фантастом Н. Стивенсоном в романе «Snow Crash», опубликованном в 1992 году [8]. Русскоязычное издание, вышедшее под названием «Лавина», появилось лишь в 2003 году [9]. В произведении описан масштабный виртуальный мир, существующий параллельно физической реальности. Люди, используя цифровые проекции – аватары, взаимодействуют друг с другом и формируют социальные связи, имитируя структуру реального общества. То есть Н. Стивенсон не только предлагает новую терминологическую новацию, но и закладывает ключевые параметры введенного им концепта. Метавселенная предстает как устойчивое цифровое пространство со своей структурой и внутренней логикой, тесно связанное с физическим миром: события в виртуальности оказывают влияние на реальность и наоборот. В подобной модели цифровая среда становится своеобразным вторым измерением человеческого существования. Примечательно, что именно в этом романе слово «аватар» впервые используется в современном значении – как цифровое воплощение личности.

Хотя сам термин «метавселенная» был впервые введен Н. Стивенсоном, интеллектуальные истоки понятия восходят к более ранним размышлениям о цифровом взаимодействии пользователей в едином цифровом пространстве. Сходные идеи появились еще в 1980-е годы в творчестве У. Гибсона, в частности концепция киберпространства. Так, в его романе «Neuromancer» («Нейромант») оформляется понимание киберпространства как концептуального предшественника метавселенной, возникает прообраз, под-

готовивший представление о существовании в цифровой среде как в «новом мире» и о возможности формирования устойчивых форм взаимодействия социума в нематериальной реальности [10]. Стоит отметить, что вплоть до 2020-х годов концепция метавселенной оставалась преимущественно футуристической, лишенной четкого определения. Существенный импульс развитию этой идеи был дан в 2021 году, когда крупнейшие технологические корпорации объявили о создании цифрового пространства нового типа, начав активно инвестировать в развитие инфраструктуры метавселенных, создавать платформы для цифрового взаимодействия [11]. Сегодня метаверс обозначает направление будущей цифровой культуры, требующее пристального философского осмысления как новая форма онтологического бытия.

Метавселенная и виртуальная реальность: онтологические различия. В настоящем исследовании используются два ключевых понятия – «метавселенная» и «виртуальная реальность», которые рассматриваются как различающиеся по своей онтологической и функциональной природе. Под метавселенной (метаверсом) понимается цифровое пространство, формирующее альтернативную реальность, где пользователь представлен в виде аватара и взаимодействует с другими субъектами и объектами. В отличие от виртуальной реальности метаверс обладает признаками непрерывности, онтологической устойчивости и социальной включенности. Он являет собой динамичную, постоянно обновляемую цифровую среду, тесно связанную с экономическими, культурными и коммуникативными процессами. Виртуальная реальность в данном контексте определяется как искусственно сконструированная цифровая среда, имитирующая физическое присутствие и взаимодействие с объектами. В противоположность метавселенной она может носить изолированный и несистемный характер, быть оторванной от устойчивых социальных контекстов и не включать в себя полноценно сформированную онтологическую структуру. Таким образом, метаверс интерпретируется как более стабильная и комплексная

форма цифрового бытия, тогда как виртуальная реальность представляет собой ограниченный и эпизодический модус взаимодействия человека с цифровой средой.

Виртуальная реальность может быть осмыслена как один из модусов проявления метаверса, обладающий рядом онтологических и функциональных особенностей. С точки зрения структурной включенности метаверс – целостная цифровая реальность, в рамках которой виртуальная реальность выступает фрагментом среды, обеспечивающим доступ субъекта к различным уровням цифрового взаимодействия. С онтологической точки зрения виртуальная реальность являет собой временно ограниченное и пространственно локализованное взаимодействие, в то время как метаверс обладает характеристиками непрерывности, устойчивости и внутренней связности, формируя единую онтологическую ткань цифрового бытия. В этом контексте виртуальную реальность можно рассматривать как эпизодический модус более широкой метаверсной структуры, выполняющий функцию инструмента или канала входа, но не тождественный ей по сущности. Если при этом под метаверсом понимать децентрализованную, социально активную и интегрированную цифровую систему, а под виртуальной реальностью – автономное и изолированное пространство, то между ними возникает принципиальное онтологическое различие. Например, виртуальная оффлайн-игра, не включенная в сетевое взаимодействие, не может рассматриваться как часть метаверса. Таким образом, виртуальная реальность становится частью метавселенной лишь при условии ее интеграции в устойчивую цифровую инфраструктуру, характеризующуюся онтологической целостностью, социальной динамикой и экономической активностью. В этом случае виртуальная реальность выступает как частное проявление метаверсного опыта, сохраняя ограниченность охвата и неполноту онтологического измерения.

Социальная, цифровая и умная социальная память: понятийное разграничение. В исследовании важно разграничивать три взаимосвя-

занных, но не тождественных понятия: «социальная память», «цифровая память» и «умная социальная память». Социальная память представляет собой коллективный механизм сохранения, трансляции и интерпретации прошлого, формирующийся в рамках культуры, традиций и институциональных практик, она основана на символической репрезентации событий, значимых для группы или общества и обеспечивает преемственность и идентичность. Цифровая память в отличие от социальной является технологически опосредованной системой хранения и обработки данных. Ее характерными чертами выступают количественная масштабируемость, машинная фиксация и возможность автоматизированного поиска, но без способности к самостоятельной интерпретации или адаптации содержания она выполняет вспомогательную функцию, сохраняя информацию в техническом виде. Умная социальная память – это точка пересечения социального и цифрового измерений, она существует как гибридная структура. Основанная на алгоритмически управляемых цифровых системах, она сохраняет культурную и социальную направленность. В отличие от простой цифровой умная социальная память не только хранит данные, но и участвует в их динамическом переосмыслении, адаптации и реконтекстуализации. В этой связке она выступает как активный актор формирования новой субъектности в цифровой среде. Умная социальная память, функционирующая в метаверсе, кардинально трансформирует само представление о времени и прошлом. В отличие от традиционных форм хранения памяти – архивов, памятников, исторических нарративов – цифровая память лишена стабильной темпоральной логики. Здесь прошлое постоянно подвергается алгоритмической переинтерпретации, адаптации к текущим пользовательским запросам и контекстам, память становится ретроактивной: она не воспроизводит прошлое, а конструирует его в настоящем.

Результаты

Переход от фиксированного прошлого к ретроактивной онтологии. В условиях метавселенной память перестает быть лишь внутренними воспоминаниями индивида, превращается в часть онтологии виртуального мира, его элемент, определяющий, что в нем присутствует и как он функционирует. Данные, записанные в цифровой среде, существуют объективно внутри метавселенной и влияют на дальнейшее развитие событий. Можно сказать, что память в метаверсе встроена в самую реальность: прошлое, зафиксированное в коде и данных, оказывается частью «вещного» мира. Таким образом, происходит смещение: память больше не принадлежит только субъективному воспоминанию и приобретает онтологический статус, становясь частью ткани виртуального бытия. Индивидуальный опыт пользователя в метаверсе фиксируется в хранилищах данных и алгоритмических системах, превращаясь во внешнюю техническую память, которая становится активным элементом формирования цифровой реальности.

Все это приводит к формированию ретроактивной онтологии – концептуальной модели, в которой прошлое не рассматривается как зафиксированная и неизменная данность. Напротив, оно возникает как результат настоящей актуализации и пересборки. В такой онтологической перспективе стираются границы между фактическим и возможным: то, что воспринимается как прошлое, формируется постфактум через интерпретации, медиатизированные события и действия технологических агентов. Ключевая идея данной модели заключается в следующем: быть в прошлом означает быть реконструированным настоящим, что делает память не инструментом хранения, а активным механизмом производства реальности. Память становится распределенной и многослойной, поддерживаемой различными агентами. Подобная трансформация находит теоретическое обоснование в акторно-сетевой теории Б. Латура, где знание, память и социальное действие рассматриваются как продукты взаимодей-

ствия гетерогенных акторов в распределенной сети. В данном контексте память мыслится не как внутреннее, психологически локализованное состояние, а как результат сетевой конфигурации, в которой действуют люди, технологии, объекты и символические коды в едином медиальном поле [12].

Постижение роли умной социальной памяти в техногенной среде метаверса требует обращения к концепции онтотехники Б. Стиглера, раскрывающего неразрывную связь техники и памяти как фундаментального условия человеческого бытия. Память с таких позиций превращается в условие возможности опыта в цифровой среде – истинно онтотехнический фактор бытия в метаверсе. Техническое является средством протекания самого становления бытия, а память – медиатором между человеком и технологическим миром. «Техника не есть внешний по отношению к человеку инструмент: она и есть та среда, в которой разворачивается и изменяется человеческое бытие», – подчеркивает Б. Стиглер [13, с. 17]. Согласно онтотехнике, технологии не просто инструменты в распоряжении человека, а глубинные условия формирования человеческого бытия и опыта. Б. Стиглер, развивая идеи А. Леруа-Гурана и опираясь на размышления М. Хайдеггера и Ж. Дерриды, отмечает, что человек дополняет техникой человеческое «Я» и коллективное «Мы» через внешние технические системы памяти [14].

Центральным понятием в теории Б. Стиглера является терциарная ретенция (внешний по отношению к индивиду носитель памяти). Первичная ретенция относится к мгновенному восприятию, вторичная – к воспоминаниям в уме, а терциарная представляет собой все то, на чем память закреплена вовне: от рисунков на скалах и книг до жестких дисков компьютеров [15]. Проецируя данную концепцию на метавселенную, можно утверждать, что она представляет собой гипертрофированную систему терциарных ретенций. Каждый аспект опыта в метаверсе опирается на техническую цифровую память, поскольку аккаунты, настройки,

логины, пароли и другие виртуальные объекты хранятся на серверах; без этого обеспечения памятью невозможно было бы ни продолжение присутствия пользователя в виртуальном мире, ни узнавание его другими. По мысли Б. Стиглера, человек определяется тем, что хранит свою память «вне себя», поскольку его существование изначально обращено вовне [15, с. 157–163]. В метавселенной это «вне себя» расширено до тотальной информационной среды. Вместе с тем технологии, лежащие в основе умной социальной памяти, не просто обслуживают пользователя, но активно участвуют в формировании его цифровой идентичности и конструировании окружающей среды метаверса. Таким образом, умная социальная память выступает онтотехническим основанием бытия в метавселенной и представляет собой необходимое условие для поддержания устойчивого присутствия субъекта в альтернативной цифровой реальности.

Архонты цифрового мира: умная социальная память как производящая сила метаверса. В цифровых пространствах память приобретает продуктивную функцию, становясь не просто механизмом хранения, а активным фактором формирования реальности. Так, Ж. Деррида в работе «Archive Fever: A Freudian Impression» («Архивная лихорадка: фрейдистское впечатление») подчеркивает, что структура технического архивирования влияет на характер хранимого содержания и даже определяет его возникновение [16]. Архив, по представлению философа, не только фиксирует событие, но и участвует в его порождении. Ж. Деррида отмечает властную природу архивирования: тот, кто обладает контролем над архивом, управляет и производством смыслов. В этом контексте он вводит понятие архонта – субъекта, определяющего, что подлежит сохранению и интерпретации. В условиях метавселенной данная идея получает буквальное воплощение. Память утрачивает статус нейтрального отражения прошлого и превращается в активный механизм конструирования цифровой реальности. Умная социальная память, а также алгоритмы

и платформы, на которых она основана, фактически выполняют функцию архонтов. Такие системы не ограничиваются простым хранением данных, а участвуют в формировании архитектуры реальности, определяя, какие образы прошлого будут воспроизводиться, а какие окажутся за пределами видимого. Примеры таких процессов можно увидеть в напоминаниях о годовщинах событий или в автоматическом удалении контента. Подобные практики иллюстрируют появление границы между тем, что остается в поле внимания, и тем, что уходит в цифровое забвение. В метавселенной умная социальная память действует как технологически организованный механизм, формирующий основания цифрового бытия. Она постоянно анализирует информацию о прошлом, чтобы генерировать потенциальные сценарии будущего. Алгоритмы, ориентируясь на поведенческий опыт пользователя, определяют, какой контент будет создан в дальнейшем и какие возможности взаимодействия будут открыты.

В конечном итоге метавселенная представляет собой интеллектуально адаптивную среду, где каждое действие пользователя фиксируется и используется для настройки взаимодействия. Умная социальная память становится активным агентом, создающим не только индивидуальный опыт, но и социальную реальность. Документированное прошлое приобретает статус факта, к которому обращаются новые поколения пользователей. Память включается в онтологию метаверса, формируя его историческую и мифологическую ткань.

Таким образом, концепция архонта получает в условиях метаверса новую трактовку: вместо субъекта – хранителя архива выступает алгоритмическая инстанция цифровой власти. Она регулирует, какие элементы подлежат сохранению, какие считаются значимыми, а какие исключаются. Архонт трансформируется в управляемого агента, определяющего конфигурацию памяти и, следовательно, структуру присутствия в метаверсе. Значимость действий, событий и самих субъектов обуславливается степенью их сохраненности в цифровом архиве. То, что не за-

фиксировано, оказывается исключенным из онтологического поля. Алгоритмы ранжирования и модерации, действующие на цифровых платформах, фактически выполняют функцию архонтов, т. е. формируют доступ пользователя к памяти, контролируя, какие элементы остаются доступными, а какие исчезают, будь то удаленный контент или информация, утратившая доступность. Следовательно, память в метаверсе представляет собой поле символической борьбы, где конкурируют версии прошлого, претендующие на право определять реальность.

Бытие как регистрация в памяти. Работы М. Хайдеггера позволяют глубже осмыслить онтологический статус памяти в эпоху техники. В эссе «Вопрос о технике» он подчеркивает, что современная технология изменяет способ раскрытия бытия в мире, превращая все сущее в ресурс, доступный для использования. Применительно к памяти это означает, что в рамках технологического мировоззрения прошлое утрачивает экзистенциальную глубину и воспринимается утилитарно – как набор данных, подлежащих хранению, извлечению и обработке [17]. Интересное развитие идей М. Хайдеггера предлагает Дж. Габриэль: «Современная технология – это Dasein, у которого заканчивается собственная память и которое вынуждено производить все более информационно-насыщенные устройства, чтобы осмыслить свой мир» [18]. Человечество, накопив огромное количество знаний, оказалось неспособным сохранять их традиционными способами, поэтому было вынуждено создавать средства для хранения и обработки информации. Виртуальные миры стали естественным продолжением данной тенденции, поскольку память выносятся во внешние «облака» не из прихоти, а как ответ на возрастающую сложность реальности. Однако, по мнению Дж. Габриэля, парадокс заключается в том, что эти технологии еще больше усложняют действительность, вызывая эффект «перегруженности памятью».

Со своей стороны подчеркнем, что человек в метавселенной оказывается зависимым

от «умной» обработки информации (фильтров, поисковых алгоритмов, искусственного интеллекта), которая помогает ориентироваться в лавинообразном потоке данных. Мир предстает как гигантская система памяти (*gigantic memory system*), где бытие соотносится с регистрацией в памяти: быть – значит быть зафиксированным в цифровом архиве. Если в своих исследованиях М. Хайдеггер отмечает, что в эпоху техники человек сам определяет себя как ресурс, «поставляя» себя на учет техносреде, то в цифровом обществе такое состояние приобретает всеобъемлющий характер: каждый оставляет следы своей активности, превращаясь в поставленный в распоряжение ресурс (*standing-reserve*), фонд для будущего использования. Даже личная память передается во внешнее управление технике: мы полагаемся на уведомления, календари, фотоархивы для сохранения идентичности и воспоминаний.

Предложенная нами формула «быть – значит быть зарегистрированным в памяти» не столько фиксирует сам феномен технологической медиатизации опыта как процесс, в котором восприятие и действие все в большей степени опосредуются цифровыми медиа, сколько указывает на радикальную трансформацию онтологической структуры субъекта в условиях цифрового бытия. В метаверсе, где онтологические координаты задаются алгоритмическими структурами, фиксация в памяти приобретает статус условия присутствия. Регистрация предстает не как простое занесение информации в базу данных, а как акт, наделяющий субъекта онтологической значимостью, признаваемой и платформой, и другими участниками цифровой среды. Цифровая регистрация становится формой онтологического акта: если субъект не зафиксирован в алгоритмически управляемой памяти, он не может быть воспринят, опознан или интерпретирован.

Память в метаверсе выполняет функцию онтологической сцены, где только зафиксированное получает возможность проявиться в бытии. При этом речь идет не о памяти как исключительно машинной или технической функции, а об особом гибридном феномене умной социаль-

ной памяти, возникающем на стыке индивидуального опыта, коллективной репрезентации и алгоритмически опосредованных процедур хранения, репликации и актуализации. Человек из этого процесса не устраняется, а становится со-автором онтологической сцены, поскольку его действия, намерения и восприятия структурируют и активируют механизмы цифрового запоминания, делая память не просто инструментом, но пространством соприсутствия субъектов и технологий. В условиях, когда самоосознание, идентичность, социальная вовлеченность и историческая укорененность формируются через интерфейсы и цифровые следы, отсутствие регистрации в памяти оборачивается формой исключения из реальности и утраты присутствия в символическом поле метавселенной. Технически опосредованная память задает как эпистемологические, так и онтологические границы допустимого существования. Быть вне регистрации – значит и быть забытым, и не признанным как субъект. В метаверсе это вызывает зависимость от постоянного архивирования действий, эмоций и высказываний. Цифровое «Я» существует, пока его фрагменты сохранены и воспроизводимы. Удаление данных (сознательное или алгоритмическое) равносильно забвению и исчезновению субъекта. Онтология метаверса определяется памятью как инструментом и хранения, и конструирования реальности. Регистрация фиксирует факт, архивирование делает его реальным, а забвение исключает из онтологического поля.

В современном контексте одной из ключевых проблем, обозначенных еще М. Хайдеггером, остается поиск подлинного отношения к технике, при котором человек сохраняет самоотнесенность и внутренний суверенитет в условиях технологического доминирования. С развитием умной социальной памяти в метаверсе эта проблема обостряется. Встроенная в цифровую инфраструктуру, умная социальная память не только передает информацию, но и формирует образы прошлого как завершенную и неоспариваемую реальность. Поэтому особенно важно воспринимать такие образы как результат алгоритмического отбора, требую-

ций критической интерпретации. Подлинное отношение предполагает внимание к тем аспектам человеческого опыта, эмоциональным и телесным, которые остаются вне досягаемости технологического архивирования. Сохранение этого измерения позволяет человеку не раствориться в цифровой тотальности, но сберечь свободу и целостность бытия в эпоху всепроникающей техники.

Выводы

Исследование успешно достигло поставленных целей, заключающихся в определении роли умной социальной памяти как продуктивной онтологической силы, формирующей цифровое бытие и новые модели субъективности в условиях развития метаверса. На основании проделанной работы можно сделать следующие выводы:

1. Метавселенная (метаверс) может быть концептуализирована как целостная, устойчивая и непрерывная цифровая среда, характеризующаяся высокой социальной активностью и включенностью. В ее пределах формируется альтернативная реальность, в которой пользователь существует в виде аватара и коммуницирует с субъектами и объектами в различных модусах цифрового взаимодействия.

2. Виртуальная реальность в отличие от метаверса представляет собой автономную

имитационную среду, которая ограничена по масштабу и времени и может быть включена в метаверс лишь при интеграции в устойчивую цифровую инфраструктуру, оставаясь его частным и ограниченным проявлением.

3. Стоит разграничивать три взаимосвязанных, но онтологически различающихся понятия: *социальная память* – это коллективный механизм хранения и трансляции прошлого, основанный на культурных кодах и символических практиках; *цифровая память* – техническая система накопления данных, лишенная интерпретативной функции; *умная социальная память* – гибридная структура, объединяющая алгоритмическое управление с социальной направленностью и выступающая активным актором формирования цифровой субъектности.

4. В метавселенной происходит сдвиг в понимании памяти: прошлое утрачивает фиксированность и превращается в динамическую конструкцию, возникающую посредством цифровой актуализации настоящего (ретроактивная онтология). Умная социальная память перестает быть пассивным архивом и становится архонтом цифрового мира, т. е. продуктивной онтологической силой, участвующей в формировании субъектности.

Список литературы

1. Макулина Е.Ю. Тематический анализ проблематики социальной памяти в современной социальной философии: хранение и транслирование смыслов и значений культуры в информационном обществе, «умная социальная память» // О-во: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 77–82. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>
2. Hopkins B.C. Deformation and Phenomenon in Husserl and Heidegger // Heidegger, Translation, and the Task of Thinking / ed. by F. Schalow. Dordrecht: Springer, 2011. P. 49–69.
3. Елхова О.И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 997–1013. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>
4. Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 24, № 5. С. 97–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V378>
5. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // Лаканалия. 2019. № 32. С. 142–166.
6. Подорога Б.В. Краткий очерк истории мнемотехник Бернарда Стиглера // Омск. науч. вестн. Сер.: О-во. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 42–47.
7. Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More Than a Few Complications // Soziale Welt. 1996. № 47. P. 369–381.
8. Stephenson N. Snow Crash. N. Y.: Bantam Books, 1992. 440 p.

9. Стівенсон Н. Лавина / пер. с англ. А.А. Комаринец. М.: АСТ, 2003. 446 с.
10. Gibson W. *Neuromancer*. N. Y.: Ace Books, 1984. 271 p.
11. Hern A. Mark Zuckerberg's Metaverse Vision Is Over. Can Apple Save It? // *The Guardian*. 2023. 21 May. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it> (дата обращения: 01.04.2025).
12. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 301 p.
13. Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1998. 280 p.
14. Crogan P. Technics of Memory and Life: Bernard Stiegler in Memoriam // *Theory Cult. Soc.* 2020. 18 Aug. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/news-technics-of-memory-and-life-bernard-stiegler-in-memoriam> (дата обращения: 01.04.2025).
15. Stiegler B. *Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010. 312 p.
16. Derrida J. Archive Fever: A Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25, № 2. P. 9–63. <https://doi.org/10.2307/465144>
17. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Республика, 1993. С. 224–225.
18. Gabriel J. Heidegger on Technology // *Medium*. 2023. 10 May. URL: <https://medium.com/@jgab3103/heidegger-on-technology-7a85def9531c> (дата обращения: 01.04.2025).

References

1. Makulina E.Yu. Thematic Analysis of the Problems of Social Memory in Modern Social Philosophy: Storage and Transmission of the Meanings and Significance of Culture in the Information Society, “Smart Social Memory”. *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2022, no. 8, pp. 77–82 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>
2. Hopkins B.C. Deformalization and Phenomenon in Husserl and Heidegger. Schalow F. (ed.). *Heidegger, Translation, and the Task of Thinking*. Dordrecht, 2011, pp. 49–69.
3. Elkhova O.I. Metrics of Phenomenological Virtual Experience. *RUDN J. Philos.*, 2024, vol. 28, no. 4, pp. 997–1013 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>
4. Elkhova O.I. Phenomenology of Virtual Reality Perception. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 97–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V378>
5. Stiegler B. Vremya chteniya i novye instrumenty pamyati [Reading Time and New Memory Tools]. *Lakanaliya*, 2019, no. 32, pp. 142–166.
6. Podoroga B.V. Essay on Bernard Stiegler's History of Mnemotechnics. *Omsk Sci. Bull. Ser. Soc. Hist. Mod.*, 2020, vol. 5, no. 4, pp. 42–47 (in Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2020-5-4-42-47>
7. Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More Than a Few Complications. *Soziale Welt*, 1996, no. 47, pp. 369–381.
8. Stephenson N. *Snow Crash*. New York, 1992. 440 p.
9. Stephenson N. *Snow Crash*. New York, 1992. 440 p. (Russ. ed.: Stivenson N. *Lavina*. Moscow, 2003. 446 p.).
10. Gibson W. *Neuromancer*. New York, 1984. 271 p.
11. Hern A. Mark Zuckerberg's Metaverse Vision Is Over. Can Apple Save It? *The Guardian*, 21 May 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it> (accessed: 1 April 2025).
12. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2005. 301 p.
13. Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford, 1998. 280 p.
14. Crogan P. Technics of Memory and Life: Bernard Stiegler in Memoriam. *Theory Cult. Soc.*, 18 August 2020. Available at: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/news-technics-of-memory-and-life-bernard-stiegler-in-memoriam> (accessed: 1 April 2025).
15. Stiegler B. *Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford, 2010. 312 p.
16. Derrida J. Archive Fever: A Freudian Impression. *Diacritics*, 1995, vol. 25, no. 2, pp. 9–63. <https://doi.org/10.2307/465144>

17. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Contemplations of Different Years]. Moscow, 1993, pp. 224–225.

18. Gabriel J. Heidegger on Technology. *Medium*, 10 May 2023. Available at: <https://medium.com/@jgab3103/heidegger-on-technology-7a85def9531c> (accessed: 1 April 2025).

Информация об авторах

О.И. Елхова – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Е.Ю. Макулина – аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the authors

Oksana I. Elkhova, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Evgenia Yu. Makulina, Postgraduate Student, Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 29.04.2025
Одобрена после рецензирования 13.08.2025
Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 29 April 2025
Approved after reviewing 13 August 2025
Accepted for publication 25 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 112–119.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 112–119.

Научная статья
УДК 177.7:140.8
DOI: 10.37482/2687-1505-V480

Онтологическое переосмысление феномена любви

Наталья Викторовна Уткина^{1✉}

Вячеслав Эмерикович Войцехович²

^{1,2}Тверской государственный университет, Тверь, Россия

¹e-mail: katana20@rambler.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4214-9848>

²e-mail: Voytsekhovich.VE@tversu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-7121>

Аннотация. В статье представлено понимание любви в интерпретации Платона, Аристотеля и В.С. Соловьева. Названные философы рассматривают любовь как многогранное явление, связанное с развитием природы человека и его добродетелей. Платон в диалоге «Пир» описывает любовь как процесс восхождения от телесного влечения к созерцанию абсолютно прекрасного, что отражает ступенчатую эволюцию человеческой способности любить. Аристотель в сочинении «Никомахова этика» связывает любовь с добродетелью, являющейся золотой серединой между крайностями, и подчеркивает ее роль в достижении блага через гармонию разума и чувств. В.С. Соловьев в трактате «Смысл любви» раскрывает любовь как силу, преодолевающую эгоизм и соединяющую людей на уровне вечного всеединства. Он выделяет ее способность трансформировать человека, которая поднимает последнего над физической ограниченностью и эгоцентризмом. Все три философа сходятся в том, что любовь – это не статичное чувство, а процесс, зависящий от уровня развития добродетелей и духовной зрелости человека. Авторы настоящей статьи выделяют три варианта восхождения человека по ступеням любви. В рамках первого любовь возникает случайно, и процесс идет «вслепую». Второй путь предполагает наставление и помощь со стороны мудрого наставника. Третий вариант подразумевает, что человек, готовый к духовному восхождению, синтезирует первый и второй этапы и проходит ступени совершенствования в любви, коррелируя свое восхождение с опытом других людей. Как жизненная случайность, так и осознанный выбор позволяют человеку восходить по ступеням духовности и постигать истинную любовь.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, В.С. Соловьев, онтология любви, философия любви, этапы любви, критерии любви, всеединство

Для цитирования: Уткина, Н. В. Онтологическое переосмысление феномена любви / Н. В. Уткина, В. Э. Войцехович // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 112-119. – DOI 10.37482/2687-1505-V480.

Original article

Ontological Rethinking of the Phenomenon of Love

Natalia V. Utkina^{1✉}

Vyacheslav E. Voytsekhovich²

^{1,2}Tver State University, Tver, Russia

¹e-mail: katana20@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4214-9848>

²e-mail: Voytsekhovich.VE@tversu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-7121>

Abstract. The article examines the understanding of love as presented by Plato, Aristotle, and Vladimir Solovyov. They viewed love as a multifaceted phenomenon connected with the development of human nature and the cultivation of virtues in a person. In the *Symposium*, Plato describes love as an ascending process – from physical attraction to the contemplation of absolute beauty – reflecting the gradual evolution of the human capacity to love. Aristotle, in *Nicomachean Ethics*, associates love with virtue as the golden mean between extremes, emphasizing its role in attaining the good through the harmony of reason and emotions. Solovyov, in his treatise *The Meaning of Love*, presents love as a force that overcomes egoism and brings people together in eternal all-unity, highlighting its transformative power that elevates a person beyond physical limitations and self-centredness. All three philosophers agree that love is not a static emotion but a dynamic process dependent on the development of virtues and spiritual maturity. The authors of this paper distinguish three ways in which a person can ascend the steps of love. In the first scenario, love arises by chance, and the process unfolds “blindly”. The second path involves guidance and assistance from a wise mentor. The third scenario includes a person who is ready for spiritual ascent, synthesizing the first and the second stages and progressing through the steps of perfecting love while correlating his/her ascent with the experience of others. Both the randomness of life and a conscious choice allow a person to ascend the steps of spirituality and attain true love.

Keywords: Plato, Aristotle, Vladimir Solovyov, ontology of love, philosophy of love, stages of love, criteria of love, all-unity

For citation: Utkina N.V., Voytsekhovich V.E. Ontological Rethinking of the Phenomenon of Love. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 112–119. DOI: 10.37482/2687-1505-V480

Введение. Феномен любви представляет собой одну из самых сложных и многогранных тем в философии.

Почему проблема любви важна сегодня? Это не просто вопрос личных отношений, но радикальный вызов всей системе позднекапиталистического миропорядка, ставящий под сомнение саму возможность подлинного человеческого существования в условиях тотальной коммодификации бытия.

Чтобы глубже понять сущность феномена любви, мы исследовали тексты, в которых

описаны вертикальные иерархии восхождения любви от низшей ступени к высшей. В данной статье мы сосредоточим внимание на трех работах мыслителей разных эпох – «Пир» Платона, «Никомахова этика» Аристотеля и «Смысл любви» Владимира Сергеевича Соловьева. Каждый из них предлагает уникальный взгляд на природу любви, ее развитие и значение в жизни человека.

Почему они, а не другие? Выбор обусловлен основополагающим вкладом этих мыслителей в метафизику, этику и онтологию любви,

а также диалектической взаимодополняемостью их идей в раскрытии сущности любви. Платон впервые в европейской традиции осмыслил любовь (эрос) не просто как страсть, а как метафизическую силу, ведущую от телесного влечения к абсолютной Идее Прекрасного [1]. Его «Пир» задает вертикаль любви – лестницу восхождения. Аристотель сместил акцент с платоновского трансцендентного эроса на человеческое измерение любви, связав ее с добродетелью, дружбой (филией) и мудростью. В «Никомаховой этике» он показал, как любовь укоренена в самой природе человека и реализуется в отношениях, а не только в созерцании. В.С. Соловьев, опираясь на античную и христианскую традиции, создал такую философию любви, где последняя предстает как онтологическая сила, преодолевающая эгоизм и ведущая к всеединству. «Оригинальность и глубина философской мысли В.С. Соловьева ставит его в один ряд с ведущими мировыми философами, что придает его элитности (реализованному внутреннему достоинству) уже элитарный (общепризнанный) характер», – пишет Л.Я. Подвойский [2, с. 49].

Хотя позднейшие мыслители (Августин, Данте, Кьеркегор, Фромм) углубляли тему любви, во многом они развивали или комментировали три указанных подхода. Платон, Аристотель и В.С. Соловьев представляют три эпохи (Античность, Классика, Новое время) и три метода (диалектика, этика, мистико-онтологический синтез), и это позволяет рассмотреть любовь во всей ее полноте. Их концепции образуют замкнутую логическую систему (тезис – антитезис – синтез), что делает анализ структурно цельным, а не эклектичным. Таким образом, выбор не случаен – названные мыслители задают каркас философии любви, без которого ее понимание остается фрагментарным. Исследование их текстов позволит нам проследить эволюцию любви и выявить ключевые аспекты, способствующие духовному совершенствованию человека.

Любовь у Платона как восхождение к Высшему. В «Пире» Платон описывает любовь с

точки зрения различных персонажей, в такой форме и таком содержании, к которым человек, возможно, только стремится.

Миф об андрогинах, рассказанный Аристофаном в «Пире», представляет собой символическое описание человеческого стремления к целостности и гармонии через любовь: «Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогины» [3, с. 217]. Люди мечтают найти свою «половинку», веря, что это восстановит их первоначальную природу – состояние единства. Данное стремление отражает глубокую потребность в соединении с другим человеком на уровне тела, души и духа. Любовь здесь представлена как целостность и гармония.

Однако далее Платон показывает, как часто это стремление оказывается иллюзорным. Люди ошибочно полагают, что физическое или эмоциональное единение с другим автоматически приведет к гармонии. На самом деле они попадают в дисгармонию, если отношения зависят от внешних факторов – телесной привлекательности или поверхностного сходства. Вместо истинного единства они создают связь, основанную на взаимных ожиданиях и потребностях, лишь частично приближающую их к мечте о любви.

Эта дисгармония приводит к тому, что многие живут в отношениях, напоминающих компромисс между реальностью и идеалом. Они продолжают искать утраченный смысл любви через физическую близость или эмоциональные привязанности, но не достигают полного удовлетворения.

Во-первых, восстановление собственной целостности путем физического единения со своей «половинкой» – это иллюзия, т. к. истинная гармония не может быть достигнута лишь телесно. Во-вторых, многие, основываясь только на физическом влечении, ошибочно полагают, что нашли свою «вторую половинку». Однако истинная любовь, по Платону, выходит за пределы физического и стремится к духовному единению. В-третьих, люди часто «промахи-

ваются», выбирая партнеров, которые не соответствуют их истинной природе, но все равно пытаются построить отношения, надеясь приблизиться к идеалу любви [4].

Таким образом, миф об андрогинах показывает, как люди, стремясь к идеалу любви и единства, часто попадают в ловушку иллюзий и компромиссов, довольствуясь несовершенными отношениями в попытке хоть как-то приблизиться к своей мечте о целостности и гармонии.

Платон через речь Сократа об Эроте в учении Диотимы описывает путь к любви. Здесь мы наблюдаем иерархию развития любви: «Вот каким путем нужно идти в любви – самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное» [3, с. 251].

Путь постижения любви представляет собой восхождение от простых форм проявлений прекрасного к более возвышенным. Начальный этап включает восхищение физической красотой одного человека и признание красоты многих людей. Однако важно не остановиться на этом, перейти к прекрасным нравам и добродетелям, а далее – к постижению учений, раскрывающих суть прекрасного на более высоком уровне. По мнению Платона, преодолевая эти ступени, человек может достигнуть понимания самой сути прекрасного – того, что лежит в основе всех его проявлений. Это понимание становится итогом осознанного восхождения [5].

Приведенное высказывание подчеркивает, что любовь – это не только чувства и внешние атрибуты, а глубокий философский путь, требующий постоянного развития и стремления к постижению прекрасного, предполагающий восхождение от материального к духовному. В конечном счете он ведет к познанию абсо-

лютно прекрасного, которое существует вне времени и пространства и, на наш взгляд, является подлинным смыслом жизни человека.

Этот процесс мы можем сравнить с лестницей, где каждая ступень – новый уровень понимания, а цель его – достижение истины. Такой подход к постижению любви подразумевает связь с мудростью, самопознанием и духовным ростом.

Любовь у Аристотеля как процесс одухотворения. Аристотель в «Никомаховой этике» в качестве разновидности любви рассматривает любовь-дружбу (*philesis*). Насколько развиты в человеке добродетели, считает философ, настолько он способен к дружбе: «Итак, в дружбе, основанной на пользе, люди любят то, что для них благо, а в дружбе, основанной на приятном, – то, что им приятно, и друга в этих случаях любят не потому, что он заслуживает любви, а потому что он полезен или приятен... Совершенно дружба хороших людей и одинаково добродетельных. Такие люди одинаковым образом желают друг другу блага, поскольку они сами хороши, а хорошим человек бывает безотносительно. <...> ...В таких людях любовь и дружба прекраснее всего» [6, с. 155–176].

Аристотель пишет, что люди любят друг друга по трем причинам: ради пользы, ради удовольствия и из добродетели. Эти три причины соответствуют трем видам любви-дружбы, которые он описывает. Исследовав эти виды, мы выстроили их в иерархию, где каждый уровень представлен с точки зрения мотивации, глубины и устойчивости.

Дружба, основанная на пользе (начальный уровень): мотивирована личной выгодой; люди поддерживают отношения, потому что получают от них практическую пользу; дружба длится до тех пор, пока есть выгода.

Дружба, основанная на удовольствии (средний уровень): мотивирована получением удовольствия; люди дружат, потому что им приятно проводить время вместе; дружба сохраняется, пока есть общие интересы или эмоциональная привязанность.

Дружба, основанная на добродетели (высший уровень): возникает из осознанного вы-

бора; добродетельные люди стремятся к благу тех, к кому испытывают дружеские чувства, и делают это не из страсти, а из глубины своей души (заботясь о своем друге, они заботятся и о собственном благе, ведь добродетельный человек становится источником добра для своего друга); такая дружба долговечна, т. к. основана на глубоком уважении и общих нравственных ценностях.

Высшую ступень в этой иерархии мы отвели дружбе, основанной на добродетели. У Аристотеля находим прямую аналогию между учением о форме и материи, где все существующее есть ступени восхождения к Богу (материя, камень, растение, животное, человек, Бог) и одухотворения в любви (польза, приятность, добродетель). Добродетель – высшая стадия одухотворения, проявление в людях все более высоких свойств, приближающих их к Богу как форме форм.

Любовь у В.С. Соловьева как процесс обожения, восхождения к Богу. В своей четвертой статье цикла «Смысл любви» В.С. Соловьев пишет: «Но в человеке кроме животной природы и социально-нравственного закона есть еще третье, высшее начало – духовное, мистическое или божественное. Оно и здесь, в области любви и половых отношений, есть тот “камень, его же небрегоша зиждущии” и “той бысть во главу угла”. Прежде физиологического соединения в животной природе, которое ведет к смерти, и прежде законного союза в порядке социально-нравственном, который от смерти не спасает, должно быть соединение в Боге, которое ведет к бессмертию, потому что не ограничивает только смертную жизнь природы человеческим законом, а перерождает ее вечною и нетленною силою благодати. Этот третий, а в истинном порядке – первый элемент с присутствиями ему требованиями совершенно естествен для человека в его целостности как существа, причастного высшему божественному началу и посредствующего между ним и миром. А два низшие элемента – животная природа и социальный закон, – также естественные на своем месте, становятся противоестественными, ког-

да берутся отдельно от высшего и полагаются вместо него» [7, с. 109]. В.С. Соловьев в своем трактате проводит глубокий философский анализ человеческой природы, выделяя три ее аспекта: животный, социально-нравственный и духовный. Эти уровни, на наш взгляд, не только отражают эволюцию человеческого сознания, но и демонстрируют, как любовь может служить инструментом преодоления ограниченности человеческого существования и достижения высшего единства – всеединства.

Животная природа человека. На этом уровне человек руководствуется естественными инстинктами, прежде всего стремлением к удовлетворению половой потребности. Соловьев отмечает, что такая форма любви, хотя и является естественной для человека как биологического существа, противоречит его высшей природе. Животная любовь, будучи направленной исключительно на физиологическое удовлетворение, не способствует духовному развитию и, более того, ведет к дезинтеграции человеческого существа. Она ограничивается материальным соединением, которое, по сути, является временным и не способно преодолеть конечность человеческого существования, неизбежно ведущего к смерти.

Социально-нравственная природа человека. На этом уровне человек выходит за пределы чисто животного существования, подчиняя свои инстинкты моральным требованиям. Данный уровень предполагает ограничение физиологических функций в соответствии с социальными нормами, такими как создание семейного союза. Однако, по Соловьеву, даже в рамках социально-нравственного порядка человек остается в состоянии половинчатости, поскольку семейный союз, хотя и упорядочивает жизнь, не преодолевает смертную природу человека. Социально-нравственный закон, будучи внешним ограничителем, не способен обеспечить бессмертие или подлинное единство, т. к. остается связанным с материальными и временными аспектами человеческого существования.

Духовная природа человека. Высший уровень человеческой природы, по Соловьеву, –

это духовное начало, которое связывает человека с божественным. Духовная любовь предполагает соединение не на физиологическом или социальном уровнях, а в Боге, что открывает путь к бессмертию. В отличие от животной и социально-нравственной духовная любовь основывается на познании истины, перерождает человеческую природу, наполняя ее вечной и нетленной силой благодати. Соловьев показывает, что через духовное начало человек может достичь подлинного единства и преодолеть ограниченность своей смертной природы. Духовная любовь становится актом творчества, в котором человек реализует свою высшую природу и приближается к идеалу всеединства [8].

Соловьев рассматривает любовь как силу, способную преобразить не только человеческое общество, но и весь космический порядок. Он полагает, что через духовную любовь человек может установить сизигическое (гармоничное) единство с природой, преодолевая ее деспотическое или чуждое отношение к человеку. Это единство, основанное на любви, становится способом одухотворения материального мира и воплощения в нем идеалов всеединства. Таким образом, любовь у В.С. Соловьева – это не только личное чувство, но и универсальный принцип, связывающий человека с абсолютным началом и открывающий путь к вечной жизни.

Исследовав статьи о любви В.С. Соловьева, мы пришли к выводу, что он видит в любви ключ к преодолению ограниченности человеческой природы, достижению высшего единства. Животная и социально-нравственная любовь, хотя и играют свою роль в упорядочении жизни, не в силах обеспечить подлинное бессмертие. Только духовная любовь, основанная на соединении с божественным началом, позволяет человеку выйти за пределы своей смертной природы и реализовать свою высшую сущность. В этом смысле любовь становится не только личным переживанием, но и космической универсальной силой, способной преобразить мир и привести его к гармонии и вечности.

Как философ Соловьев развивался главным образом под влиянием диалектики Гегеля, любовь у которого – не столько состояние, сколько процесс отождествления, т. е. стремление субъектов к тождеству [9], что на высшем уровне есть слияние с Богом.

Сходное с Соловьевым понимание любви как процесса одухотворения человека и Вселенной дает Шри Ауробиндо. В поэме «Савитри» он описывает, как Бог присылает в мир Божественную Мать (Divine Mother). Она рождается в семье царя и живет как земной человек, вырастает и выходит замуж [10]. Через год ее муж умирает, и Бог Смерти забирает его, «в этот момент она становится Божественной Матерью и следует за Богом Смерти в Ад, освещая все на своем пути, как Божественная Мать. В конце концов, ему, Богу Смерти, стало трудно от этого света, и он отпустил душу ее возлюбленного. Это история о том, как Любовь может превозмочь смерть» [11, с. 51].

Онтологическая сущность любви и пути ее постижения. Философские концепции любви у Платона, Аристотеля и Соловьева в совокупности олицетворяют *единую траекторию восходящего развития любви* – от земной страсти к трансцендентному единству. Хотя каждый мыслитель рассматривает любовь под особым углом, их модели взаимодополняют друг друга, формируя целостное представление о любви как о восходящей силе, преобразующей человеческое бытие.

Несмотря на различия, все три философа сходятся в том, что любовь:

- *динамический процесс*, требующий постоянного роста и усилий, а не готовое состояние;
- *преобразующая сила*, очищающая индивида (Платон), связывающая людей (Аристотель) и восстанавливающая мировой порядок (Соловьев);

- *телеологична*, т. е. ведет к высшей цели: Прекрасному (Платон), Благу (Аристотель) или Богочеловеческому единству (Соловьев).

Следовательно, вертикальное развитие любви, будь то диалектическое восхождение, этическая практика или мистическое соединение, раскрывает ее *онтологическую сущность*: любовь

оказывается тем путем, благодаря которому человек превосходит свою ограниченность, реализуя глубочайшее духовное и нравственное предназначение.

В трех рассмотренных концепциях описаны ступени восхождения и представлены критерии каждой из них. Как же человек может восходить по ступеням к высшему пониманию любви?

Если человек, находясь на нижней ступени, продолжает любить, то установить, поднялся ли он выше, не всегда возможно, ведь для этого нужны различительные способности уже второй ступени развития. Мы решили последовать совету Платона – учиться любви «под чьим-либо руководством». И тут возникает другая трудность: как найти мудрого наставника? Как понять, что наставник мудр, если ищущий находится на нижней ступени и в мудрости еще не разбирается?

В результате мы пришли к выводу, что есть три выхода.

Первый: жизнь сама учит, любовь – это дело случая. Можно пытаться искать самому, опираясь только на собственный опыт, и по своим или найденным критериям различать уровни любви. Так, в статье Абрахима Хана «Работы о любви Кьеркегора как способ научения быть человеком» мы нашли описание трех критериев любви для самопроверки из главы 9 книги

Кьеркегора «Дела любви» [12]. Кьеркегор предлагает использовать отношение к умершим как тест на подлинность любви: бескорыстие (любовь к ушедшим исключает расчет на взаимность, т. к. они «не-сущие»: если человек любит их, его чувство лишено эгоизма); свобода (умерший не может манипулировать или принуждать, поэтому любовь к нему – акт чистой воли, не обусловленный внешним давлением); истинность (умершие не меняются, их статичность показывает, способен ли субъект хранить любовь вне зависимости от обстоятельств).

Второй путь – найти другого человека, которому можно довериться, принять его как мудрого наставника и учиться любви под его руководством.

Третий – это синтез первого и второго: человек идет дальше сам, время от времени коррелируя свое движение с опытом других людей.

Таким образом, согласно Платону, Аристотелю, В.С. Соловьеву, любовь есть процесс духовного совершенствования, стремления к отождествлению с избранным Другим на пути к Целостному Единству. Мы убедительно обосновали возможность восхождения по лестнице любви путем восторженного стремления одарить избранного Другого жаром беззаветного служения ему в его стремлении постичь великую тайну Целостного Единства.

Список литературы

1. Вернякова В.Е. Философия любви Платона: восхождение к идеалу и непреходящая ценность // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. развитию унив. образования в России: в 2 т. / под ред. Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. СПб.: СПбГУПТД, 2024. Т. 2. С. 197–202.
2. Подвойский Л.Я. Философия любви и совершенства В.С. Соловьева // Вопр. элитологии. 2020. Т. 1, № 1. С. 45–76. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.3>
3. Платон. Пир // Платон. Диалоги. Апология Сократа. М.: АСТ, 2019. С. 193–268.
4. Войцехович В.Э. Любовь как Единое // Интегр. философия. 2012. № 2. С. 12–18. URL: <https://allunity.ru/journals/J2.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).
5. Уткина Н.В. Опираясь на Платона в поисках методов развития человека сегодня // Философия и культура информационного общества: тез. докл. Десятой междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ГУАП, 2022. С. 317–319.
6. Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
7. Соловьев В. Статья четвертая // Соловьев В. Смысл любви. СПб.: Азбука, 2016. С. 101–121.

8. Соловьев В. Статья пятая // Соловьев В. Смысл любви. СПб.: Азбука, 2016. С. 121–138.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Мысль, 1975–1977. Т. 1. 1975. 536 с.; Т. 2. 1977. 572 с.
10. Aurobindo S. Savitri. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1997. 763 p.
11. Гинзбург Т.И., Широков Г.А. Я здесь! М.: АБВ, 2018. 413 с.
12. Khan A.H. Kierkegaard's Works of Love as Resource for Learning to Be Human: A Starting Point // Res. Eur. J. Humanit. Soc. Sci. 2018. Vol. 1, № 1. P. 17–26.

References

1. Vernyakova V.E. Filosofiya lyubvi Platona: voskhozhdenie k idealu i neprekhdnyashchaya tsennost' [Plato's Philosophy of Love: Ascent to the Ideal and Enduring Value]. Vatolina Yu.V., Minin A.S. (eds.). *Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra* [Humanities in Modern Higher Education: Past, Present, Future]. St. Petersburg, 2024. Vol. 2, pp. 197–202.
2. Podvoyskiy L.Ya. Filosofiya lyubvi i sovershenstva V.S. Solov'eva [The Philosophy of Love and Perfection of V.S. Soloviev]. *Voprosy elitologii*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 45–76. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.3>
3. Plato. Pir [Symposium]. Plato. *Dialogi. Apologiya Sokrata* [Dialogues. The Apology of Socrates]. Moscow, 2019, pp. 193–268.
4. Voytsekhovich V.E. Lyubov' kak Edinoe [Love as the One]. *Integral'naya filosofiya*, 2012, no. 2, pp. 12–18. Available at: <https://allunity.ru/journals/J2.pdf> (accessed: 5 July 2025).
5. Utkina N.V. Opirayas' na Platona v poiskakh metodov razvitiya cheloveka segodnya [Turning to Plato in Search of Methods of Human Development Today]. *Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva* [Philosophy and Culture of the Information Society]. St. Petersburg, 2022, pp. 317–319.
6. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow, 2020. 222 p.
7. Solovyov V. Stat'ya chetvertaya [Article Four]. Solovyov V. *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. St. Petersburg, 2016, pp. 101–121.
8. Solovyov V. Stat'ya pyataya [Article Five]. Solovyov V. *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. St. Petersburg, 2016, pp. 121–138.
9. Hegel G.W.F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. Moscow, 1975–1977. Vol. 1. 1975. 536 p.; Vol. 2. 1977. 572 p.
10. Aurobindo S. Savitri. Pondicherry, 1997. 763 p.
11. Ginzburg T.I., Shirokov G.A. *Ya zdes'!* [I'm Here!]. Moscow, 2018. 413 p.
12. Khan A.H. Kierkegaard's Works of Love as Resource for Learning to Be Human: A Starting Point. *Res. Eur. J. Humanit. Soc. Sci.*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 17–26.

Информация об авторах

Н.В. Уткина – аспирант кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета (адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

В.Э. Войцехович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета (адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Information about the authors

Natalia V. Utkina, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University (address: ul. Zhelyabova 33, Tver, 170100, Russia).

Vyacheslav E. Voytsekhovich, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University (address: ul. Zhelyabova 33, Tver, 170100, Russia).

Поступила в редакцию 19.04.2025
Одобрена после рецензирования 12.09.2025
Принята к публикации 22.09.2025

Submitted 19 April 2025
Approved after reviewing 12 September 2025
Accepted for publication 22 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 120–127.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 120–127.

Научная статья
УДК 17:159.9
DOI: 10.37482/2687-1505-V481

К проблеме этических оснований психологии

Лилия Ивановна Коростелева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
e-mail: Lila31@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4812-9669>

Аннотация. Автор статьи обращается к важнейшей, с его точки зрения, проблеме этических оснований психологии и концентрирует внимание на трех базовых моделях: сократической, софистической и экзистенциальной. Сократическая модель исходит из представления о тесной связи между онтологией и этикой. В философском осмыслении (Сократ, Платон, Аристотель, Кант) цель данной модели (благо) задается как модуляция добродетельной жизни, а в основе модели лежит вопрошание о душе. Именно вопрошание о душе закладывает фундамент будущей науки – психологии. Ее коренное отличие от современной психологии заключается в этико-центрированном образе человека. Софистическая модель, укоренившаяся в культуре, выступает формой этического релятивизма, проявляется в размывании значимости этики истины (Гуссерль, Адорно, Тиллих, Бадью) и, соответственно, обесценивании этических норм, а значит, и самой идеи субъектности. Данная модель специфицирует потребности психологического конформизма – оборотной стороны личностного кризиса. Экзистенциальная модель представляет собой попытку реабилитации этики истины в теоретическом (через влияние философии) и прикладном значении. Речь идет о значимости перехода от философской теории к жизненной (экзистенциальной, субъективной) практике. Актуальность темы обусловлена акцентом на этическом измерении психологии в связи с возникающей потребностью в понимании значимости так называемого статуса истины, что, по мысли автора, имеет терапевтический эффект. Личный профессиональный опыт автора статьи подтверждает эффективность опоры на философию и этику в психологической практике. Наметившийся в последние несколько лет запрос на экзистенциально-ориентированную стратегию свидетельствует о необходимости научного обоснования данной темы.

Ключевые слова: этика, психология, сократическая модель, софистическая модель, этический релятивизм, экзистенциальная модель

Для цитирования: Коростелева, Л. И. К проблеме этических оснований психологии / Л. И. Коростелева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 120-127. – DOI 10.37482/2687-1505-V481.

Original article

On the Ethical Foundations of Psychology

Liliya I. Korosteleva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,

e-mail: Lila31@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4812-9669>

Abstract. The article addresses a most important, in the author's opinion, issue of the ethical foundations of psychology and is structured around three main models: Socratic, sophistic and existential. The Socratic model is based on the idea of a close connection between ontology and ethics. In the philosophical understanding (Socrates, Plato, Aristotle and Kant), the goal of this model (Good) is a modulation of a virtuous life, and at the model's core is the questioning about the soul. It is the questioning about the soul that lays the foundation of the future science of psychology. Its fundamental difference from contemporary psychology is in the ethics-centred image of man. The sophistic model, rooted in culture, is a form of ethical relativism, manifesting itself in the erosion of the significance of the ethics of truth (Husserl, Adorno, Tillich and Badiou), and, consequently, in the devaluation of ethical norms and, therefore, of the very idea of subjecthood. This model specifies the needs of psychological conformism, which is the reverse side of the personal crisis. The existential model is an attempt to rehabilitate the ethics of truth in the theoretical (through the influence of philosophy) and applied meanings. The article focuses on the importance of transitioning from philosophical theory to the practice (existential, subjective) of life. The relevance of this topic is driven by the emphasis on the ethical dimension of psychology, as there is a growing need to understand the significance of the so-called status of truth, which, according to the author, has a therapeutic effect. The author's personal professional experience confirms the effectiveness of relying on philosophy and ethics in psychological practice. The recent demand for an existentially oriented strategy highlights the need for a scientific foundation for this topic.

Keywords: *ethics, psychology, Socratic model, sophistic model, ethical relativism, existential model*

For citation: Korosteleva L.I. On the Ethical Foundations of Psychology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 120–127. DOI: 10.37482/2687-1505-V481

Проблема этических оснований психологии отсылает к ряду важных теоретических и прикладных измерений. Во-первых, к взаимоотношениям философии и психологии с точки зрения взаимовлияний и взаимодействий. Основным теоретическим и практическим сопряжением является влияние этики на возникшую в недрах философии психологию. В своих истоках психология была призвана (во всяком случае, по мысли ее основателя Аристотеля) воспитывать добродетельного гражданина полиса. Во-вторых, к транслируемым и задаваемым философией стратегиям, которые мы не можем не учитывать при формировании общего взгляда на заявленную тему. Сегод-

няшнее состояние психологии таково, что эти изначальные интенции утратили значимость и внятность.

Опыт ведения экзистенциальных групп на протяжении нескольких лет, который нам удалось описать в монографиях [1, 2], заставил задуматься о терапевтическом влиянии философии (в данном случае мы подразумеваем именно этическое ее измерение) на психологию. Об этом свидетельствует и ряд работ, в частности исследования Рана Лахава, автора подхода в психотерапии, названного им глубинной философией или философским консультированием [3], а также Эмми ван Дорцен [4] и тех, кто близок к экзистенциально-ориентированной психологии.

Р. Лахав отмечает, что долгосрочная цель философского партнерства заключается в преобразовании личности, которой требуется «выйти за рамки обычных психологических схем и структур к большим измерениям существования» [3, с. 7]. Безусловно, основательность в размышлении требует от человека того, чтобы он вышел за пределы своего «“маленького я” и открыл для себя более широкие горизонты человеческого существования... иного способа бытия с собой и другими» [3, с. 3].

Способ бытия с другими имплицитно подразумевает сферу этического взаимодействия. Философское партнерство Р. Лахав сравнивает с музыкальным концертом или даже молитвой, которая способна «повернуть» к глубине существования, внутреннему измерению. Философское консультирование нацелено на глубину понимания, а не на конечный результат в виде временного улучшения текущего состояния. Э. ван Дорцен считает, что качественная терапевтическая помощь невозможна без философского вопрошания: «Из философского обозрения условий человеческого существования мы можем извлечь один очень важный урок. Если мы захотим хоть как-то это человеческое существование понять, нам не следует ограничиваться изучением психологии» [4, с. 151]. Таким образом, последовательно опираясь на этику, мы можем выявить такую модель, которая способна помочь профессионалу с обнаружением смысловых опор для эффективного ведения своей деятельности. В истории философии подобный опыт уже был осуществлен, и далее мы последовательно опишем его в виде условных моделей.

Первая модель получила имя сократической. В ее основе – вопрошание о душе, и именно это вопрошание сформировало базу будущей науки – психологии. Ее ключевое отличие от той психологии, которая существует сегодня, заключается в этико-центрированном образе человека. В этом же коренное отличие от дофилософского периода человеческой истории.

До размышлений Сократа о душе основной моделью поведения для греков служила мифо-

логия. Характерной чертой античной мифологии являлась «заикленность» на теме судьбы и рока как безусловной необходимости. Человеческое существо оказывается второстепенным на фоне воли богов, участь человека – «быть чужаком в жилище богов» [5, с. 91–92]. В диалоге Платона «Протагор» показан мифологический образ возникновения у людей представления о добре и зле. Платон иронизирует над условностью понятий добра и зла (правды и стыда) в мифологическом прочтении. Зевс, например, вправе проявлять жестокость по отношению к тем, кто не может быть причастным стыду и правде, таких «следует убивать как язву общества» [6, с. 211]. По мнению Протагора, человеку выгодно провозглашать себя справедливым, чтобы сохранить репутацию, более того, такому искусству они, софисты, готовы обучить. Стыду и правде, уверяет Протагор, не только можно, но и нужно обучать с самого раннего детства, не гнушаясь никакими средствами: «И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое, согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями» [6, с. 211]. Насилие выступает способом институализации внешних правил.

Античный рационализм в лице Сократа, Платона и Аристотеля опирается на иные способы обучения добру. Мы наблюдаем последовательное интеллектуальное движение к собиранию (соединению) в один узел логического и этического, сперва на уровне тематизации, а затем и в виде практических правил (беседа у Сократа, диалектический метод Платона, этика Аристотеля). На начале логического знания Сократ возводит систему истинного разумного поведения, а высшее благо и добродетель сводятся у него к познанию блага: «Благо, опознанное человеком, понятое им, является не только достаточным основанием благого поведения, но его необходимою причиной» [7, с. 26]. Человек оказывается для Сократа моральным существом, которое перепроверяет условия своего существования, соотнесенные с образом истины.

Отношение к статусу истины приводит к роковому для Сократа конфликту с софистами.

И мы подходим вплотную к описанию софистической модели, в которой меняются статус истины и отношение к ней. Своеобразная адаптация к подвижности взгляда (мнения) обесценивает сосредоточенность на одном, или Едином. В ситуации подвижности взгляда в отношении чего бы то ни было актуален упрек Сократа в адрес софистов в том, что они постоянно меняют свои мнения в зависимости от получаемых выгод (вспомним мифологическую теорию правды и стыда Платона). У М. Хайдеггера обнаруживаем ироничный пассаж об этой особенности софистической модели. Вы, говорит Сократ, обращаясь к софистам, всегда говорите о чем-то новом и о чем-то другом. Куда как труднее «говорить то же самое о том же самом» [8, с. 56]. Симптоматично и то, что противостояние сократической и софистической моделей, кульминацией которого стала казнь Сократа, не прекратилось и в последующие эпохи. Историческое развитие этого конфликта можно описать как необратимое движение от представления об этике истины к этике ценностей и как сходное с теми процессами, которые мы наблюдаем и в культуре, и в самой психологии.

Возникнув в пространстве философского знания, в частности в текстах Платона и Аристотеля, как вопрошание о душе, к эпохе Нового времени психология почти полностью утратила свою этическую направленность. Ключевыми особенностями этого периода стали сциентификация, разработка научного метода и установление предметности (объективации) в качестве собственной темы науки. В психологии возникла тенденция к раздроблению и автономизации различных подходов к одной и той же проблеме. На этой основе к XX столетию вырос весь корпус поведенческой и телесно-ориентированной аналитики.

Весьма значимым с точки зрения критicisma в отношении указанной тенденции является книга Теодора Адорно «*Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни», название которой отсылает к классической работе «*Magna moralia*» («Большая этика») Аристо-

теля. Немецкий философ показывает «темные» стороны софистической модели, вводя концепт человека-объекта. Тезис Протагора о человеке как мере всех вещей имплицитно стирает грань между человеком и вещью. Думающий так человек сам становится своего рода вещью, или, как принято говорить в философии, объектом. Отрицание объективной истины включает в себе отрицание самого субъекта: «...никакая мера больше не служит мерой всех вещей, она отдается на откуп контингентности и становится неистинной» [9, с. 79]. Адорно обвиняет психологию в десубъективации субъекта, способствовании (методическом и эпистемологическом) превращения субъекта в объект. Психология словно рассекает, множит (вспомним теорию Платона о многоликости) человека на отдельные части. Философ верно обозначает феномен множественных психотехник, имманентных принципу де-субъективации, как «упадочную форму психологии» [9, с. 80].

Еще одной характерной чертой софистической модели, о которой в разное время писали такие авторы, как Э. Гуссерль, П. Тиллих и А. Бадью, является тенденция к этическому релятивизму. П. Тиллих замечает, что этика истины уже к началу кризиса классической онтологии была подменена этикой ценностей. Ценности перестали зависеть от онтологии, что в новом прочтении означало: «добро, красота, истина выше бытия» [10, с. 52]. Тиллих не видит в этике ценностей ничего ценного – лишь способ прагматического избегания проблемы обоснования этических норм. Еще раньше основатель феноменологии Гуссерль высказался о ценностном подходе как определяющем способе мышления современности: «Сквозь всю жизнь проходит направленность на ценность и... возникают из психических форм новые формы» [11, с. 194]. Эти новые формы, как мы видим, образуют пространство этического релятивизма, в котором ценностью может являться все что угодно. В качестве примера приведем отрывки из эссе студентов – будущих психологов, в которых они интерпретируют понятие категорического им-

ператива в связи с общей проблематикой этики истины и этического релятивизма (имена указаны с согласия авторов, стиль и авторская пунктуация сохранены):

Для меня, как для личности, сложно брать во внимание чужие желания, т. е. я не смотрю на других, я делаю именно так, как хочется мне, потому что это моя жизнь, она не зависит от кого-либо. Поэтому сложно говорить в наше время про общечеловеческие правила и желания других. Больше половины людей делают как я, т. е., не слушают чужого мнения (Алексей);

Человек должен поступать в жизни по правилам, которые имеют силу закона, как для него, так и для других; Человек должен относиться к людям так, как хочет, чтобы они относились к нему; Человек не должен рассматривать другого человека как средство для извлечения личной выгоды. Обо всем этом говорил Кант. Но возможно ли это? Знаете, я много раз видел, как люди падают в безнравственность ради достижения своих желаний, и те люди даже не осознавали, как тот или иной поступок повлияет на других – они об этом не думали. И сильно сомневаюсь, что, если все люди прочитают «Лекции по этике», то переосмыслят свои поступки и начнут вести себя как полагает человеку в обществе. Слишком много людей одиночников на нашей планете Земля. Так что реализация категорического императива невозможна – это утопия, хоть и очень прекрасная. Осознавая это, мне становится грустно, неужели люди никогда не смогут достичь настоящего мира. Я же, наверное, начну следовать этим правилам, чтобы надежда все-таки была (Михаил);

Надо ли совершенствовать свою волю, заставляя себя следовать каким-то правилам, или же надо просто следовать своим желаниям? Смысл жизни состоит в том, чтобы получить от жизни максимум удовольствий, чтобы свести к минимуму свои страдания... следование своим желаниям и ведет к достижению счастья (Дарья).

Если бы нужно было на конкретном примере показать, что мы понимаем под эти-

ческим релятивизмом, мы могли бы использовать представленные высказывания студентов. «Следовать своим желаниям», «делаю так, как хочется мне», «говорить безоценочно» – это софистическая модель. В ее эпицентре – психологический конформизм и де-субъективация.

Но наиболее проблематичной видится тенденция к общей нигилизации сознания, к отсутствию онтологических маячков-ориентиров, которые в разных философских системах и у разных авторов, начиная с Платона, обозначены как идея блага, добро, смысл, истина или даже «множественные истины», как у «неоплатоника» Бадью. Бесспорно, такого рода концепты воспринимаются как непередаваемые, о чем, кстати, пишет Бадью в своих диалогах о философии [12, с. 151]. Между тем миссия философии во взаимодействии с психологией видится именно в наведении мостов между философским убеждением в том, что истина есть, и практическим императивом, особым видением жизни, при котором человеку есть на что опереться, кроме как на примитивные материализм и физикализм. По словам Бадью, «то, что одаривает настоящей жизнью и ориентирует на существование, – это причастность к этим истинам» [12, с. 157]. «Только путем настоящего извращения, цена которого будет в масштабе истории просто ужасающей, удалось уверовать, что некая “этика” может опираться на культурный релятивизм. Ведь это притязание на то, что основой закона может быть случайное положение вещей» [13, с. 47].

Внутри этического релятивизма отсутствует пространство выбора и свободы, без которых человек не более чем жертва обстоятельств и ситуаций: «Человек – это тот, кто способен признать себя жертвой. Именно это определение и следует объявить неприемлемым» [13, с. 25]. Состояние жертвы – это состояние животного начала в человеке. В качестве жертвы, как и в качестве палача, человек ничтожен, неприемлем. Бадью отстаивает значимость этики ис-

тины: «Нет этики, кроме этики истин. Или точнее: нет этики, кроме этики процессов истины, тех трудов, которые приводят в этот мир ряд истин» [13, с. 50]. В этике истины сохраняется ключевой онтологический вопрос: как продолжать Быть? Как продолжать оставаться Человеком?

В психологической практике с подобным запросом работает экзистенциально-ориентированная психология. Данное направление всецело опирается на феноменолого-экзистенциальную философию, что хорошо исследовано, в частности в нашей статье [14]. Если бы нужно было указать основные идеи феноменолого-экзистенциальной стратегии в психологии, в качестве структурирующей все это влияние мы бы назвали поворот к теме сознания. Значимость категории сознания для философии бесспорна, но чем психология хуже? Под сознанием в разных психологических и особенно психотерапевтических исследованиях понимаются субъективность, личностность, экзистенциальность и т. д. Ни одно из названных понятий не удастся развернуть ни в методологическом, ни в терапевтическом значении без обращения к этике истины.

В настоящей статье мы не станем подробно описывать все имеющиеся стратегии в психологии, связанные с данной темой, это задача другого исследования, но в качестве примера рассмотрим некоторые идеи Джеймса Бьюдженталя – основателя экзистенциально-гуманистического направления в психологии. Для описания феномена субъективности он использует гераклитовскую метафору реки («река субъективного»), что делает этот образ весьма убедительным [15, с. 211]. Сфера субъективного у Бьюдженталя соотносится с интенциональным опытом (Гуссерль), говоря философским языком – тождественна сознательным актам субъекта. С этической точки зрения человеческая интенциональность (напор) стремится подчинить себе все остальные силы и энергии, как человеческие, так и нечеловеческие, и в данном стремлении мо-

жет быть небезопасной или агрессивной. Но в этом и ее творческий потенциал. Интенциональность, или человеческая субъективность, в позитивном развитии представляет собой творческую силу. Важно отметить, что Бьюдженталь, в духе приведенных выше высказываний Адорно, Тиллиха и Бадью, критикует тенденцию к кризису субъективности посредством объективации. Изначальный дом каждого человека, пишет он, оказывается под угрозой. Превращение людей в объекты Бьюдженталь сравнивает с чумой нашего времени. Опасность кризиса субъективности с психологической точки зрения заключается в том, что объекты не обладают силой.

Подводя итог, отметим, что в результате описания трех стратегий, или моделей (сократической, софистической и экзистенциальной), нам удалось обосновать значимость и актуальность опоры на этику в психологии, особенно в психологической практике. Обращение к трем различным стратегиям позволяет увидеть хрупкость отстаиваемого в этой статье феномена этики истины. Софистическая модель как форма этического релятивизма – скорее правило, чем исключение. Попытка найти выход из ситуации сопряжена для нас с обращенностью (теоретической и профессиональной) к экзистенциальной модели, которая являет собой попытку реабилитации этики истины в теоретическом (через влияние философии) и прикладном значении. Здесь мы говорим о важности перехода от философской теории к жизненной (экзистенциальной, субъективной) практике. Акцентуализация на этическом измерении психологии определена изначально философским вопрошанием об истине или «статусе истины». Данное вопрошание и, по сути, переориентация психологии на другие основания имеют, по нашему мнению, терапевтический эффект, что подтверждено практикой и личным профессиональным опытом автора в экзистенциально-ориентированном ключе и свидетельствует о необходимости научного обоснования данной темы.

Список литературы

1. Кабанова (Коростелева) Л.И. Траектории сознания: по итогам работы экзистенциальной группы. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. 104 с.
2. Коростелева Л.И. Зарисовки к работе экзистенциальной группы (Философия психологических практик). Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. 88 с.
3. Лахав Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения. Б. м., б. г. 62 с.
4. ван Дорцен Э. Повседневные тайны. Экзистенциальные измерения психотерапии. М.: ИОИ, 2019. 446 с.
5. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А.Б. Григорьева, под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 528 с.
6. Платон. Протагор // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. С. 193–261.
7. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. СПб.: Унив. кн.; Изд-во Олега Абышко, 2009. 605 с.
8. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. с нем. И. Глухой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
9. Адорно Т. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 392 с.
10. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2018. 128 с.
11. Гуссерль Э. Введение к лекциям по феноменологической психологии // Логос. 2014. № 4. С. 187–214.
12. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2016. 192 с.
13. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
14. Кабанова (Коростелева) Л.И. Философские основания феноменолого-экзистенциального подхода в психологии: опыт междисциплинарных исследований. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. 107 с.
15. Бьюдженталь Дж. Психотерапия – это не то, что вы думаете. Психотерапевтическое взаимодействие в живом мгновении. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2024. 304 с.

References

1. Kabanova (Korosteleva) L.I. *Traektorii soznaniya: po itogam raboty ekzistentsial'noy gruppy* [Trajectories of Consciousness: Results of the Work of the Existential Group]. Petrozavodsk, 2020. 104 p.
2. Korosteleva L.I. *Zarisovki k rabote ekzistentsial'noy gruppy (Filosofiya psikhologicheskikh praktik)* [An Account of the Work of the Existential Group (Philosophy of Psychological Practices)]. Petrozavodsk, 2022. 88 p.
3. Lahav R. *Rukovodstvo po filosofskomu partnerstvu: printsipy, protsedury, uprazhneniya* [A Guide to Philosophical Partnership: Principles, Procedures, Exercises]. (n.d., s.l.). 62 p.
4. van Deurzen E. *Everyday Mysteries: A Handbook of Existential Psychotherapy*. London, 2010. 383 p. (Russ. ed.: van Dortsen E. *Povsednevnye tayny. Ekzistentsial'nye izmereniya psikhoterapii*. Moscow, 2019. 446 p.).
5. Heidegger M. *Überlegungen VII–XI: (Schwarze Hefte 1938–1939)*. Frankfurt am Main, 2014. 455 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)*. Moscow, 2018. 528 p.).
6. Plato. Protagor [Protagoras]. Plato. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. St. Petersburg, 2006. Vol. 1, pp. 193–261.
7. Trubetskoy S.N. *Uchenie o Logose v ego istorii* [The Doctrine of Logos in Its History]. St. Petersburg, 2009. 605 p.
8. Heidegger M. *Zollikoner Seminare: Protokolle – Zwiegespräche – Briefe*. Frankfurt am Main, 2006. 381 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Tsollikonovskie seminary*. Vilnius, 2012. 406 p.).
9. Adorno T.W. *Minima moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main, 1951. 338 p. (Russ. ed.: Adorno T. *Minima moralia. Razmyshleniya iz povrezhdennoy zhizni*. Moscow, 2022. 392 p.).
10. Tillich P. *Love, Power, and Justice: Ontological Analysis and Ethical Applications*. London, 1954. 127 p. (Russ. ed.: Tiliikh P. *Lyubov', sila i spravedlivost'*. Ontologicheskii analiz i primeneniye k etike. Moscow, 2018. 128 p.).
11. Husserl E. Vvedenie k lektsiyam po fenomenologicheskoy psikhologii [An Introduction to the Lectures on Phenomenological Psychology]. *Logos*, 2014, no. 4, pp. 187–214.

12. Badiou A. *La philosophie et l'événement: Entretiens: Suivis d'une courte introduction à la philosophie d'Alain Badiou*. Meaux, 2010. 181 p. (Russ. ed.: Bad'yu A. *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyyu Alena Bad'yu*. Moscow, 2016. 192 p.).
13. Badiou A. *L'éthique: Essai sur la conscience du mal*. Caen, 2003. 130 p. (Russ. ed.: Bad'yu A. *Etika: Ocherk o soznanii Zla*. St. Petersburg, 2006. 126 p.).
14. Kabanova (Korosteleva) L.I. *Filosofskie osnovaniya fenomenologo-ekzistentsial'nogo podkhoda v psikhologii: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Philosophical Foundations of the Phenomenological-Existential Approach to Psychology: Experience of Interdisciplinary Research]. Petrozavodsk, 2018. 107 p.
15. Bugental J.F.T. *Psychotherapy Isn't What You Think: Bringing the Psychotherapeutic Engagement into the Living Moment*. Phoenix, 1999. 278 p. (Russ. ed.: B'yudzhental' Dzh. *Psikhoterapiya – eto ne to, chto vy dumaete. Psikhoterapevticheskoe vzaimodeystvie v zhivom mgnovenii*. Moscow, 2024. 304 p.).

Информация об авторе

Л.И. Коростелева – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета (адрес: 185000, г. Петрозаводск, ул. Ленина, д. 33).

Information about the author

Liliya I. Korosteleva, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Petrozavodsk State University (address: ul. Lenina 33, Petrozavodsk, 185000, Russia).

Поступила в редакцию 10.04.2025
Одобрена после рецензирования 25.09.2025
Принята к публикации 30.09.2025

Submitted 10 April 2025
Approved after reviewing 25 September 2025
Accepted for publication 30 September 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 128–131.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 128–131.

Редакционная статья
УДК 94(47).084:06.053
DOI: 10.37482/2687-1505-V482

Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. В статье представлены результаты всероссийской научной конференции, состоявшейся 13 октября 2025 года в Петрозаводском государственном университете и посвященной 100-летию со дня рождения профессора М.И. Шумилова. Рассмотрены материалы пленарного заседания, в рамках которого докладчики раскрыли жизненный и научно-образовательный путь видного ученого, организатора университетского образования и его наследие. Дан обзор работы трех секций конференции, где были обсуждены следующие вопросы: история Европейского Севера России в переломные для страны периоды, проблемы социально-экономического развития северных территорий, а также культуры и образовательного пространства Севера.

Ключевые слова: Север Евразии, Европейский Север России, историческое прошлое, М.И. Шумилов, научная конференция, научное наследие

Для цитирования: Голдин, В. И. Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 128–131. – DOI 10.37482/2687-1505-V482.

Editorial

Northern Eurasia as an Interaction Space: Multifarious Approaches

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article covers the results of the All-Russian conference that took place on October 13, 2025 in Petrozavodsk State University and was dedicated to the centenary of Professor M.I. Shumilov's birth. The author

© Голдин В.И., 2025

turns to the reports presented at the plenary session detailing Shumilov's life, his path as a scientist and facilitator of university education as well as his heritage. In addition, the paper reviews the work of three conference sections where the participants discussed the European North of Russia during the crucial periods in the country's history, as well as the socio-economic, cultural and educational development of northern territories.

Keywords: *Northern Eurasia, European North of Russia, historical past, M.I. Shumilov, scientific conference, scientific heritage*

For citation: Goldin V.I. Northern Eurasia as an Interaction Space: Multifarious Approaches. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 128–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V482

13 октября 2025 года в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ) под названием, вынесенным в заголовок статьи, состоялась всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения видного ученого и руководителя университетского образования профессора Михаила Ильича Шумилова. Организаторами конференции выступили ПетрГУ, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ) и Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Председателями оргкомитета стали проректор по научно-исследовательской работе ПетрГУ, доктор технических наук, профессор В.С. Синёв и автор этих строк.

В начале конференции состоялось торжественное открытие мемориальной доски М.И. Шумилову в главном корпусе ПетрГУ. Прозвучало приветствие к участникам конференции ректора ПетрГУ профессора А.В. Воронина. Был показан видеоролик с воспоминаниями людей, знавших юбиляра в разные годы и раскрывших различные стороны его личности и деятельности.

Пленарное заседание открылось докладом автора настоящей статьи, который знал юбиляра 37 лет и тесно сотрудничал с ним, под названием «Михаил Ильич Шумилов – личность в науке». В рамках выступления был охарактеризован жизненный путь М.И. Шумилова, ушедшего из жизни в возрасте 94 лет в 2019 году. М.И. Шумилов родился и вырос в Каргопольском районе

Архангельской области, но вся его последующая жизнь была связана с Карелией. Здесь он окончил университет, а с 1960 года и до конца своих дней работал в ПетрГУ. Был доцентом, затем профессором, 18 лет (с 1973 по 1991 год) являлся ректором университета и 44 года был заведующим кафедрой истории СССР / отечественной истории. Защитив в 1967 году докторскую диссертацию по истории, в дальнейшем М.И. Шумилов внес значительный вклад в науку и был удостоен в 1976 году почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». В докладе было представлено научное наследие М.И. Шумилова как историка, основными темами исследований которого являлись революционный процесс и Гражданская война на Европейском Севере России [1, 2]. Профессор М.И. Шумилов также внес весомый вклад в изучение различных проблем истории Карелии, вместе с сыном подготовил учебник «История России», охватывающий период с конца XIX по начало XXI века и вышедший тремя изданиями в Петрозаводске и Санкт-Петербурге. Было раскрыто тесное и многолетнее сотрудничество М.И. Шумилова с Поморским государственным университетом / САФУ.

Кандидат исторических наук, сотрудник Национального архива Республики Карелия Н.А. Басова рассказала о семейном фонде М.И. Шумилова и его супруги И.П. Покровской, хранящемся в названном архиве. Директор Научной библиотеки ПетрГУ М.П. Отливанчик выступила с интересным докладом «Профессор М.И. Шумилов – ректор университета и настав-

ник». Роли М.И. Шумилова в развитии творческих объединений студентов ПетрГУ в 1970-е годы было посвящено выступление старшего преподавателя университета А.В. Васильевой. Профессор ПетрГУ А.В. Аннощенко в рамках сообщения «Методологические принципы изучения университетских юбилеев (развивая опыт М.И. Шумилова)» раскрыл вклад юбиляра в исследование истории родного вуза.

В дальнейшем работали три секции конференции. В секции под названием «Европейский Север России в переломные периоды развития страны» главной темой обсуждения стала история революционного процесса и Гражданской войны в России и на Европейском Севере страны, изучением которой около 70 лет занимался М.И. Шумилов. Автор этих строк представил доклад, посвященный истории и историографии Гражданской войны и интервенции в Россию, осмыслению этой темы на протяжении минувшего столетия. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Карельского научного центра Российской академии наук (РАН) Е.Ю. Дубровская выступила с докладом «На пороге Гражданской войны в России: события “корниловских дней” 1917 года в Выборгском гарнизоне и в российских войсках в Финляндии».

Кандидаты исторических наук К.В. Годунов (Европейский университет, Санкт-Петербург) и В.В. Волохова (ПетрГУ) раскрыли проблему политических дискуссий в Карелии в октябре 1917 – январе 1918 года. Историософские взгляды Деникина были представлены преподавателем ПетрГУ А.Ю. Коротким. Д.А. Попов (магистрант САФУ, Москва) вы-

ступил с интересным докладом «Отголо-ски “Карельской авантюры” в южной Карелии: 1921–1922 гг.». Преподаватель ПетрГУ А.А. Малышко продемонстрировал, как опыт от-мобилизования Мурманской железной дороги в период Гражданской войны и интервенции рас-крывался и анализировался в работах теоретиков мобилизационной подготовки 1920-х годов.

Участники этой секции обращались и к ряду других исторических проблем. Так, док-тор исторических наук В.И. Мусаев (Санкт-Петербургский институт истории РАН) пред-ставил доклад на тему «Европейский Север в контексте взаимоотношений между Россией и королевством Швеции-Норвегии в XIX в.». Магистрант А.А. Соколов (ПетрГУ) выступил с сообщением, посвященным петрозаводской организации партии эсеров в годы Первой рус-ской революции.

Широкий круг тем исторического прошлого и современности был рассмотрен в 9 докладах, подготовленных преподавателями и научны-ми сотрудниками из Петрозаводска, Москвы, Рязани и прозвучавших на секции «Проблемы социально-экономического развития северных территорий». На секции «Культура и образо-вательное пространство Севера» учеными и преподавателями Карелии, Санкт-Петербурга, Архангельска и Самары были представлены 10 сообщений по разнообразной тематике исто-рии и современности.

Следует отметить, что конференция про-шла на высоком организационном и научном уровне и достойно венчала юбилей профессора М.И. Шумилова – видного ученого, орденос-ца и почетного гражданина г. Петрозаводска.

Список литературы

1. Шумилов М.И. Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг. Из истории местных партийных организа-ций. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. 200 с.
2. Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973. 338 с.

References

1. Shumilov M.I. *Vo glave oborony Severa Rossii v 1918–1920 gg. Iz istorii mestnykh partiynykh organizatsiy* [In Charge of the Defence of North Russia in 1918–1920. From the History of Local Party Organizations]. Petrozavodsk, 1967. 200 p.
2. Shumilov M.I. *Oktyabr'skaya revolyutsiya na Severe Rossii* [The October Revolution in North Russia]. Petrozavodsk, 1973. 338 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 18.10.2025
Одобрена после рецензирования 27.10.2025
Принята к публикации 30.10.2025

Submitted 18 October 2025
Approved after reviewing 27 October 2025
Accepted for publication 30 October 2025

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ в 2025 году

№ 1

Анашкина И.А., Конькова И.И. Научно-технический отчет и патент: сопоставление с использованием корпусного подхода

Бражников С.А. Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века

Воробьева Е.Ю. Экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии

Дорофеева М.В. Деонтические лексемы в переводах произведений авторов Русского Севера на английский язык

Кутлимурадова Н.И. Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули

Мотревич В.П., Мамяченков В.Н. Совхозы в Архангельской области в 1946–1950 годах (по данным сводных годовых отчетов)

Новиков Н.С. Современные аспекты формирования личности российских военных профессионалов

Ондриков К.В. Расходы уездных земств Вологодской губернии в 1871–1916 годах

Пантелеев А.Ф., Талалаева М.А. Грамматическая метафора и темпоральный контраст в поэзии Ольги Арефьевой

Потемкина М.Н., Храмшина Ю.Н. Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов Челябинской области

Сацукевич А.И. Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства (под вопросом)

Собольникова Е.Н., Дороднева Н.В. Шестов и Гегель: опыт познания истины = Shestov and Hegel: The Experience of Truth

Федуленкова Т.Н. Мотивационно-ориентирующая доминанта как специфическая черта терминообразования

Хорошев А.А. Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах

Шайхисламов Р.Б. Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века

№ 2

Бадмаева Е.Н., Очиров Б.В. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века

Бакина А.Д., Койкова Т.И. Современные исследования в фокусе сопоставительной фразеологии

Волкова Р.А. Темпоральный аспект прецедентности

Ефимов А.А. Создание постоянной пожарной команды Петергофа

Касымова О.П., Леонова А.С. Корреляционная обусловленность семантики ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» (на материале рекламного медиадискурса)

Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии

Матвеев И.Ю. Избрание почетных членов Российского минералогического общества с 1917 по 1937 год

Мерзлая А.В. Нейронный машинный перевод и передача восприятия холода (на примере финско-русского перевода метеотекстов)

Мухамедов Р.А., Чигрин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах

Пантелеенко О.А. Коммуникативный портрет двуязычного региона в контексте внутренней миграции (на примере итальянского приграничья)

Пашенко О.В. Особенности социального бытия науки в цифровом обществе

Попкова С.В. Практика культурной адаптации иностранных студентов на основе творческой деятельности

Федуленкова Т.Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса

Чалова О.Н. Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков)

Чугаев Н.В. Система словоизменительных типов имени существительного в морфологическом и словообразовательном аспектах (на материале памятника середины XVIII века)

№ 3

Бражников С.А. Деятельность органов государственной власти по повышению материального благосостояния детей и семей с детьми в России конца XX века

Варакин В.С. Трансфинитность культуры и культуροформирующие свойства киборгизации

Ганин М.А. Командировки к Круппу в конце 1920-х – 1930-е годы: проблема обеспечения эффективной рецепции технологий в меняющихся политических условиях

Голдин В.И. История Российской Арктики

Горбачев А.О. Политика директивных органов СССР в области университетского образования в 1959–1969 годах

Иванищева О.Н. Лексикографирование паремий: проблема толкования (на материале русского языка)

Конфедерат О.В., Дядык Н.Г. Фильм «Истр» как опыт визуального философствования: этические аспекты техники в философии М. Хайдеггера

Кочелаева И.С. Лексикон молодежной субкультуры в лингвокультурологическом словарном описании (на материале интернет-СМИ для геймеров)

Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация гендерного аспекта в сфере академического дискурса англоязычных стран

Ненашева М.В. Проблема неопределенности в социальных науках (на примере экономики и социологии)

Плотников В.В., Кочкин А.А. Репрезентация неформальных практик сотрудников органов внутренних дел в медиадискурсе

Скрыдлов А.Ю. «Познание Отечества... всем присутственным местам весьма нужно»: географо-статистическая программа М.В. Ломоносова

Тимофеева А.В. Феномен «сине-зеленых» животных в якутском языке: происхождение и семантика

Трофимов Р.В. Лингвистические механизмы генерации фейковых новостей при помощи искусственного интеллекта

Федуленкова Т.Н. Художественный текст во времени и в пространстве

№ 4

Безменов В.В. Эволюция исламской религиозной идентичности в Индонезии во второй половине XX века

Газизов В.В. Стрелецкое дворовладение в г. Коле в XVII веке

Голдин В.И. КНДР издалека и вблизи: страницы истории и современность

Горячева М.В. Фразеология библейского происхождения: от теории к практике

Иванов Д.В. Баптисты в религиозном ландшафте Тринадцати колоний: на пути к религиозной свободе и многообразию

Кременецкий К.В. Религиозно-философская публицистика Л.Н. Толстого: начало известности во Франции и Германии

Лукьянов В.Ю. Идеология как фактор трансформации внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века

Мартин Э. Философско-антропологические идеи Э. Кассирера и постчеловеческая перспектива

Мурашова Е.А. Актуальность лингвопрагматического исследования образовательного медиадискурса

Николаев С.Г., Сухомлинова М.А. Устный жанр Vice-Chancellor's Address: структурно-композиционные, синтаксические, лексико-семантические характеристики коммуникативного события

Плотников В.В., Кочкин А.А. Репрезентация неформальных практик сотрудников органов внутренних дел в медиадискурсе

Хорохорин П.А. Методика выявления ошибочных записей топонимов Карелии в автоматизированном Государственном каталоге географических названий

№ 5

Артемьев Е.М. Создание Академии наук КНДР и начало академических обменов СССР и КНДР в 1950-е годы

Буров А.А., Балаганов Д.В. Система когнитивных механизмов в переводе

Воронцова И.С. Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: особенности семантических и синтаксических трансформаций

Газизов Р.А. Функционирование максим вежливости в публичной речи (на материале выступлений Ангелы Меркель)

Голиков К.С. «Новое осевое время»: действительно ли это так?

Зашихина И.М. ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего

Канатаев Д.В., Курочкин С.С., Лаптева А.В. Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации

Каракуц-Бородина Л.А., Авхадиева И.А. Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США

Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б. Философия запаха и вкуса

Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития

Шеховская Ю.А., Федуленкова Т.Н. От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме

Юдина Т.В., Хайрлапова М.М. Страхование рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века

№ 6

Галин В.Ю. 11-й том «Истории России»: мнение политэкономиста

Голдин В.И. Несостоявшийся бенефис

Голдин В.И. Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов

Димитриева О.А., Денисова Т.В. Антропимы в чувашских и русских загадках о частях тела: коды культуры

Елхова О.И., Макулина Е.Ю. Умная социальная память как продуктивная сила метаверса

Зубкова О.С., Никитичев И.Г. Особенности конструирования научно-профессиональных концептов билингвами в академическом дискурсе (на материале социально-гуманитарных наук)

Калашников В.В. Выигранная баталия. Что дальше? К выходу 11-го тома «Истории России»: «Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы»

Климов Р.С., Толочко А.В. Создание, применение и эволюция испытательных шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет на полигоне «Плесецк» (1960–1990 годы)

Кондрашин В.В. Неучтенные замечания...

Коростелева Л.И. К проблеме этических оснований психологии

Петрова О.А. Понятийные признаки лингвокультурного типажа «Переводчик» в русской и англоязычной лингвокультурах

Рыкова П.А., Чичерова Е.А. Формирование гештальт-образа «мирный атом» в советском и американском информационном поле (на примере английского и русского языков)

Суслов А.Ю. Отечественная многопартийность в 1917 году в освещении 11-го тома академической «Истории России»

Уткина Н.В., Войцехович В.Э. Онтологическое переосмысление феномена любви

Фокина А.Д. Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Ахметгареева О.Ф., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ» (Москва);

Богинская О.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета;

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук (Москва);

Журавлёва Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков имени В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета;

Иванова А.М., доктор филологических наук, профессор, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (г. Чебоксары);

Ивкин В.И., кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого (Московская обл., г. Балашиха);

Ивушкина Т.А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний;

Куликова Л.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Купарашили М.Д., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Лойко О.Т., доктор философских наук, профессор, профессор-консультант школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Мед Н.Г., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Медова А.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;

Мельник Н.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета;

Неретина С.С., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии Российской академии наук (Москва);

Осипова А.А., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета;

Охочинский М.Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры А1 «Ракетостроение» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург);

Пименова М.В., доктор филологических наук, профессор, ректор Международного гуманитарного университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Санкт-Петербург);

Сабекия Р.Б., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий;

Севостьянов Д.А., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии Новосибирского государственного медицинского университета;

Силин А.В., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра Министерства обороны Российской Федерации (г. Северодвинск);

Стеблецова А.О., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко;

Троценкова Е.В., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и линвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Фомин Э.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары);

Шевченко О.М., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.